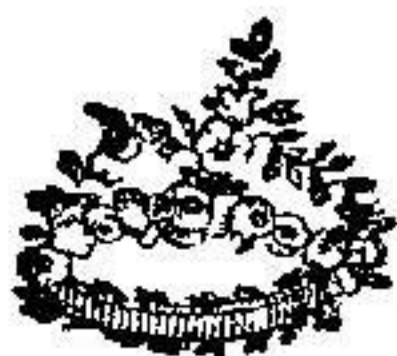

МОСКОВСКОЙ
ЖУРНАЛЪ.

Pleasures are ever in our hands or eyes.

РОРЪ.

Часть I

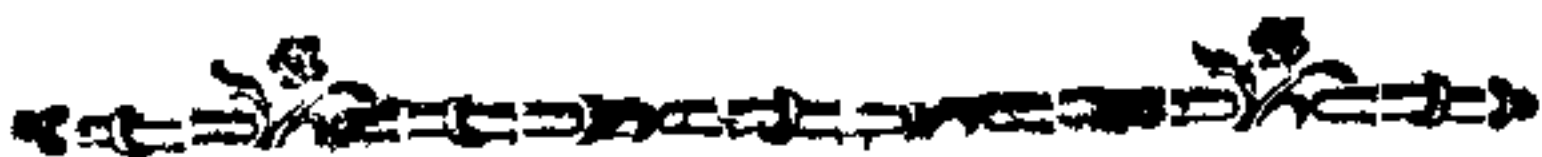
МОСКВА,
ВЪ Университетской Типографіи
у В. Окорокова.
1791 года.

О Д О Б Р Е Н І Е.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господь Кураторовъ я читалъ сию книгу, подъ заглавіемъ: Московскоя Журналь, Часть I, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему она и напечатана быть можетъ. — Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ, Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ и Кавалеръ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Вотъ начало. Издатель употребитъ всѣ силы свои, чтобы продолженіе было лучше и лучше.

Журналъ выдавать не шутка — я знаю — однако жъ tego не дѣлаетъ охота и приѣзжлость? Множество иностранныхъ Журналовъ лежитъ у меня передъ глазами; ни одного изъ нихъ не возьму я за точной образецъ, но всѣми буду пользоваться.

Читатель увидитъ въ сей первой книжкѣ творенія нѣхъ Поэтовъ, о которыхъ говорилъ я въ Объявленіи; и впродъ будетъ ихъ видѣть. — Путешественникъ, прятель мой, сообщаетъ свои записки въ письмахъ къ семейству друзей своихъ...

Кому угодно будетъ сообщать
мнѣ свои сочиненія или переводы,
того прошу присылать ихъ въ Уни-
верситетскую книжную лавку, съ над-
писью. Издателю Московскаго Жур-
нала.

Фронтисписъ къ первой Части
Журнала гравирруется; но потѣнные
Субскрибенты могутъ получить его не
прежде, какъ мѣсяца черезъ два.

Николай Карамзинъ.

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЪ.

Часть первая. Книжка первая.

Мѣсяцъ Январь.

ВРЕМЯ

Ты Время быстрыми крылами
По всей подсолнечной паришь;
Пуская стрѣлы за стрѣлами,
Все рушишь, прапишь и разишь.

*

Непроницаема завѣса
Твоя отъ нашихъ кроетъ глазъ,
Ты движешь вѣчности колеса,
И въ вѣчность съ ними движешь насъ

*

Часы крылатые вращаешь —
Въ ихъ жизненный песокъ печешь —
И жизнь мгновенно прекращаешь,
Песчинка чья на дно падетъ

*

Противу Время обороны
Ни силы, ни защиты нѣтъ;
Снимаетъ лавры и короны,
Вѣнцы и брачны узы рветъ.

*

Къ чему серпомъ своимъ коснется,
Гдѣ Время только пробѣдитъ,
Все вянетъ, ржавѣетъ и рвется,
Покрыто мхомъ сѣдымъ лежитъ

*

Ни юныхъ лѣтъ не уважаетъ,
Веселостей, ни красоты,
На что ни взглянетъ, пожинаетъ,
Какъ будто сельные цвѣты.

*

Коль многи зданіевъ громады
Изглажены его рукой!
Колѣи веси, царства, грады
Исчезли подъ его пятой!

*

Не можетъ мужество геройско
Противу Время устоять;
Твердыни горь, ни храбро войско
Его теченья препинать

*

Представишь въ мысляхъ не умѣю
Слѣдовъ, ты коими стекло;
Лишь Время вобразить успѣю,
Оно исчезло и прошло.

*
О ты, который блескомъ міра
И суешами ослѣпленъ!
Представь, что злато и порфира
Есть жертва времени и плѣнъ.

*
А ты, кого злощастій бремя
Терзаетъ, давитъ и тѣснитъ!
Не плачь промчишь печали Время,
Съ богатымъ нищаго сравнишь.

*
Но стой, о Время! на минушу,
И гласу лирному вслыши
Ты съешь плачь и горестъ люшу,
Текуще по лицу земли.

*
Твоя безмѣрна скоротечность
За насъ тебѣ отмститъ спѣшитъ;
Тебя, себя поглотитъ вѣчность,
Движенія и крыль лишитъ.

— 8 —

ВИДѢНІЕ МУРЗЫ (*).

На темноглубомъ зѣнрѣ
Златая плавала луна,
Въ серебряной своей порфирѣ
Блισταючи, съ высотъ она
Сквозь окна домъ мой освѣщала,
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ томною своей рукою
Мечпы и грезы рассыпалъ;
Кропя забвенія росую,
Моихъ домашнихъ усыплялъ.
Вокругъ вся область почивала;
Петрополь съ башнями дремалъ;
Нева изъ урны чуть мелькала;
Чуть Бельшъ въ брегахъ своихъ сверкалъ.
Природа въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погружена снѣ,
Мертва казалась слуху, оку,
На вышинѣ и глубинѣ
Лишь вѣяли одни зефиры,

Про-

(*) 1783 года Маіа 9 дня.

Прохладу чувствамъ принося.
Я не спалъ, и со звономъ лиры
Мои тихий голосъ соглася,
Блаженъ, воспѣлъ я, кто доволенъ
Въ семь свѣпъ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здоровъ, покоенъ, воленъ
И щастливъ лишь собою саммъ,
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свои вѣкъ,
И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь доброй человекъ;
Что карломъ онъ и великаномъ,
И дивомъ свѣта не рожденъ;
И что не созданъ испуканомъ,
И оныхъ чпшь не принужденъ;
Что всѣ сего блаженства міра
Находитъ онъ въ семь своей;
Что нѣжная его Пльнира
И вѣрныхъ иѣсколько друзей
Часы дѣлать уединены
Съ нимъ могутъ, скуки и пруды!
Блаженъ, какъ естли и Царевны
Кому какой ни естъ Орды
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ,

Изъ сребророзовыхъ свѣшлицъ (*),
Какъ будто изъ улусовъ дальныхъ,
Украдкой отъ придворныхъ лицъ,
За росказни, за расшобары,
За вирши, или за что нибудъ,
Исподщишка драге дары
И въ досканцахъ червонцы шлютъ !
Блаженъ . Но съ рѣчью сей внезапно
Мое все знанье потряслось,
Раздвиглись стѣны, и стократно
Ярчаз молній пролилось
Сянье вокругъ меня небесно
Сокрылась поблѣднѣвъ луна —
Видѣнье я узрѣлъ чудесно.
Сошла со облаковъ жена,
Сошла и жрицей очутилась
Или богиней предо мной.
„Одежда бѣлая спруилась (**)
„На ней серебряной волной ;

Граф-

(*) Древние Лѣтописцы увѣряютъ, что у сей Царевны были преудивительныя палаты, какъ-то, сафирозолотыя, серебряныя и яштарныя.

(**) Точь въ точь такая картина находится у Графа Александра Андреевича Безбородки, писанная для Его Сящельства Г. Левицкимъ, а изобрѣшенная Г. Сшасскимъ Совѣшникомъ Львовымъ.

„Градская на главѣ корона ;
 „Сялѣ при персяхѣ поясѣ златѣ ;
 „Изъ черноогненна виссона
 „Подобный радугѣ нарядѣ
 „Сѣ плеча деснаго полосою
 „Висѣлѣ на лѣвую бедру.
 „Проспершой на олтарь рукою
 „На жершвенномѣ она жару
 „Сжигая маки благовонны ,
 „Служила вышню Божеству.
 „Орелѣ полунощный, огромный ,
 „Сопутникѣ молній, торжеству ,
 „Геройской провозвѣстникѣ славы ,
 „Сѣдя предѣ ней на грудѣ книгѣ ,
 „Священны блюлѣ ея уставы ;
 „Попухлый громѣ въ когтяхѣ своихѣ
 „И лаврѣ сѣ оливными вѣшьями
 „Держалѣ, какѣ будто бы уснувѣ ,
 Сафиросвѣтлыми очами
 Какѣ въ гнѣвѣ имѣ жару блеснувѣ ,
 Богиня на меня воззрѣла —
 Пребудетѣ образѣ вѣкъ во мнѣ ,
 Она который впечатлѣла !
 „Мурза ! она вѣщала мнѣ .
 „Ты бышь себя щасливымѣ члешь ,
 „Когда по днямѣ и по ночамѣ

„На лирѣ ты своей играешь,
 „И пѣсни лишь поешь Царямъ?
 „Вострепещи, Муръа несчастный!
 „И страшны истинны внемли,
 „Которымъ стихотворцы спрасни
 „Едва ли вѣрятъ на земли.
 „Одно къ тебѣ лишь доброхотство
 „Мнѣ ихъ открытъ великъ Когда
 „Поэзія не сумасбродство,
 „Но вышній даръ боговъ, тогда
 „Сей даръ боговъ, кромѣ лишь къ чести
 „И къ поученью ихъ пушей,
 „Не долженъ обращенъ, бытъ къ лести
 „И плѣнной похваляющей.
 „Владыки свѣта люди тѣ же;
 „Въ нихъ спрасни, хопь на нихъ вѣнды;
 „Ядъ лести ихъ вредитъ не рѣже —
 „А гдѣ Поэты не льстецы?
 „И ты сиренѣ поющихъ грому
 „На добродѣтели не строи;
 „Благотворишему прямому
 „Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой
 „Хранящій мужъ честные нравы,
 „Твори свой долгъ, свои дѣла,
 „Царю приноситъ больше славы,
 „Чѣмъ всѣхъ Поэтовъ похвала

„Оставь

„Оставь нектаромъ наполненну
„Опасну чашу, гдѣ скрытъ ядъ“, —
Кого я зрю столь дерзновенну,
И чьи уста меня разятъ?
Кто ты? Богиня, или жрица?
Мечту стоящу я спросилъ.
Она рекла мнѣ Я — Фелица (*).
Рекла, и свѣтлый облакъ скрылъ
Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
Божественны ея черты;
Курение масрикъ оезцѣнныхъ
Мои домъ и мѣсто по цвѣшны
Покрыли, гдѣ она мнѣ зрѣлась —
Мой щипъ, мой Ангелъ во плоти!
Душа моя за ней спремилась,
Но я за ней не могъ ийти
Подобно громомъ оглушенный,
Безчувственъ я, безгласенъ былъ;
Но покомъ слезнымъ орошенный,
Пришелъ въ себя и возгласилъ.
Возможно ль, крошкя Царевна,
И ты къ Мурзѣ чшобъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы сердцу моему

И

(*) Кто такая Фелица, смотри въ Собесѣдникъ
вниманіе на стр. 1.

И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и ты не одобряла?
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя Поэту
За каждую мысль, за каждый стихъ
Опвѣстивовать лихому свѣту,
И опъ сапиръ щипиться злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мой что Пѣсни чли;
Довольно Кадиевъ, Факировъ,
Которые топчасъ сочли
Какъ бы тебѣ какой ихъ лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной опнесъ себѣ къ безчестью,
Что не дерушъ его усовъ,
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ (*);
Иному, очень своевольно
Съ тобой Мурза твоя говоритъ.
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей небесъ
Тебя бышь мыслиа въ восхищеньѣ,
И лилъ въ восторгъ шоки слезъ.

И

(*) Смощи въ Собесѣдникѣ въ Одѣ къ Фелицѣ
шрофу 19.

И словомъ, шопъ желалъ арбуза ,
А шопъ соленыхъ огурцовъ
Но пусть имъ здѣсь докажетъ Муза,
Что я не изъ числа льстецовъ ,
Что сердца моего шоваровъ
За деньги я не продаю ;
Что ни изъ чьихъ чужихъ анбаровъ
Себѣ нарядовъ не крою
Но, вѣнценосна добродѣтель !
Что только сотворила ты ,
Я пѣлъ, чему весь свѣтъ свидѣтель —
Твои дѣла суть красота
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду ,
Я въ шуткахъ правду возвѣщу
Татарски пѣсни изъ подспуду
Какъ лучъ потомству сообщу ;
Какъ солнце, какъ луну пошавлю (*)
Твой образъ будущимъ вѣкамъ ;
Превознесу тебя , прославлю ,
Тобой безсмертенъ буду самъ !

* * *

ФИЛ.

* (*) Древние Поэты Героевъ своихъ помѣщали въ число созвѣздій и свѣтла небесныхъ.

Ф И Л Л И Д Ъ

Проснись, проснись, Филица!
Взгляни на день прекрасной,
Въ которой ты родилась!
Смотри, какъ онъ гордится
И яркими лучами
На зелени играетъ!
Смотри, какъ вся Природа
Ликуетъ, веселится! —
Взгляни же и на друга,
Которой для прекрасной
Принесъ цвѣтовъ прекрасныхъ
И арфу златоспрунну,
Чтобъ радостную пѣсню
Сыграть на ней Филицѣ,
Въ щасливой день рожденья
Красавицы любезной,
И въ нѣжной мелодии
Излить желанья дружбы.

Да будетъ годъ твой красной
Единымъ Майскимъ утромъ,
Которое пахнетъ
Ясмینی и лилеи,
И духъ ихъ ароматной

И павъ передъ тобою
Филлида! я умолкну

К.

ИСТУКАНЪ ДРУЖБЫ.

„Сколь щастливъ пошъ, кто Друж-
бу знаетъ!
„Ахъ! можно ль съ ней сравнить Лю-
бовь?
„Та, я слычала, насъ терзаетъ,
„Тревожитъ сердце, духъ и кровь;
„А пы, о Дружба! ушъшаешь,
„И какъ румяная заря
„Сердца въ насъ грѣшь, не сжигаешь,
„Щастливыми навѣкъ швора „

Вчера такъ Лиза разсуждала,
Ей отъ роду пятнадцать лѣшъ,
Она сама еще не знала,
Что есть ли, сердце въ ней, нль нѣшъ.
Плѣнясь прекрасною мечшою,
Желаетъ всякой часъ имѣшъ
Подобье Дружбы предъ собою,
Чтобъ больше къ ней благоговѣшъ.

„Сколь буду, говоришь, я рада,
„Имѣя образъ, Дружба, твои!
„Въ уединенномъ мѣстѣ сада
„Поставленъ храмикъ будешь мной;
„А въ храмикѣ твой зракъ священной —
„Я жрицей бы его была „
По семъ, съ душою восхищенной,
Невинность къ рѣщикъ пошла
Рѣщикъ ея преиспавилъ взору
Богиши почныи испуганъ,
Безъ прелестей и безъ убору;
Видъ скромной и простой ей данъ.
„Что вижу? Лизанька вскричала
„И тѣни прелестей туть и бытъ,
„Съ какими въ сердце начернала
„Любезной Дружбы я портретъ!
„Поспой Я зрю дѣтя прекрасно
„Ахъ! это Дружество и есть!
„Вотъ богъ, которымъ сердце стра-
 стно! „ —
По томъ, слыша его унести,
Маша! маша! она твердила
Вошше художникъ ей гласилъ
„Вѣдь ты Любовь, Любовь купила! „
Зефиръ сихъ словъ не доносилъ

И.
ЧЕР.

ЧЕРВОНЕЦЪ И ПОЛУШКА

Не вѣдаю, какой судьбой

Червонецъ золотой

Съ полушкою на мостовой

Столкнулся

Мсталь съ снѣпельной раздулся,

Суровой на свою сосѣдку бросилъ
взоръ

И такъ съ ней началъ разговоръ
Какъ ты отважилась со скаречною
рожей

Казать себя моимъ очамъ?

Ты вещь презрѣнная отъ князей и
Вельможей!

Ты, коей суждено валяться по сучамъ!
Ужели ты равной быть со мною воз-
мечала? —

Никакъ, съ покорностью полушка ош-
вѣчала:

Я предъ тобой мала, однако не шужу;
Я столько жъ какъ и ты на свѣтѣ
семъ служу.

Я рубищемъ покрышу нищу,

И дряклой старосшью поверженну во
прахъ,

Даю хопъ грубую, ему по потребну пицу,

И прохлаждаю жаръ къ запекшихся
устахъ;

Лишена помощи младенца я питаю,

И жреби страдающихъ въ темницѣ
облсичаю

Причиною жь убійствъ, коварствъ, из-
мѣнъ и зла

Вовѣкъ я не была

Я болѣе горжусь служить всегда убо-
гимъ,

Вдовицамъ, сиротамъ и воинамъ без-
ногимъ,

Чѣмъ быть погребену во мракѣ сун-
дуковъ

И умножать собой казну росповщи-
ковъ,

Заводчиковъ, скупягъ и знатныхъ ша-
луновъ

А ты,, Прохожій ихъ вдали еще
увидя,

Тотчасъ къ нимъ подлешѣлъ,

Примѣшя же ихъ споръ и споровъ не-
навидя,

“Онъ

Онъ положи́лъ ему́ предѣ́лъ,
А попросту, онъ ихъ развелъ,
Отдавъ одну вдовѣ, идущей съ сиротою,
Другова подаря торгующей красою.
И.

Э П И Т А Ф І Я .

Подъ камнемъ симъ лежи́тъ сокрыто
 тѣ́ло,
Остатокъ юноши, достойнаго любви,
Онъ умеръ испытавъ печали и надежду.
Постой, прохожи, здѣсь, и гласъ его
 внемли —
Во всякомъ вѣтеркѣ сей гласъ къ тебѣ
 несется —
„И я былъ живъ какъ ты, и ты
 умрешь какъ я! „
И.

ПИСЬМА РУСКАГО ПУТЕ-
ШЕСТВЕННИКА

Тверь, 18 Мая

1789

Разстался я съ вами, милые, раз-
стался! Сердце мое сноуко къ вамъ
привязано, а я безирестанно ошъ
васъ удаляюсь и буду удаляться!

Что я по се всема вышерилъ,
милые, и еще перилъ буду!

О сердце, сердце! кто знаетъ,
чего ты хочешь? — Сколько лѣтъ
путешествие было прятнѣшею меч-
ною моего воображенія? Не въ вос-
торгъ ли сказахъ я самому себѣ на-
конецъ ты поѣдешь? Не въ радости
ли просыпался по томъ всякое утро?
Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ,
думая ты поѣдешь? Сколько време-
ни не могъ ничего думать, ничѣмъ
заниматься, кромѣ путешествія? Не
считалъ ли дней и часовъ? — И при
всемъ томъ, когда насталъ желаемой
день, я сталъ грустить, вообразя
себѣ въ первой разъ живо, что мнѣ над-
лежало разстаться съ любезнѣшими

для

для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ сознавъ бывша моего. На что ни смѣтрѣлъ — на столѣ, гдѣ нѣсколькo лѣтъ извивались на бумагѣ незрѣлыя мысли и чувства мои — на окно, подъ которымъ сживалъ я погрюнившись въ припадкахъ своей меланхолии, и гдѣ такъ часто заставао меня восходящее солнце — на гошическои домѣ, любезнои предметѣ глазъ моихъ въ часы ночные — однимъ словомъ, все, что понадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоценнымъ памяникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильнои дѣлами, но зато мыслями и чувствами обильнои. Съ бездушными вещами прощался я какъ съ друзьями. И въ самое то время, какъ я былъ размягченъ, расстроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забывалъ ихъ —, чтобы я взялъ ихъ опять къ себѣ, когда возвратусь. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало расстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорю за́бываю. Но что вамъ сказывать! — Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысяча приятныхъ минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ за нее заплашутъ.

Милои Цц провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и въ первой еще разъ видѣлъ я слезы его; — тамъ сѣлъ я въ кибитку и взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго — взглянулъ и сказалъ прости! Колоколъ зазвѣнѣлъ, лошади помчались, и я еще ижесть быль въ первой разъ въ жизни своей такъ живо почувствовалъ себя *одного*.

Все прошедшее есть сонъ и шѣнь. гдѣ теперь шѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему среди васъ, милые? — Если бы человѣку вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его въ самой живѣйшей радости, и языкъ бы

бы его въ свинецъ превратился въ самую ту секунду, въ которую онъ подумалъ бы назвать себя щаспливѣйшимъ человекомъ .

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли, а на послѣдней станціи къ Твери грусть моя такъ усилилась, что я, въ деревенскомъ трактирѣ, стоя передъ карриатурами Королевы Французской и Римскаго Императора, радъ бы былъ вылакать все сердце свое. Тамъ-то все оставленное мною представилось мнѣ въ такомъ прогашельномъ видѣ — — Но полно, полно! Мнѣ опять становился чрезмѣрно грустно — Простите! Дай Богъ вамъ множество упѣшени! Простите до Петербурга! — Воспоминайте друга, но безъ всякаго прискорбнаго чувства! — Простите!

С Петербургъ, 26 Мая

1789.

Проживъ здѣсь пять дней, друзья мои, черезъ часъ поѣду въ Ригу

Въ

Въ Петербургѣ я не веселился. Приѣхавъ къ своему приятелю * * *, нашелъ его въ странномъ унынии Сей доспоиной, лютезной человекъ открылъ мнѣ свое сердце, оно иѣжнѣе, нежели я думалъ, и онъ несчастливѣе, нежели я думалъ. Состояние мое совсѣмъ швоему противоположно, сказалъ онъ со вздохомъ главное швое желаніе исполняется ты ѣдешь наслаждаешься, веселишься, а я поѣду искашь смерти, которая одна можетъ окончать мое мученіе. — Я не смѣлъ упѣшать его, и довольствовался однимъ сердечнымъ соучаствіемъ въ его горести. Но не думай, мой другъ — сказалъ я ему — чшобы ты видѣлъ переѣтъ собою человека довольнаго своею судьбою; приобретаешь одно, лишаюсь другаго, и жалѣю. — Оба мы вмѣстѣ отъ всего сердца жаловались на несчастной жребій человечества, или молчали. По вечерамъ прохаживались въ лѣтнемъ саду, и всегда больше думали, нежели говорили, каждой о своемъ думалъ. До
объ-

Объѣзъ бываю я на бираѣ, чтобы видѣться съ знакомымъ своимъ Англичаниномъ, черезъ котораго надлежало мнѣ получить вексели Тамъ, смотря на корабли, вздумалъ было я ѣхать водою, въ Данцигъ, въ Штетинъ или въ Любекъ, чтобы съ меньшими безпокоиствами и скорѣе быть въ Германіи Англичанинъ мнѣ по же совѣщовалъ, и сыскалъ Капитана, которой черезъ нѣсколько дней хотѣлъ плыть въ Штетинъ Дѣло, казалось, было съ концомъ, однако жъ вышло не такъ Мнѣ сказали, что паспортъ мой надобно было написать въ Адмиралтействѣ Я туда явился съ нимъ, но его написать не хотѣли, для того, что онъ данъ изъ Московскаго, а не изъ Петербургскаго Губернскаго Правленія, и что въ немъ не сказано, какъ я поѣду, по естѣ, не сказано, что я поѣду моремъ Возраженія мои мнѣ не помогли — я не зналъ порядка, и мнѣ оставалось ѣхать сухимъ путемъ, или взять другой паспортъ въ Петербургъ Я рѣшился

на первое, пошелъ, взялъ подорожную и послалъ за лошадьми, которыхъ уже и гошovy И такъ просните, любезные друзья! Когда-то будетъ мнѣ веселѣ! А до сего часа все грустно Просните!

Рига, 31 Мая
1789.

Вчера, любезнѣйше друзья мои, приѣхалъ я въ Ригу, и остановился въ Hôtel de Peterbourg. Дорога меня очень измучила Не довольно было сердечной грусти, которой причина вамъ конечно извѣстна надлежало еще и идти сильнымъ дождямъ, надобно еще было, чтобы я въ Петербургѣ не купилъ своей повозки, поѣхалъ на перекладныхъ и нигдѣ не находилъ хорошихъ кибитокъ Все меня сердило Вездѣ, казалось мнѣ, брали съ меня лишнее, или заставляли меня слишкомъ долго дожидаться Но нигдѣ не было мнѣ такъ горько, какъ въ Нарвѣ Я приѣхалъ сюда весь мокрой Насквозь промоченная постель и грязью забрыз-

брызганная подушки были печальнымъ предметомъ для глазъ моихъ. Насилу могъ я найти кугишь двѣ рогожи, чтобы сколько нибудь закрыться отъ дождя, и зашлапихъ за нихъ по крайней мѣрѣ какъ за двѣ добрыя кожи. Кибитку дали мнѣ негодную, лошадей скверныхъ. Лишь только отъѣхали съ полверсты, переломилась ось, кибитка упала, и я съ нею повалился въ грязь. Илья мой поѣхалъ съ ямщикомъ назадъ за осью, а я остался поцѣпъ кибитки на сильномъ дождѣ. Этова еще мало было, пришелъ какой-то Полицейской, и началъ шумѣть, что кибитка моя стояла среди дороги. Спрячь ее въ карманъ! сказалъ я съ прищворнымъ равнодушиемъ, и вернулся въ плащъ. Богъ знаетъ, каково мнѣ было въ эту минушу. Всѣ мѣ прятные образа, въ которыхъ представлялось мнѣ путешествованье, зашмились въ душѣ моей. О ешьли бы можно было мнѣ тогда перенестись къ вамъ, друзья мои! Внутренно проклиналъ я то никогда неспящее

щее

щее побужденіе сердца человеческого, которое влечетъ насъ отъ предмета къ предмету, отъ вѣрныхъ удовольствій къ невѣрнымъ, какъ скоро первыя перестаютъ быть для насъ новыми — которое настраиваетъ къ мечтамъ наше воображеніе, и заставляетъ насъ исать радости въ неизвѣстномъ оудуцемъ.

Есть всему предѣлъ, волна, ударясь въ берегъ, назадъ возвращающаяся, или, поднявшись высоко, опять внизъ упадаетъ — и въ самой той мигъ, какъ сердце мое стало полно, отъуда ни взялся молодой, хорошо одѣтой человекъ, или мальчикъ лѣтъ тринадцати, сталъ передо мной какъ листъ передъ иравою, и съ милою, сердечною улыбкою сказалъ мнѣ по-Нѣмецки „У васъ излучалась кибитка? Жаль, очень жаль! Пожалуйста къ намъ — вотъ это нашъ домъ — бабюшка и мапушка приказали васъ просить къ себѣ, — Благодарю васъ, государь мой! Только мнѣ не лзя отойти отъ своей кибитки, къ тому же

же я одѣтъ слишкомъ по дорожному, и весь мокры — „Къ кибиткѣ приспавимъ мы человека, а на плащѣ дорожныхъ кто смотришь? Пожалуйте, сударь, пожалуйте! „ — — Тушъ улыбнулся онъ такъ убѣдительно, что я долженъ былъ спрягнуть воду съ шляпы, и сбросить съ себя грязной плащъ — разумѣется, чтобы съ нимъ итти Мы взялись за руки, и побѣжали бѣгомъ въ большой каменной домъ, гдѣ въ залѣ перваго этажа нашелъ я многочисленную семью, сидящую вокругъ стола, хозяйка разливала чай и кофе Меня приняли такъ ласково, подчивали такъ сердечно, что я забылъ все свое горе. Хозяинъ, пожилой человекъ, у котораго добродушіе было на лицѣ написано, съ видомъ искренняго участія спрашивалъ меня о моемъ вояжѣ. Молодой человекъ, племянникъ его, не давно возвратившійся изъ Германіи, сказывалъ мнѣ, какъ удобнѣе путешествовать по сей землѣ Я пробылъ у нихъ около часа. Между тѣмъ

В при-

привезли ось, и все было готово „Нѣтъ, еще постоите!“, сказали мнѣ — и хозяйка принесла на блюдѣ три хлѣба „Нашъ хлѣбъ, говорящъ, хорошъ возьмите его“, Богъ съ вами! примолвилъ хозяинъ, пожавъ мою руку Богъ съ вами! — Я сквозь слезы благодарилъ его, и желалъ, чтобы онъ и впредь своимъ гостеприимствомъ утѣшалъ печальныхъ путешественниковъ, расставшихся съ милыми друзьями Гостеприимство, священная добродѣтель, обыкновенная во дни юности рода человеческого, и столь рѣдка во дни наши! естли я когданибудь тебя забуду, то пусть забудутъ меня друзья мои! Пусть вѣчно буду бездомнымъ странникомъ на землѣ сей, и нигдѣ не найду втораго Крамера! — Проснился со всею любезною семьею, сѣлъ въ кибитку и поехалъ, обрадованной находкою добрыхъ людей! —

Почта отъ Нарвы до Риги называется Нѣмецкою, для того, что Юнкиссары на станціяхъ Нѣмцы Поч-

бросился я на постелю, но не могъ заснуть до самого того времени, какъ Чухонецъ пришелъ мнѣ сказать, что кибитка для меня впряжена.

Я не примѣтилъ никакой разности между Эстляндцами и Лифляндцами, кромѣ языка и кафтановъ первые носятъ черные, а вторые сѣрые, дьячковскаго покроя. Языки ихъ хотя разны, однако жь сходны, имѣютъ мало собственнаго, много Нѣмецкихъ, и даже нѣсколько Славянскихъ словъ. Я замѣтилъ, что всѣ Нѣмецкия слова въ ихъ произношеніи смягчены, изъ чего можно заключить, что слухъ ихъ нѣженъ, но видя ихъ нероворство, неловкость и недогадливость, всякой долженъ думать, что они, по просту сказать, глуповаты. Господа, съ которыми удалось мнѣ говорить, жалуются на ихъ лѣность, и называютъ ихъ сонливыми людьми, которые безъ понужденія ничего не сдѣлаютъ; и такъ надобно, чтобы ихъ очень понуждали, потому что они очень много работаютъ, и мужикъ въ Лифляндіи, или

въ

въ Эсплянди, приносишъ господину
вчетверо болѣе нашего Казанскаго или
Симбирскаго

Сии бѣдные люди, работающіе
господамъ со страхомъ и пречепомъ
во все будничные дни, за то уже
безъ памяти веселятся въ праздники,
которыя, правда, весьма не много
по ихъ Календарю Корчмы, кото-
рыми усѣяна дорога, въ проѣздъ мой
были исполнены гуляющимъ народомъ
— праздновали Троицу.

Мужики и господа все Лютеран-
скаго исповѣданія Церкви ихъ похожи
на наши, кроме того, что наверху
стоитъ не крестъ, а пѣшухъ, ко-
торой долженъ напоминать о надеши
Апостола Петра Проповѣди гово-
ряшъ на ихъ языкѣ, однако жъ Пасто-
ры все знаютъ по-Нѣмецки.

Что принадлежатъ до мѣсто-
положеніи, то въ этой сторонѣ
смотримъ не на что. Лѣса, пе-
сокъ, болота, нѣтъ ни большихъ
горъ, ни пространныхъ долинъ —
Напрасно будешь искать и такихъ

деревень, какъ у насъ въ одномъ мѣ-
стѣ видишь два двора, въ другомъ
при, чепыре, и церковь Избы бол-
ше нашихъ, и раздѣлены обыкновен-
но на двѣ половины въ одной жи-
вуть люди, въ другой скопина. —
Тѣ, копорые ѣдутъ не на почто-
выхъ, должны останавливаться въ
корчмахъ Впрочемъ я почти совсѣмъ
не видалъ проѣзжающихъ такъ пу-
стя эта дорога въ нынѣшнее время.

О городахъ говорить много не че-
го, потому что я въ нихъ не оста-
навливался Въ Ямбургѣ, маленькомъ
городкѣ, извѣстномъ по своимъ су-
коннымъ фабрикамъ, есть изрядное
каменное строение. Нѣмецкая часть
Нарвы, или собственно такъ называ-
емая Нарва, состоитъ по большей ча-
сти изъ каменныхъ домовъ, другая,
отдѣляемая рѣкою, называется Иванъ-
городъ Въ первой все на Нѣмецкую
стать, а въ другой все на Рускую.
Тутъ была прежде наша граница —
о Петръ, Петръ!

Когда открылся мнѣ Дерптъ, я сказахъ прекрасной городокъ! Тамъ все праздновало и веселилось Мужчины и женщины ходили по городу обнявшись, и въ окрестныхъ рощахъ мелькали гуляющія пары *Что городъ, то коровъ, что деревня, то обыгаи* — Здѣсь-то живетъ братъ несчастнаго Л^е*. Онъ главный Пасторъ, всеми любимъ, и доходъ имѣетъ очень хороший. Не знаю, помнитъ ли онъ брата Я говорилъ объ немъ съ однимъ Лифляндскимъ дворяниномъ, любезнымъ, пылкимъ человекомъ „Ахъ, государь мой! сказахъ онъ мнѣ со вздохомъ самое то, что одного прославляетъ и щастливитъ, дѣлаетъ другаго злополучнымъ Кто, читая Поэму шестнадцатилѣтняго Л^е*, и все то, что онъ писалъ до двадцатилѣтняго лѣтъ. не увидитъ *утренней зари великаго духа?* Кто не подумаетъ вошь юной Клопштокъ, юной Шекспиръ? Но черныя тучи помрачали сию прекрасную зарю, и солнце никогда не возсіяло *Глубокая чув-*

сверхъестественность, безъ которой Клопштокъ не былъ бы Клопштокомъ и Шекспиръ Шекспиромъ, погубила его Другія обстоятельства, и Л^к безсмертенъ!,, — Тутъ сказали ему, что въ коляску его запрягли лошадей

Лишь только вѣдешь въ Ригу, увидишь, что это торговой городъ — много лавокъ, много народа — рѣка покрыта кораблями и судами разныхъ націй — биржа полна Вездѣ слышишь Нѣмецкой языкъ — гдѣ гдѣ Руской — и вездѣ преобладаютъ не рубли, а талеровъ Городъ не такъ чтобы красивъ былъ, улицы узки — но много каменнаго строенія, и есть хороше дома

Въ пракширѣ, гдѣ я остановился, хозяинъ очень услужливъ самъ носилъ паспортъ мой въ Правленіе и въ Благочиніе, и сыскалъ мнѣ извозчика, которой за пятнадцать червонцевъ начался довезти меня до Кендгеберга, вмѣстѣ съ однимъ Французскимъ кучеромъ, которой нанялъ

у него въ свою коляску четыре лошади, а я поѣду на парѣ въ либишкѣ — Илью отправлю отсюда прямо въ Москву

Милые друзья! всегда, всегда о васъ думаю, когда могу думать. Я еще не выѣхалъ изъ России, но давно уже въ чужихъ краяхъ; пошому что давно съ вами расстался. Простите! Будьте здоровы и покойны! — До Мемеля чтонибудь напишу, а отсюда пошлю къ вамъ Простите! Лошади готовы.

Курляндская корчма,

1 Юня 1789

Еще не успѣлъ я окончить письма къ вамъ, любезнѣйшие друзья, какъ лошади были выряжены, и пращирщикъ пришелъ сказать мнѣ, что черезъ полчаса запрутъ городскія вероты. Надо было дописать письмо, расплашиться, укласть чемоданъ и приказать кое-что Ильѣ. Ночу мнѣ подали, и я за сущи долженъ былъ заплатить около девяти рублей.

В 5

Не

Не было мнѣ времени разіроблять се, о аштенарскаго счета, оспавалось только заплашишь.

Удивляюсь еще, какъ я въ нѣкыхъ порояхъ ничего не забылъ въ прахширѣ. Наконецъ все было і ошо во, и мы выѣхали изъ ворошъ Тушъ проселился я съ доородушнымъ Шьсо — онъ къ вамъ поѣхалъ, милье! — Начинало смеркаться. Въ Форшпанѣ извоуики наши оспановились. Мнѣ надбно было чѣмъ нибудь заняться. и такъ я принялся за жареное, кошорое ошпустили со мною изъ тракшира. Три или чешыре челоуѣка подходили спрашивать меня, куда я ѣду? Въ Англо, ошвѣчалъ я. Они дивились, какъ можно пускаться въ такой дальній путь, и желали мнѣ всякаго добра. Мимо насъ промчалась кибитка. Двое молодыхъ Нѣмцовъ, кошорые сидѣли на облукѣ, держали въ рукахъ бутылки и трубки, и кричали мнѣ Guten Abend, mein Herr. Мы поѣхали за ними. Вечеръ былъ тихъ и прохладенъ. Я заснулъ грѣвкимъ сномъ, и

не чувствовалъ, какъ мы доѣхали до той корчмы, гдѣ надлежало намъ ночевать. Проснувшись и осмотрясь, увидѣлъ я, что съ нами на покрытомъ дворѣ стояла еще кистикъ, точно та, которая при выѣздѣ изъ Риги мимо насъ проскакала. Вотъ еще товарищи! подумалъ я, и опять заснулъ. Восходящее солнце разограло меня лучами своими. Мы уже ѣхали и приближались къ заспавѣ, къ маленькому домику съ рогаткою. Парижской купецъ пошелъ со мною къ Маюру, который принялъ насъ очень учтиво, и послѣ осмотра велѣлъ насъ пропустить. Мы вѣхали въ Курляндию — и мысль, что я уже внѣ опечества, производила въ душѣ моей удивительное дѣйствие. На все, что попадалось мнѣ въ глаза, смотрѣлъ я съ опмѣннымъ примѣчанемъ, хотя предметы сами по себѣ были весьма обыкновенны. Я чувствовалъ такую радость, какой, со времени нашей разлуки, милые! еще не чувствовалъ. Скоро открылась Мишава. Видѣ сего города

де

не красивъ, но для меня былъ привлекателенъ. Вошъ первой иностранной городъ, думалъ я — и глаза мои искали чего нибудь опмѣннаго, новаго. На берегу рѣки Аа, черезъ которую мы переѣзжали на плоту, стоитъ дворецъ Герцога Курляндскаго, не малой домъ, впрочемъ по своей наружности весьма не великолѣпной. Стекла почти все дѣ выбиты или вынуты, и видно, что внутри комнаты передѣлываютъ. Герцогъ живетъ въ лѣпномъ своемъ замкѣ, не далеко отъ Минявы. Берегъ рѣки покрытъ лѣсомъ, которымъ самъ Герцогъ исключительно торгуетъ, и которой составляетъ для него немалой доходъ. Стоявшіе на караулѣ солдаты казались мнѣ инвалидами, и по своей фигурѣ и по плащю. Что принадлежило до города, то онъ довольно просторенъ, но не хорошъ. Дома почти все маленькіе, и довольно неопрятны; улицы узки и худо вымощены; садовъ и пустырей много. Мы остановились въ трактирѣ, которой почитается

лучъ

лучшимъ въ городѣ. Тотчасъ окружили насъ Жиды съ разными безцѣлками. Одинъ предлагалъ прубку, другой старой Лютеранской молишвенникъ и Готшецову Грамматику, прешн зрительное стекло, и каждой хотѣлъ продать товаръ свой такимъ добрымъ господамъ за самую сходную цѣну. Приѣхавше съ нами Нѣмцы ушли къ своему знакомому. Француженка, ѣдущая съ Парижскимъ купцомъ, женщина лѣтъ въ сорокъ пять, стала оправлять свои сѣдые волосы перецѣ зеркаломъ, а мы съ купцомъ, заказавъ обѣдъ, пошли ходить по городу — видѣли, какъ молодой Офицеръ училъ старыхъ солдатъ, и слышали, какъ пожилая курносая Нѣмка въ чепчикѣ бранилась съ краснорожимъ мужемъ своимъ, сапожникомъ. Возвратясь, обѣдали мы съ добрымъ аппетитомъ, и послѣ обѣда имѣли время напишья кофе, чаю, и поговорить довольно. Я узналъ отъ солупника своего, что онъ родомъ Испанецъ, но въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ оставилъ свое

оше-

отечество и вошелъ въ коммерцію въ Парижъ, много путешествовалъ, и въ Россию приѣзжалъ опчасти по своимъ дѣламъ, опчасти для того, чтобы узнать всю жестокость зимы, и теперь возвращается опять въ Парижъ, гдѣ намѣренъ навсегда остаться — За все вмѣстѣ заплатили мы въ трактирѣ по рублю съ человека

Въ ѡхавъ изъ Мишавы, увидѣвъ я пріятнѣиша мѣсна. Сія земля гораздо лучше Лифлянди, которую не жаль проѣхать замурясь Намъ попались фурманы изъ Либавы и изъ Пруссии Странные экипажи! Предлиныя фуры нугомъ, лошади пребольшия, и на нихъ навѣшаны гремушки, производящая несноснои для ушей шумъ

Отѣѣхавъ пять миль, остановились мы ночевать въ кортмѣ Дворѣ, гдѣ стоятъ повозки и лошади, хорошо покрытъ, комнаты довольно чисты, и нѣсколько постель стоитъ въ услугамъ путешествующихъ

Вечеръ весьма пріятенъ Въ нѣ-
сколькихъ шагахъ отъ корчмы течетъ
чистая рѣка Берегъ покрытъ мягкой
зеленою травою, и обнесенъ въ иныхъ
мѣстахъ густыми деревьями Я отка-
зався отъ ужина, и, напившись чаю,
пошелъ гулять по берегу Солнце
передо мною закатилось Я вспомнилъ
однажды Московскій вечеръ, въ кото-
рой, гуляя съ Пш поѣхъ Андрее-
вымъ монастыремъ, съ оптимизмомъ
удовольствіемъ смотрѣлъ я на захо-
дящее солнце Думалъ ли я тогда,
что ровно черезъ годъ буду насла-
ждаться пріятностями вѣтра въ Кур-
ляндской корчмѣ! Еще другая мысль
пришла мнѣ въ голову Нѣкогда началъ
было я писать романъ, и хотѣлъ въ
воображеніи объѣздить точно нѣ-
земли, въ которыхъ теперь живу Въ
мысленномъ путешествіи, выѣхавъ изъ
Россіи, остановился я ночевать въ
корчмѣ и въ дѣйствительномъ то же
случилось Но въ романъ писалъ я,
что вечеръ былъ самой несчастной,
что дождь не оставилъ на мнѣ сухи
нш

нитки, и что въ корчмѣ надлежало мнѣ сушиться передъ каминомъ, а на дѣлѣ вечеръ выдался самой тихой и ясной. Сеи первой ночлеги былъ нещастливъ для романа: боясь, чтобы ненастное время не продолжилось и не обезпокоило меня въ моемъ путешествіи, сжегъ я его въ печи въ благословенномъ своемъ жилищѣ на Чистыхъ Прудахъ — Я легъ на правъ подъ деревомъ, вынулъ изъ кармана записную книжку, чернилицу и перо, и написалъ то, что вы теперь читали.

Между тѣмъ вышли на берегъ Нѣмцы, легли подлѣ меня на правъ закурили *дуо*, и опѣ скуки начали бранить Руской народъ. Я, переставъ писать, хладнокровно спросилъ у нихъ были ли они въ Россіи даже Риги? Нѣтъ, отвѣчали они. А когда такъ, государи мои, сказалъ я, то вы не можете судить о Руской наци, побывавъ только въ пограничномъ городѣ. Они не разсудили за благо утверждать своего мнѣнія, а я опровергаю
его

его основательнѣе Примѣтивъ изъ словъ ихъ, что они почитали меня Французомъ, почелъ я за должное открытъ имъ заблуждене ихъ, но они долго не хотѣли мнѣ вѣрить, думая, что Русскіе не могутъ говорить ни по Нѣмецки ни по-Французски Разговоръ продолжался Одичъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что онъ имѣлъ щастіе бытъ въ Голландіи, и сконилъ тамъ много полезныхъ знаній „ Кто хочетъ узнать свѣтъ, говоритъ онъ, покуда надобно ѣхать въ Роттердамъ Тамъ-то живутъ славно, и всѣ гуляющъ на шлюнкахъ Нигдѣ не увидишь того, что тамъ увидишь Повѣрьте мнѣ, государь мой, что въ Роттердамѣ я спалъ человекомъ „ — Хорошъ гусь! думалъ я — вспалъ, походилъ по лугу, и возвратился въ корчму, гдѣ написалъ си спрѣки.

Полоица, 14го Іюня

1789

Наконецъ, проѣхавъ Курляндію болѣе двухъ сотъ верстъ, въѣхали

Г

мы

мы въ Польскія границы, и сѣ шаю
 вились ночевать въ богатой корчмѣ
 Въ день переѣзжаемъ обыкновенно де
 сять миль, или верспѣ семдесятъ
 Въ корчмахъ находили мы по сие вре
 мя что пиво и ѣсть, и не за боль
 шія деньги Давали намъ супъ, жа
 реное съ салатомъ, яицы, и за это
 плашили мы не болѣе, какъ копѣекъ
 по дваццати съ человѣка Есть вез
 дѣ кофе и чай, правда, что все не
 очень хорошо — Дорога довольно
 пуста Кромѣ фурмановъ, которые
 намъ раза три попадались, и старо
 модныхъ берлиновъ, въ которыхъ
 Курляндскіе дворяне ѣздятъ другъ къ
 другу въ гости, не встрѣчались нѣмъ
 никакіе проѣзжіе Впрочемъ дорога не
 скучна, вездѣ видишь плодоносную
 землю, луга, рощи, шамъ и сямъ ма
 ленькія деревеньки, или врозь разсѣ
 янные крестьянскіе домики

Съ Французскимъ Италіянцомъ
 мы ладимъ Къ Француженкѣ у ме
 ня не лежитъ сердце, для того что
 ея

ея физиономія и ухватки мнѣ не нравились. Впрочемъ можно ее похвалишь за опрятность. Лишь только остановимся, извозчикъ нашъ Гаврила, котораго она зоветъ Га риелемъ, долженъ нести за всю въ горницу уборной ларчикъ ея, и по крайней мѣрѣ часъ она помадится, пудрится, притирается и проч., такъ что всегда надобно ее докидывать къ обѣду. Долго совѣщались мы, сажать ли съ собою за столъ Нѣмцовъ. Мнѣ поручено было узнать ихъ состояніе. Открылось, что они купцы, торгующіе виномъ. Всѣ сочельны исчезли, и съ того времени они съ нами обѣдаютъ; а какъ Италианецъ съ Француженкою не разумѣютъ по Нѣмецки, а они по Французски, то я долженъ бываю служить имъ переводчикомъ. Нѣмецъ, котораго въ Роттердамѣ спалъ челоуѣкъ, увѣрялъ меня, что онъ прежде совершенно зналъ Французскій языкъ, и забылъ его весьма недавно, а чтобы еще болѣе увѣрить въ этомъ меня и товарища своего, то при всякомъ по-

клонѣ Француженкѣ говоритъ онѣ
obligé, Madame!

На Польской границѣ визитница
была не строгая Я далъ осмотрѣн-
камъ копѣекъ сорокъ; послѣ чего ои
только заглянули въ мой чемоданъ,
полюбась на мое слово, что у меня
нѣтъ ничего новаго.

Море отъ корчмы не далѣе двухъ
сотъ сажень. Я около часа сидѣлъ
на берегу, и смотрѣлъ на простран-
ство волнующихся водъ Видѣ вели-
чественной и унылой! Напрасно гла-
за мои искали корабля или лодки!
Рыбакъ не смѣлъ показаться на мо-
рѣ; порывистой вѣтрѣ опрокинулъ
бы его челночекъ — Завтра будемъ
обѣдать въ Мемель, откуда отпра-
влю къ вамъ это письмо, друзья мои

Мемель, 17го Юля

1789

Я ожидалъ, что при вѣздѣ въ
Пруссию на самой границѣ насъ остано-
вятъ; однако жь этого не случилось
Мы приѣхали въ Мемель въ одиннадцат

цапомъ часу, и остановились въ прак-
ширѣ

Городъ не великъ, есть камен-
ныя строенія, но мало порядочныхъ.
Цитадель очень крѣпка, однако жъ на-
ши Рускіе умѣли взять ее въ 57 году.

Мемель можно назвать хорошимъ
торговымъ городомъ Курляндской
гафъ, на которомъ онъ лежитъ, очень
глубокъ Пристань наполнена разными
судами, которыя грузятъ по большой
части пенькою и мѣсомъ для отправле-
нія въ Англю и Голландію.

Изъ Мемеля въ Кенигсбергъ три
пути, по берегу гафа считается до
Кенисберга 18 миль, а черезъ Тиль-
зитъ 30 большая розница! Но изво-
щики всегда почти избираютъ сей по-
слѣдній путь, жалѣя своихъ лошадей,
копрыхъ весьма упоминаютъ ужасные
пески набережной дороги. Всѣ изво-
щики, ѣдущіе въ Кенигсбергъ, бе-
рутъ здѣсь билеты и платятъ съ ло-
шадей пошину Нашъ Гаврила за
шесть лошадей заплатилъ при Кур-
ляндскихъ шатера, сказавъ, что онъ

пойдетъ берегомъ Мы же въ самомъ дѣлѣ ѣдемъ черезъ Гильзинъ, но если-ли бы онъ сказалъ правду, то ему стояло бы это почти вѣное, потому что плаша идетъ по лошадямъ и по милямъ и такъ вѣсто 18 на лежало бы ему заплашишь за 30 миль — Третий путь водою черезъ гафъ, самой кратчайши въ хорошую погоду, такъ что въ семь часовъ можно быть въ Кенигсбергѣ Нѣмцы наши, которые наняли извозника только до Мемеля, ѣдутъ водою, что имъ обоимъ будетъ стоить только два червонца Гаврила уговаривалъ и насъ съ Ильянцомъ — съ которыми обыкновенно говоритъ онъ или знаками, или черезъ меня — ѣхать съ ними же, что было бы для него весьма выгодно, но мы предпочли покойное и вѣрное безпокойному и невѣрному, а въ случаѣ бури и опасному

Лишь только мы прѣехали, явились осмотришки и взяли съ насъ по нѣскольку грошей, чтобы не перерывали нашихъ вещей.

За

За обѣдочѣ бѣли мы живую, весьма вкусную рыбу, кошорою Мемель изобилуетъ, а какъ намъ сказали, что Прусскія корчмы весьма бѣдны, то мы запаслись здѣсь хорошимъ хлѣбомъ и виномъ

Теперь, милые друзья, пора опустить письмо на почту, у насъ лошади впрягающъ

Что принадлежитъ до моего сердца, то, благодаря Судьбѣ! оно стало повеселѣе. То думаю о васъ, моихъ милыхъ — но не съ такою уже горестію, какъ прежде — то даю волю глазамъ своимъ бродить по полямъ и по лугамъ, ничего не думая; то представляю себѣ будущее, и почти всегда въ пріятныхъ видахъ — Простите! Будьте здоровы, спокойны, и воображайте себѣ странствующаго друга вашего рыцаремъ веселаго образа! — Простите!

(Продолженіе будетъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ)

САМОУБИЦА

Анекдотъ.

Аббатъ Н., раздавашель милоспыни при Французскомъ Посольствѣ въ Женевѣ, игралъ важную ролю въ Женевскихъ обществахъ. Онъ былъ довольно ученъ, весьма знакомъ со всеми Французскими славными и полуславными Стихотворцами и Прозаиспами, остроуменъ, веселъ, забавенъ, и проч и проч. Отъ шести часовъ до осьми ~~в~~ время, въ которое обыкновенно въ вечернихъ Женевскихъ собранияхъ всѣ безъ исключения садятся за карточные столы — былъ онъ душою дамской бесѣды, загадывалъ загадки, шарады, рассказывалъ смѣшныя и прогашельныя Парижскія анекдоты, и тому подобное. *L'aimable Abbé* говорили Дамы, садясь за карты.

Въ мирѣ все подвержено переменѣ — въ физическомъ и моральномъ — и вдругъ веселой, забавной Аббатъ сталъ задумчивъ, печаленъ, молчаливъ. Въ собранияхъ являлся онъ такъ

такъ же часто, какъ и прежде
ролю игралъ совсѣмъ иную. Намъ,
Дамы хотѣли ввести его въ ра-
воръ отпѣшы его были корошкн
улыбки принужденны. Что сдѣлалось
съ нашимъ Аббатомъ? говорили всѣ
его знакомые, и никто не могъ сы-
скасть причины такой внезапной пере-
мѣны. Нѣкоторые изъ пріятельницъ
его хотѣли проникнуть въ тайну,
однако ль всѣ приступы были без-
успѣшны. На примѣръ „Съ нѣкотораго
времени вы печальны, Г Аббатъ „
Я, сударыня? Можешъ бышь —
„Друзья ваши берутъ участие въ ва-
шей горести, хошя и не знаютъ
причины ея „ — И я не знаю ее —
„Позвольте въ этомъ сомнѣваться „ —
Какъ вамъ угодно. — — Однимъ
словомъ, Аббатъ молчалъ, и Дамы
наконецъ его оставили. Другой Аб-
батъ, пріѣхавшій изъ Парижа, засту-
пилъ его мѣсто.

Въ сіе время я узналъ его. Ему
было за сорокъ лѣтъ, однако жъ по
свѣжести лица его, которая и отъ

самои печали не увяда, всякой бы почелъ его прищипи-пашилъшнимъ человекомъ. Видъ его былъ сумраченъ и важенъ, глаза его были помны, но въ нихъ блистали еще искры того огня, изъ котораго Физиономисты сщоль многое заключающъ. Нѣ сколько разъ встрѣчался я съ нимъ въ уединенныхъ своихъ прогулкахъ, нѣсколь-ко разъ находилъ я его сидящаго подъ каштановыми деревьями, на пригоркѣ, откуда на правой сторонѣ видны снѣжныя Савойскія горы, прямо Женевское озеро, а на лѣвой синяя гора Юра, которая просширается до самаго Базеля. Ему конечно мѣсто се было такъ же любезно, какъ и мнѣ. Задумчивъ, углубленъ въ самого себя, смотрѣлъ онъ на увядающій дернъ — уже приближалась зима! — или на тихое озеро. Иногда садился я подлѣ него, и думалъ о друзьяхъ своихъ. Оба мы думали и молчали.

Секретарь Посольства, проснувшись однажды въ три часа за полночь, увидѣлъ огонь въ комнатѣ у Аббата,

которая опѣ его комнаты отдѣлялась
одною перегородкою съ стекляною
дверью Ему захотѣлось узнать, что
дѣлаетъ Аббатъ Вставъ съ постеле-
ли, отдернулъ онѣ занавѣсъ надъ
дверью, и увидѣлъ его стоящаго на
колѣняхъ передъ Распятіемъ, кото-
рое прибито было на стѣнѣ. Руки
его были простерты къ предмету,
имѣ обожаемому, сердечное умиление
изобразалось на его лицѣ, блеснящія
слезы капились изъ глазъ его Моло-
дой Секретарь никогда не былъ набо-
женъ, но сей видъ возбудилъ въ ду-
шѣ его глубокія чувства благоговѣнія
Онѣ стоялъ неподвижно Черезъ нѣ-
сколько минушъ Аббатъ всталъ, сѣлъ
и началъ писать Секретарь легъ
опять на постелю, но не могъ за-
снуть Свѣча горѣла у Аббата до са-
мага утра Въ девять часовъ вышелъ
онѣ изъ своей комнаты Глаза у него
были красны, лице блѣдно; впрочемъ не
примѣтно было въ немъ никакого без-
покойства Секретарь спросилъ у не-
го, покойно ли онѣ спалъ? Очень по-

и покойно, отвѣчалъ Аббатъ, и предложилъ ему ищши прогуливаться Они вышли на *Трель* (*), ходили взадъ и впередъ около часа, и разговаривали о погодѣ и тому подобномъ. День былъ праздничной, и Аббату въ десять часовъ нацелало служить обѣдню Службу онъ управлялъ онъ съ онмѣннымъ усердиемъ Возвратясь въ свою комнату, нацѣлъ онъ сершукъ и пошелъ со двора Пришелъ часъ обѣда, Аббатъ не возвращался, пришелъ часъ ужина, Аббатъ не возвращался, прошла ночь, и его все еще не было дома. Поутру Секретарь увѣдомилъ о томъ Посланника Послали спрашивать о немъ къ его знакомымъ, но никто не видалъ его Послали наконецъ спросить о немъ въ караульняхъ Часовой у Швейцарскихъ воротъ сказалъ, что Аббатъ напустилъ въ первомъ часу по полудни вышелъ изъ города Спрашивали въ окрестностяхъ, но больше не могли о немъ ничего свѣдать

ВЪ

(*) Гульбище Женевское.

ВЪ комнатѣ его нашли въ цѣло-
сти всѣ его пожитки и даже нѣкошо-
рую сумму денегъ, и пошому увѣри-
лись, что Аббатъ, оставляя свою
комнату, не былъ начѣренъ путеше-
ствовать по бѣлому свѣту Аббатъ
пропалъ! говорили въ городѣ, и на-
конецъ позабыли Аббата У него не
было друзей! Онъ не имѣлъ того,
что я имѣю!

Тамъ, гдѣ дикая Арва сливается
съ зеленою Роною, прогуливались два
чужестранца, и разговаривали о жиз-
ни человѣческой Быстро, быстро
гочешъ она! сказалъ одинъ изъ нихъ,
взглянулъ на спречительную Рону, и
увидѣлъ — не ущесся шѣло, большой
камень остановилъ его

Тѣло вытащили, и узнали неща-
стной жребій Аббата Два мѣсяца ле-
жалъ онъ въ водѣ Глазъ было со-
всѣмъ не видно, синее, размокшее
лице устрашало взоры чувствитель-
наго Въ одномъ карманѣ нашли у не-
го муфту, въ другомъ черную его
маншю

Трусъ

Трупъ погребли въ первомъ Французскомъ селеніи, верстахъ въ трехъ отъ Женевы, безъ всякаго обряда Нѣтъ камня на могилѣ его — вѣто надписи Спрашливое суевѣріе обѣщаетъ отъ сего мѣста Трупъ лежишь погибшій, говоряшь поселяце

Причина, для чего Аббатъ возненавидѣлъ жизнь, по сіе время не извѣстна

К

Т Е А Т Р Ъ

Эмиля Галотти, Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненная Им Лессингомъ, переводъ съ Нѣмецкаго

Сія Трагедія есть одна изъ тѣхъ, которыхъ почтенная Московская Публика удостоиваетъ особенно своего благоволенія Уже нѣсколько лѣтъ играется она на здѣшнемъ Театрѣ, и всегда при рукоприкладствѣхъ зрителей — Первой переводъ ея напечатанъ въ Петербургѣ, а второй, по которому она представляется, здѣсь въ Москвѣ

Не

Не много надеется Драмъ, которая соспавляла бы такое гармоническое цѣлое, какъ сия Трагедія — въ которыхъ бы всё приключенія такъ натурально связаны, и всё характеры такъ искусно изображены были, какъ въ Эмили Галопши Главное дѣйствие возмущительно, но не меньше пою естественно Ризская Исторія представляетъ намъ примѣръ такого ужаснаго дѣла Одоардо былъ въ такихъ же обстоятельстввахъ, какъ и оной Римлянинъ, имѣлъ такой же великой духъ, гордую чувствительность и напыщенное понятие о чести Рассмотримъ только поближе его положеше, чувства и мысли, занимавшя душу его передъ свершенемъ убійства

Умертвили жениха его дочери, столько любезнаго ему и ей — умертвили для того, что Принцу угодно было избрать невѣсту предметомъ сладострастныхъ своихъ стремлений, обманомъ привели дочь его къ Принцу, и не хотѣли отдать ее отцу подъ предлогомъ, будто бы надлежало ее

допросить въ судѣ, не зная ли она убицы жениха своего Сеи въ мысль, достойной ада и Каммергер Маринелли — мысль, которо былъ еще злонѣе вымысла Римски, Децемвира — долженъ былъ привести въ общее испово пламеннаго Одоардо. Въ первомъ движеніи праведнаго гнѣва своего хотѣлъ было онъ злою и сладостраспнаго Принца и злобнаго помощника его, но мысль мнѣ ли убивать, какъ бандиты убиваютъ? остановила его руку. Надлежало начертать и что удрѣшиться, и на что нибудь великое, достойное такого мужа, каковымъ представленъ намъ Одоардо. Уже ли онъ такъ покорился обстоятельству, такъ вдругъ унижился въ чувствахъ, чтобы отдать Эмилию въ наложницы Принцу — мысль, кто почталъ себя выше всѣхъ обстоятельствъ, кто страхъ почталъ за низость? Одоарду быть отцею обезчещенной женщины? Одоарду сдѣлать, чтобы на него указывали пальцами, и говорили съ злобною усмѣшкою

„Вотъ

„Вотъ шотъ, кто никогда не хотѣлъ унижаться передъ нашимъ Принцомъ, кто почиталъ себя выше всѣхъ обидѣ со стороны его, но кто съ низкимъ поклономъ отдалъ ему дочь свою, и принесъ покорнѣйшую благодарность за то, что ему, или его помощнику, угодно было опираться на шотъ свѣтъ жениха нѣжной Эмили? „
 Какія же средства оставались ему спасти ее? Къ законамъ ли прибѣгнуть, тамъ, гдѣ законы говорили успами того, на кого бы ему просить надежало? Увезти ли ее силою опшуда, гдѣ гвардія хранила входъ и выходъ? — Обращимъ теперь глаза на Одоарда

Онъ упихаетъ и задумывается. Наконецъ, какъ отъ сна пробудившись, говоритъ онъ „Хорошо! Дайте мнѣ только видѣться, одинъ разъ видѣться съ моею дочерью! „ Тутъ, будучи оставленъ самому себѣ, сражается онъ съ уласною для него мыслию „ Ешъли она сама уговорена? Ешъли она сама съ нимъ согласна?

Д

Ешъ-

Естьли она недостойна того, что для нее сдѣлать хочу?, И такъ онъ уже рѣшился, но на что, зритель еще не знаетъ. „Что же хочу я для нее сдѣлать?“ продолжаетъ Одоардо Осмѣлюсь ли это сказать самому себѣ? Ужасная мысль! „— Здѣсь зритель готовился уже къ чему нибудь страшному — „Нѣтъ, нѣтъ! не буду ее дожидаться! (Смотря на небо) Кто ее безвинно ввергнулъ въ эту бездну, пусть Тотъ и спасаетъ ее! На что Ему рука моя?, — Вотъ черта которая показываетъ, сколь хорошо знаетъ Авторъ сердце человеческое! Когда человекъ въ крайности рѣшится на что нибудь ужасное, рѣшеніе его, пока еще не приступилъ онъ къ исполненію, бываетъ всегда, такъ сказать, *неопытное*. Все еще ищетъ онъ крошчайшихъ средствъ — не находитъ, но все ищетъ, какъ будто бы не вѣря глазамъ или разуму своему. Обратимся къ Одоарду Въ самую ту минуту, какъ онъ воображаетъ себѣ всю ужасность своего намѣ-

ре-

рення и содрогается, предстаетъ душѣ его мысль о Провидѣнни, которому онъ вѣрилъ въ жизни своей. „Какъ! не уже ли Оно попустишь торжествовать пороку? Не уже ли Оно не спасетъ невинности? По чему знашь, какими средствами? „Съ сею мыслию хочетъ онъ идти; но тупѣе является Эмиля. Поздно! восклицаетъ онъ — и мысль, что Провидѣнне посылаетъ къ нему дочь его, съ тѣмъ, чтобы онъ рѣшилъ судьбу ея, какъ молнія проникаетъ его душу. Такія скорыя переменны въ вознамѣреніяхъ мящущейся души весьма естественны. Она бываетъ внимательна къ самому вѣтерку, и слушаетъ, не шепчетъ ли ей какой гласъ съ неба. Эмиля представляется глазамъ его въ самое то время, какъ онъ хочетъ отъ нее удалиться — это значило для него *не удалиться*.

Теперь остается ему только увѣришься въ добродѣтели своей Эмили — и увѣряется въ оной — и находитъ въ дочери своей героиню, которая язы-

комъ Катона говоритъ о свободѣ чело-
вѣка. Гдѣ потъ челоѣъ, восклица-
етъ она, которой другова челоѣка
къ чему ниудъ приневолишь можеть.
Я боюсь не насиля, а соблазна я
женщина, Тутъ въ душѣ Одоардовой
должны были возбудиться всѣ прежняя
ужасныя для цео мысли о дочери
осезчешенной Тутъ Эмиля треу-
етъ кинжала, починая въ фанатизмъ
своемъ такое самоубійство за дѣло
святое „Для избѣжаня соблазна, го-
воритъ она, тысячи бросались въ во-
ду и стачовились святыми, Одоар-
до, желая увѣряться въ ея рѣшимо-
сти, даетъ ей кинжалъ — она хо-
четъ заколоться, но онъ вырываетъ
его, сказавъ. „Это не для твоей ру-
ки, При слхъ словахъ онъ долженъ
былъ думать „У тебя есть отецъ,
такъ или иначе, но ему надлежитъ спа-
сипи тебя, Эмиля, срывая у себя съ
головы розу, хочетъ его еще болѣе про-
нуть. „Ты не должна украшати во-
лосы такой, какою отецъ мой хочетъ
меня видѣть! „ Одоардо отвѣчаетъ
поль-

только повтореніемъ ея имени — произносилъ ли онъ его когда нибудь въ жизни своей такимъ голосомъ и съ такимъ чувствомъ! Душа его обнаружилась передъ проникательною Эмилией „О! естъли угадываю ваши мысли! говоритъ она, пристально смотря ему въ глаза Но нѣтъ, вы и якова не хоти те Для чего же бы медлишь? (*Печальныи мѣ голосоиъ, разрываа розу*) Нѣкогда былъ такой отецъ, которой, избавляя дочь свою отъ посрамленія, пронзилъ кинжаломъ грудь ея, и — вторично даровалъ ей жизнь А нынѣ нѣтъ уже такихъ дѣлъ! нѣтъ уже такихъ отцовъ! „Мнѣ кажется, что я въ сію минуту вижу всю душу Одоардову „И такъ дочь моя думаетъ сама, что я могу умертвить се — что я не имѣю иного способа избавить ее отъ безчестія, и по тому должегь умертвить се? И такъ былъ примѣръ дочеубійства? Былъ дочеубійца, которому удавляешся потомство? И могли ли обстоятельства

его бытъ ужаснѣе моихъ? Кажется, что я уже слышу тирана, идущаго похищать у меня дочь мою Нѣптъ, нѣптъ! онъ не похищитъ, не обезчеститъ ее! Есть еще другой *Виргиній въ свѣтѣ, дочь моя, есть!* — И холодное желѣзо процзаетъ Эмилину грудь, и Эмилия издыхаетъ въ объятіяхъ убійцы, отца своего, и зришель чувствуетъ, что Одоардо могъ заколотъ Эмилию, такъ какъ Виргиніи заколотъ Виргинію, и Эмилия Галопти пребудетъ вѣнцемъ Лессиниовыхъ драматическихъ твореній.

И сколь натурально было Одоарду заколотъ дочь свою, столь же натурально было ему и раскаяться въ первой мигъ по свершеніи дѣла, и, видя падающую Эмилию, воскликнуть „Боже! что я сдѣлалъ!“, Онъ почувствовалъ себя опцемъ, убившимъ дочь свою — Все, что онъ говоритъ по томъ Принцу, раздираетъ душу чувствительнаго зрителя. Не хочетъ онъ убить себя „Вотъ окровавленной знакъ моего преступленія!“ говоритъ онъ,

онъ, бросая кинжалъ Я самъ пойду въ темницу — Гордость замерла въ сердцѣ его, *чувство своего дѣла* заглушаетъ въ немъ всѣ ичья чувства —

Что принадлежитъ до характеровъ, то не знаю, въ какомъ наиболѣе удивляться искусству Автору. Гордой, благородной Одоардо, чувствительная, пылкая Эмиля; сладострастной, слабой, но при томъ добродушной Принцъ, могущи согласиться на великое злодѣяние, когда то способствуетъ удовольстворенію его страсти, но всегда достойной нашего сожалѣнія; Маринелли, злодѣй по воспитанію и по привычкѣ, Орси-на, отъ ревности съ ума сошедшая, но умная въ самомъ своемъ сумасшествіи, Клавдія, слабая женщина, но нѣжная мать, Графъ Аппіани, котораго зритель любитъ еще прежде, нежели онъ на сцену выходитъ, и которой обнаруживаетъ въ себѣ столько чувствительности и любви въ разговорѣ съ Эмилией, и столько благородства въ жаркомъ переговорѣ съ

Маринелли, Совѣтникъ Камилло Роста, кошорой, сказавъ только нѣсколь-
ко словъ, заставляешъ насъ почтпашъ
въ себѣ мужа рѣдкой добродѣтели,
ученой живописецъ съ своею пласти-
ческою напурою и съ Рафаелемъ безъ
руль; честной разбойникъ и убійца,
и наконецъ всякой слуга, кошорой
выходитъ на сцену — все, все по-
казываетъ, что Авторъ наблюдлъ
человѣчество не два дни, и наблюдлъ
такъ, какъ немногие наблюдши удоб-
ны; что Нашура дала ему живое чув-
ство истины, кошорое и Автора и
человѣка дѣлаешъ великимъ

Сколько прекрасныхъ сценъ! Тамъ,
гдѣ живописецъ приноситъ Принцу
портреты, гдѣ Маринелли сказываетъ
ему о помолвѣ Эмилиной, гдѣ Анни
являшся съ своею меланхоліею,
гдѣ Маринелли спарается раздражишь
страсть Принцу, предсавляя ему
спасеніе лишь Эмили, гдѣ Клав-
дія какъ отчаянная мать клянетъ
Маринелли, и наконецъ всѣ сцены
чет-

четвертого и пятого акта одна дру-
гой интереснѣе

Диалогъ же всегда такъ натура-
ленъ, что и Актеръ и зритель мо-
жетъ забыть — одинъ, что онъ на
Театрѣ, а другой, что онъ въ Те-
атрѣ.

Еслили надобно сказать нѣсколь-
ко словъ объ игрѣ Актеровъ, то не
льзя прежде всего не пожалѣть о томъ,
что Театръ Московской лишился Гжи
Ульяны Синявской (*), которая такъ
прекрасно играла роль Эмили — ко-
торая съ такимъ чувствомъ говорила
намъ объ опасности соблазна въ седь-
мой сценѣ послѣдняго акта. Кто намъ
ее замѣнитъ?

Господинъ Померанцевъ, нашъ
Гаррикъ, нашъ Моле, нашъ Эглофъ,
ни въ какой роли столько не удив-
ляютъ насъ своими дарованіями, какъ
въ роль Одоарда Сачъ Эглофъ, ко-
торого игрою восхищался Лессингъ,

Д 5

ед-

(*) Публика къ удовольствію своему опять ви-
дитъ ее на Театрѣ.

едва ли мазъ лучше представить его. Какая величавость, какая мужественность въ его поступи, въ его шлодвиженіяхъ, когда онъ выходитъ на сцену! Въ спокойномъ разговорѣ видно искусство его такъ же, какъ и въ жаркомъ. Пусть покажутъ намъ Ампера, который превзошелъ бы Мюллеранцева въ игрѣ глазъ, въ скорыхъ переменѣнахъ лице и голоса! На примъ когда онъ входитъ въ шестой сценѣ четвертаго акта, лицо его показываетъ все, что сердцу его чувствовашъ надлежало — безпокойство, нетерпѣнне въ высшей степени. Какимъ прогашельнымъ голосомъ говоритъ онъ „Какая связь между мщеніемъ порока и оскорбленною добродѣтелию? Ее только мнѣ счастья должно. А за тебѣя, мой сынъ — я никогда не умѣлъ плакать, а тебѣя уже не начну учиться — за тебѣя другой вступишься“, — Какъ пылаютъ глаза его, какъ гремитъ его голосъ, когда онъ произноситъ свое заклинаніе „Пусть каждое сновидѣніе являетъ ему окро-

окровавленнаго жениха, вѣдущаго къ
ложу его невѣсту свою, и когда онъ
еще прострѣтъ къ ней сладостра-
стныя свои обѣщанія, то да услы-
шишь вдругъ посмѣяніе ада, и про-
будится! „Тонъ, которымъ онъ оп-
вѣчаетъ Маринелли въ прѣпьемъ явле-
ніи пятого дѣйствія, есть самой вы-
разительной и мастерской. Одинъ Кри-
тикъ сказалъ „Да у него во всѣхъ
представленіяхъ одинъ тонъ! „Такому
Крипику можно опвѣчать, что истин-
ной или лучшей тонъ есть одинъ;
когда Актеръ нашелъ его, то пере-
мѣнять его не должно. — Коротко
сказать, вся игра Господина Поче-
ранцева въ сей Трагедіи прекрасна.
То бы могъ онъ еще съ сильнѣй-
шимъ движениемъ и страшнѣйшимъ го-
лосомъ произносить „Есть еще,
дочь моя, есть! „Лучше бы также
было, если бы онъ, окончивъ свою
ролю, не становился на колѣни подлѣ
лежащей Эмили, съ которою онъ уже
просился, обращаясь къ Принцу Гюу
бы надлежало, кажется, остаться въ
глу-

глубокой задумчивости, съ пошупленнымъ взоромъ, между шѣмъ какъ гово-
ришь Принцъ — Однажды, по оконча-
нии Трагедии, почтенная Московская
Публика встрѣтила Г. Померанцева съ
громкимъ рукоплесканьемъ, когда онъ
показался въ партеръ. Сии минуты
были минутами торжества и славы въ
Всѣ къ нему шѣснились — со всѣхъ
сторонъ окружали его, и привѣтство-
вали плескомъ. Одинъ изъ Зрител
бросилъ ему при семъ случаѣ слѣ-
дующіе стихи.

*Кого съ плесканьемъ партеръ твое;
встрѣгаетъ?
Кого въ восторгѣ онъ приятно и окру-
жаетъ?
Того, кто твоемъ несчастнаго отца
Искусствомъ могъ въгнать въ мѣ зри-
теля и въ сердца;
Кто сильно о игрѣ и важныи слова ти,
На сценѣ бѣвѣ, вглядѣ въ всѣхъ зри-
телей душами;
Кто въ мѣ сердца привлеть къ невин-
ности возмогъ,*

*И ненависть во всѣхъ къ пороку кто
возжегъ ;
Кто Мельпоменою безсмертье полу-
чаетъ ,
Того съ писканьемъ партенъ теперь
встрѣщаетъ.*

Госпожа Помераицева очень хорошо представляеть намъ Клавдію, а особливо въ жаркой сценѣ съ Мариелли

Зная таланты Господина Лапина, увѣренъ я, чтобы онъ могъ еще лучше играть ролю Принца, которая конечно достойна всякаго хорошаго Актера, и въ которой всякой хорошій Актеръ можетъ показать таланты свои. Игра его теряла много и отъ того, что онъ почти никогда не знаетъ твердо своей роли — небреженіе, весьма непріятное для Публики! Но и ключени пьесы всегда опмѣнно и га не зна произошло оиъ „Бже, Боже мой!“, и проч

Гр фило Орсину представляеть Госпожа Марья Синярская съ великимъ искусствомъ, и я увѣренъ, что съ

Авторъ былъ бы доволенъ ея игрою. Только бы желалъ я, чтобы воспоргъ ея въ концѣ седьмой сцены четвертаго акта болѣе похожь былъ на изступленіе — чтобы изображалось въ глазахъ ея болѣе дикою, свирѣной радости Песа потеряла бы весьма много, если бы ролю сию играла не такая искусная Актриса

Господинъ Залышкинъ конечно имѣетъ способности, но не для роли Каммергера Маринелли, которая имѣетъ въ игрѣ великія тонкости. Авторъ весьма много оставилъ въ ней для глазъ и тона, а это все, къ сожалѣнію, пропадаетъ. Въ Шекспировой Трагедіи, Отелло, роля злодѣя Яго едва ли прудиѣ сей, а ее часно игралъ Гарриксъ.

Роля живописца имѣетъ своей пружности Актеру надобно имѣть идею объ ученыхъ Итальянскихъ живописцахъ, и о тонѣ, какимъ говорятъ они съ Принцами. Господинъ Сахаровъ играетъ ее не весьма хорошо, говоритъ не натуральнымъ, слишкомъ гром-

громкимъ голосомъ, ни мало его не перемѣняетъ, и во всѣхъ своихъ пѣло-движеніяхъ слишкомъ мало оказываетъ почтенія къ Принцу. Но надобно сказать, что Г. Сахаровъ имѣетъ такія способности, по которымъ можно ожидать отъ него весьма хорошаго Актера.

Господинъ Украсовъ изрядно играетъ ролю Графа Анпани, только бы надобно было побольше нѣжности въ голосѣ, когда онъ говоритъ съ Эмилией.

Господинъ Ожогинъ также изрядно представляетъ Бандида — О ролю Совѣтника и слуги говорить нечего.

Эмилия Галошши конечно не соидетъ съ Московскаго Театра, пока не сойдутъ съ него Господинъ Поче-ранцевъ и Госпожа Марья Снявская.

О КНИГАХЪ

Кадмъ и Гармония, древнее повѣствованіе, въ двухъ частяхъ. — Москва, въ Университетской Типографіи 1789

Сіе твореніе должно по справедливости возбудить вниманіе всѣхъ, любящихъ Россійскую Литтературу

Кому не извѣстна басня Кадма и Гармонія или Гермюны, которую разсказываетъ Овидій? Но изъ сей басни Авторъ нашъ взялъ, такъ сказать, только одну одежду для своего творенія

Философъ не-Поэтъ пишетъ моральныя диссертаціи, иногда весьма сухія, Поэтъ сопровождаетъ мораль свою пылнѣльными образами, живитъ ее въ лицахъ, и производитъ болѣе дѣйствія. Такимъ образомъ Сочинитель Кадма хотѣлъ въ привлекательной мифологической одеждѣ сообщить свои правоученія, политическія наставленія и понятія о разныхъ вещахъ, важныхъ для человечества, учить насъ, такъ сказать, непримѣтно,

лишая наше любопытство прилинымъ повѣствованіемъ вещей чудесныхъ — однимъ словомъ, онъ хотѣлъ написать намъ втораго Телемака

Почтенной Авторъ въ предисловіи своемъ говоритъ, что Кадмъ его есть не *Поэма*, а *простая повѣсть*; но когда повѣсть есть не исторія, а вымысль, то она, кажется, есть *Поэма* — Эпическая или нѣшъ, но все *Поэма* — стихами или прозою писанная, но все *Поэма*, которая по общепринятому понятію на другихъ языкахъ означаетъ всякое твореніе воображительной силы Такимъ образомъ *Комедія*, *Романъ* есть *Поэма*

Теперь предложимъ кратко содержаніе

Кадмъ, сынъ Царя Агенора Финикискаго, ищетъ сестры своей Европы, похищенной Юпитеромъ, находитъ въ Кришскомъ Лабиринтѣ Гармонію, дочь Марса и Венеры, женился на ней, по велѣнію Оракула заводитъ новое царство въ Беотіи, сперва царствуетъ со славою, по томъ

развращается, изгоняется подданными, сприветствуетъ въ тѣдности съ добродѣтельнойю своею супругою Гармоніею, отвергаетъ новую корою, по томъ снова оскорбляетъ боговъ, разлучается съ Гармоніею, впадаетъ въ сладострастие, исправляется, находитъ Гармонію и Европу, но не беретъ свою а землю сею имени, и, следуя волѣ боговъ, обещается тамъ навсегда жить въ мирѣ среди Славянскаго народа, опирая царствованіе въ Беотію сына своего — Авшоръ начинаетъ свое твореніе описаніемъ благополучнаго Кадмова царствованія, предшешіе случаи его жизни рассказывающіе по томъ имъ самимъ, по естъ Кадмомъ

Въ семъ сочиненіи найдетъ Читатель, кромѣ разсужденій, прекрасныя поэтическія описанія, любопытныя завязки, интересныя положенія, чувства возвышенныя и протательныя, обороты свободныя и натуральныя, слогъ же всегда пріятенъ и возвышенъ безъ надутости Въ доказательство
ска-

сказаннаго нами, раскроемъ Кама, и
выпишемъ изъ него нѣ мѣста, кошо-
рыя намъ въ глаза попадаются

Открылась вторая книга Кама
становится недостойнъ царствовать,
и боги посылаютъ Оивамъ другого
Царя Вотъ описание сего послан-
наго

„ Кама зрѣтъ нѣкоего мужа, съ
„ лирою въ рукахъ грядущаго, свя-
„ щенныя пѣсни воспѣвающаго, и ве-
„ ликимъ числомъ народа сопровожда-
„ емаго. Чело его ливровымъ вѣнцемъ
„ было увязано, багряница рачена
„ его покрывала; былъ онъ вида кра-
„ сиваго и величаваго; при каждомъ
„ перстовъ его прикосновеніи ко злато-
„ струнной лирѣ дерева и камни ка-
„ зались огуноу евленными и съ мѣстъ
„ своихъ тронушся хошящими, и ши-
„ цы, тихимъ парениемъ надъ нимъ
„ извиваясь, крылами своими его гла-
„ ву приосѣняли; дикіе звѣри, смяг-
„ чивъ свою свирѣлость, пришеками
„ лобызали ноги нѣсноуѣвца; окру-
„ женный младыми Нимфами, несущими

„ въ рукахъ жезлы, обвитые цвѣ-
„ шами, и главы гроздіями покровен-
„ ны имѣющими, шествовалъ онъ пря-
„ мо ко граду, враща предъ нимъ опъ
„ верзлись, и Фивяне свои колѣна
„ предъ нимъ прсклонили. Казалось,
„ нѣкій богъ вступилъ въ Беотійскую
„ столицу, но это не богъ былъ, —
Прекрасная картина! истинная По-
эзія! Здѣсь Чинатшель жаждетъ узнать
сего богоподобнаго мужа

Перевернемъ еще нѣсколько ли-
стовъ, и послушаемъ разсужденіе о
разныхъ образахъ правленія Кадмъ-
говоритъ въ собраніи Фессалійскаго на-
рода, обращаясь къ вельможамъ, хо-
пящимъ установить Аристократиче-
ское правленіе

„ Мужи знаменитые, опцы и за-
„ щитники Фессалійскаго народа! я ни
„ мало не сомнѣваюсь, чтобы не
„ истинная къ вашему отечеству лю-
„ бовь побуждала васъ поработить
„ царство ваше собственному вашему
„ чиновательству Вы находите образъ
„ такого правительсва для васъ
„ ко-

„ конечно удобнѣйшимъ и народу по-
„ ленѣйшимъ, но помыслите, о боюо-
„ боязненные старцы и юноши! коль
„ дивный испуканъ на Тессалійскомъ
„ престолѣ соорудить вы дерзаете!
„ Вы предприемлете составить единый
„ ликъ Царя изъ разныхъ членовъ ва-
„ шего общества; уничтожая Царя,
„ царскую силу и мощь изъ раздроб-
„ ленныхъ частицъ слѣпите вы поку-
„ шаетесь трудное и едва ли воз-
„ можное предпріятіе! Слѣяніе раз-
„ ныхъ веществъ въ едину груду рѣд-
„ ко твердымъ и прочнымъ шѣломъ
„ бываетъ Но ежели вы уповаете
„ обрѣсти между вами нѣкое число
„ ни въ чемъ не разнящихся вельмо-
„ жей въ ихъ уюключеніяхъ, образы
„ мыслей никогда другъ другу не
„ противорѣчащихъ, чувствъ, воли и
„ желаній къ единой цѣли завсегда
„ стремящихся, ежели вы си боже-
„ ственныя качества въ себѣ ощуща-
„ ете, устройте правленіе чиноначаль-
„ ственное! Въ противномъ случаѣ
„ вы многихъ мучителей, а не едино-
„ душ-

„душныхъ отцевъ и защитниковъ на-
 „родныхъ устройте „
 „При сихъ словахъ вельможи по-
 „шупили очи свои, а народъ возо-
 „нилъ *Не хотимъ, не хотимъ тино-*
 „*нста гьствннаго велъ жожеи правленя!*
 „*Да бчдеиъ оно общенародное!* —
 „Кадыъ, укрощивъ восклицанія на-
 „родныя, рѣчь свою просперъ тако:
 „Ежели немногое число избранныхъ
 „вельможей вашихъ, о Фессалійцы!
 „опечесиву вреию по какимъ зло-
 „щасшемъ угрожается ваше царство,
 „всѣмъ народомъ управляемое? Вы
 „заключаете въ самомъ корнѣ вашего
 „намѣренія великое зло, дечь отъ
 „дня возрасташь могущее, и всю
 „Фессаию въ бездну погибели низ-
 „вергнуть долженствующее. Кто ва-
 „ше благоденствые устройвашь бу-
 „дешъ? Вы сами! — Какому суду
 „поработитесь чаще? Собственно-
 „му своему! — Кто вами будетъ
 „начальствовать, и кто начальникамъ
 „вашимъ покоряться? Вы сами и на-
 „чальниками и повинующимися бытъ
 „дол-

„ долженешвуете! — Странный об-
 „ разъ правительства! Но я изъясню
 „ мои мысли простыми ради васъ изъ-
 „ реченіями. Вообразите, ежели бы
 „ земля наша, отвергнувъ солнечное
 „ сіяніе, сама себя освѣщать восхо-
 „ шѣла въ какой бы мракъ она погру-
 „ зилась? Ежели бы члены наши, от-
 „ рекшись отъ назначеннаго Природою
 „ имъ долга, всё купно господство-
 „ вать восхошѣли долго ли бы шѣло
 „ наше въ цѣлости пребыть могло?
 „ Скоро бы оно разрушилось, а съ
 „ нимъ и члены его купно бы погиб-
 „ ли. Каждое царство есть цѣлое шѣ-
 „ ло, главу для управленія и проше
 „ члены для служенія имѣшь должен-
 „ ствующее.

„ Выслушавъ рѣчь сію, народъ
 „ возопіялъ: *Законы, законы да управ-*
 „ *ляютъ нами!* Тогда Кадмъ вѣщавъ:
 „ *Законы сами собою управляютъ и*
 „ *дѣйствовать не могутъ.* мускійскія
 „ орудія, сколь ни были бы совершен-
 „ нно устроены, не въ рукахъ кажды-
 „ го человека, но въ рукахъ искуснаго

„ играшья прѣшныя издають гласы.
 „ Законамъ пошребнѣ дѣштельность ;
 „ дѣштельность ошносится къ судѣямъ
 „ и народнымъ попечителѣямъ ; попечи-
 „ телѣямъ и судѣямъ нужна глава выше
 „ законовъ поставляемая , могущая
 „ охраняшть святоспѣ законовъ, налю-
 „ дашь цѣломудрѣ судей, общее благо-
 „ сосшоанѣ , ненарушимоспѣ и едино-
 „ образѣ судопроизводсшва , а наче
 „ всего добро ошъ зла , испшну ошъ
 „ коварсшва , шщштельность ошъ лѣ-
 „ носпѣ ошличашь могущая , и нако-
 „ нецѣ вѣрноспѣ и заслугѣ вѣ ошече-
 „ спѣ награждать , а нерадивоспѣ
 „ пробуждашть долженсшвующая. Сѣя-
 „ шо глава есш Царѣ самодержавсшву-
 „ ющѣ подданными. О Фессалѣцы !
 „ почшо не избираете Царѣ самодер-
 „ жавнаго ; Царѣ , которой бы имѣя
 „ вѣ своихъ рукахъ вожди правлешя ,
 „ управлѣяль народомъ по законамъ ,
 „ избъ самаго есшсшва и вашихъ склон-
 „ носпѣи предками вашими почерпну-
 „ шымъ , или дѣя вашего общего бла-
 „ га виовѣ усшановляемымъ? Усшрояя
 „ ва-

„ваше благо, мудрыи Царь собствен-
 „ное сооружаетъ благо; разрушая
 „общее, собственной гибели поснѣ
 „шествуетъ. Мы имѣемъ во всей все-
 „ленной нѣкій напечатлѣнный знакъ
 „единоначальства. Проникните ваши-
 „ми мыслями во всю громаду сего
 „мира: не единый ли Зевсъ небомъ,
 „землею и всѣми подчиненными ему
 „божествами верховно управляетъ?
 „Не единое ли солнце обращаетъ
 „кругъ небесный съ его прочими свѣ-
 „тилами? Не одну ли главу мы имѣ-
 „емъ, члены наши въ стройномъ по-
 „рядѣ содержащую? — Вельможи и
 „граждане! ежели боги ваши моимъ
 „вѣщаютъ гласомъ, то совѣтую
 „вамъ, отвергнувъ всѣ роды другихъ
 „правленій, избрать Царя, и вы ца-
 „рки благоденствовать будете., —
 Кто не почувствуетъ убѣдительно-
 сти сихъ разсужденій?

Пѣснопѣвецъ, убѣленный време-
 немъ, говоритъ вельможамъ Эссамій-
 скимъ, подозрѣвающимъ, что онъ
 черезъ союзъ родства съ Царемъ

четѢ присвоить себѢ верховную
власть

„ Юность мою провожилъ я въ
„ учени; зрѣлыя мои лѣта и ста-
„ рость мою посвящаль я пѣсносло-
„ вю и славѢ боговѢ моихъ, оловѢ и
„ знаменитыхъ Героев. Привылъ я
„ къ сему НебесамѢ любезному упраж-
„ неню; и промѣняю ли нынѢ си
„ уведеляющие мои чувства восторги,
„ сіе безмятежное, но благочестивое
„ прохождение дна моихъ — промѣ-
„ няю ли нѣ саны и преимуществва
„ вельможескія, съ такими безпо-
„ копствами и суетностями сопря-
„ женныя, коихъ и тѣмъ едины въ
„ страхѢ и сомнительствѣ ввергаютъ?
„ О! нѣтъ, Тессалискіе вельможи!
„ не опасалась, дабы опѢ природы
„ сотворенный пѣснопѣвецъ, славилъ
„ боговѢ и ГероевѢ, возгнушался вли-
„ янными ему дарованіями, и взалкалъ
„ жаждою сіять наче на степеняхъ
„ верховнаго сана, нежели сіять чрезъ
„ многие вѣки носящаяся о немъ сла-
„ вою! Такой пѣснопѣвецъ не былъ
„ бы

„ бы другомъ своихъ боговъ, или былъ
„ бы онъ дерзкимъ похишителемъ
„ сихъ священныхъ дарованій. Вамъ
„ сладостны преимущества сана ва-
„ шего, а мнѣ сладостна моя лира.
„ Можешь тыть невѣжно для васъ, о
„ вельможи! мое пѣснопѣние; можешь
„ бышь и дарованія мои въ моемъ
„ только понятии нѣкоторую цѣну
„ соспавляютъ: но для меня они важ-
„ ны и неоцѣненны, ибо они бла-
„ женство моей жизни содѣлываютъ.
„ Оставьте мнѣ мое малое жилище и
„ убогіе мои верхограды, трудами
„ моими приобрѣтенныя; оставьте, и
„ не опасайтесь ни моего пѣснопѣнія,
„ ни алычости моей достигнуть вы-
„ сокихъ почестей въ Вессалійскомъ
„ царствѣ „ — Вотъ языкъ Поэта,
чувствующаго свою цѣну!

Заглянемъ во вторую Часть. Сам-
гесъ, законной Египетской Царь,
„ приближается съ Кадмомъ къ свое-
„ му воинству, вдоль береговъ Ме-
„ ридови озері устроенному Уже зри-
„ мы имъ яко густыи лѣсъ копія окол-
„ чен-

„ ченныхъ ратниковъ; колеблющіяся
„ знамена видимы, дивнаго Сфинкса
„ изображающія, и дыханіемъ въ шровъ
„ развѣваемыя, ржаніе и шопотъ ко-
„ не далеко слышится „ Краткое, но
„ сильное описание — мастерская кар-
„ тина въ первыхъ чертахъ! — Тамъ
„ слѣдуютъ подробнѣйшее описание воин-
„ ства оуношвицковъ.

„ Въ прешій вечеръ шествѣ ихъ
„ Кавчъ и воинство Египетское узрѣ-
„ ло Ачазисово ополченіе, въ Гегеец-
„ ской долинь расположенное. Густыя
„ пары, изъ блажной земли тамо ис-
„ ходящія, яко облако станъ его по-
„ крывали. Воинство его развратные
„ мятежники Египетскіе и наемники
„ составляли. Тамо видимы были Мад-
„ амляне, жизнь свою при стадахъ
„ провождающіе Непривычныя ко сра-
„ женіямъ, были они и въ ратобор-
„ ствѣ неискусны, но дерзновенны и
„ неустрашимы, рамена ихъ покры-
„ ты овчею кудрявою шерстью; бри-
„ шья главы ихъ, опаленныя дуби-
„ ны, на ихъ раменахъ лежащія, и
„ ко-

корошкыя коня , кои въ хищныхъ
„ вѣрсеи съ ловкостію они мешали,
„ придвали угрюмымъ видамъ ихъ нѣ-
„ кой ужасъ и отвращительную суро-
„ вость. Не ненавистію движимы, но
„ паче страшась нападенія на ихъ па-
„ лиши отъ Амазиса , съ его общни-
„ ками противу Липта они вооружи-
„ лись , и со мною своимъ верблюдовъ
„ пришекли подъ ихъ знамена. Сре-
„ дину ополченія мятежническаго со-
„ ставляли Мамелюки, народъ дикій
„ и кровожаждущи, одними грабежами
„ и разбойничествомъ на распутьяхъ
„ питающіися. Сии, желъзною броню
„ покровенны , имѣли длинные берды-
„ ши, оспрыя сабли и щиты крѣпкіе,
„ кои на хребтахъ у нихъ висѣли
„ Кони ихъ борзы и къ оборопамъ
„ приученны Ими начальствовалъ Фра-
„ моръ, Князь порождения Великановъ,
„ рыцарь неустрашимый и жестокій.
„ Онъ превышалъ своею главою всѣхъ
„ его воиновъ ; грабежъ и кровопро-
„ лише сославляли его утѣшеніе , а
„ наглое убійство первое правило
„ Онъ

„ Онъ совокушилъ свои разбойничьи
„ полчища со Амазисомъ, алая шокмо
„ Египетскыхъ корыстем и сражений
„ Лѣвое крыло волиства еостояло изъ
„ Амонитовъ, Моавлянъ, Ливійцовъ и
„ другихъ народовъ, изъ ихъ жилищъ
„ Иудеями изгнанныхъ и приобъжища
„ въ бѣдственнонъ ихъ сшраствова-
„ нии всюду ищущихъ Лишенцы оше
„ чества, съ опчаяннсю люпостню
„ на брань очи дерзали „ — Капія
эгергическія черны! Я вижу передъ
собою угрюмыхъ Мадамлянъ и дикихъ,
свирѣпыхъ Мамелюковъ — вижу, за-
жигаю глаза и хвляю оица пеля

Диафанъ, главный Египетской
жрецъ, показавъ Кадму мѣсто погре-
бчія добрыхъ Царей, вездѣ его на
другую сторону Меридова озера

„ Уклонясь въ лѣво, грядущъ они
„ между колючими тернами, и прибли-
„ жаются ко пещерѣ мрачной и каме-
„ нистой. Тамъ заключены были во
„ гробницахъ, съдѣмъ мхомъ поро-
„ шенныхъ, прахи Царей злочести-
„ выхъ и священнаго погребенія всѣмъ
„ Егип-

Египтомъ отчужденныхъ. Никто не смѣлъ приближаться къ сему ужасному кладбищу, никто не дерзалъ приносить моления о душахъ сихъ мучителей, и никто не хотѣлъ о заслуженномъ ими осужденіи съговаривать. Тамъ ехидны вкругъ заржавленныхъ сосудовъ извивались, и ядовитыя скорпины пресмыкались по нимъ — Диафидъ, остановясь при входѣ въ пещеру, рекъ Кадму: «Обрати очи твои ко десной сторонѣ, и тамо узришь погребательныя сосуды, хранящій въ себѣ прахъ злочестиваго Тифона, лютаго уицы божественнаго Озирида, но свидѣтельница Изиса, мстя смерть Озиридову, огнемъ испребила Тифона, сего врага боговъ и челоуѣковъ, и память его предана вѣчному проклятію. Зри, коль страшныя зми желѣзныя сосуды сей оолегаютъ! Онѣ, мнишся, изрыгаютъ ядъ и пламень, да не оштрамится никто приступить къ сему гнусному праху, коимъ онѣ питаются.» — Удалимся и мы съ
Чиша-

Чишапелемъ отъ сего ужаснаго мѣста, и поищемъ чего нибудь нѣжнѣйшаго

Кадыбъ съ Гармоніею видяшъ своего сына, не зная пою „ Гива пре
„ шми они едино поприще, густыми
„ шѣвьями въшвисшихъ древесъ осѣня-
„ емы, увидѣли внедалекѣ отъ себя кра-
„ снаго отрока, шонкія сѣши на улов-
„ ление птицъ разспавляющаго; бѣ
„ лыя власы его яко чистая волна по
„ раменамъ простирались, ланишы рас-
„ пускающимся розамъ подобны зрѣ-
„ лися, за плечами висѣлъ у него
„ шулъ со стрѣлами, и малыи лѹкъ
„ по бедрѣ его двигался Кадыбъ и
„ Гармонія чыли зрѣши Эроша, Афро-
„ дишина сына Взоръ ихъ плѣняет-
„ ся красошою отрока сего, сердца
„ ихъ препенутъ Они приближающ-
„ ся къ нему, вопрошаютъ его кно
„ онъ есть? сынъ ли небесъ, или сынъ
„ человѣческн — Отрокъ взираетъ
„ на нихъ внимательнѣно, не спрашива
„ ся ихъ и не удаляется Онъ съ
„ пріятною усмѣшкою отвѣчаетъ имъ:
„ Не

„ Не есмь сынъ Небесъ, но сынъ чело-
„ вѣскій; чешыре лѣша въ сей дубра-
„ рѣ съ моимъ опцемъ обитаю, рѣд-
„ ко странниковъ мы видаемъ, я про-
„ вождаю мое время въ ловлѣ пшицъ
„ и въ спрѣлянии малыхъ звѣрей, вред-
„ ныхъ нашему верхограду — Но ка-
„ кая страна сѣя² спросилъ Кадмъ
„ опрока, коего сердце его уже воз-
„ любило Гармония, не опъемля очей
„ опъ него, вопрошаетъ о его име-
„ ни, и лицезрѣшемъ его упѣшаетъ-
„ ся „ — Прекрасно описаніе оппро-
„ ка, прекрасно описаніе темныхъ
„ чувствъ родительской любви. Имъ
„ еще не извѣстно, что онъ ихъ сынъ,
„ что они уже любяшъ его Не знаю, кто
„ здѣсь не тронетъ, — кто не по-
„ чувствуетъ красоты сего мѣста; но
„ знаю, что топъ не имѣетъ чувства
„ ни къ красотамъ Нашуры, ни къ
„ красотамъ Поэзии

„ Славный въ цѣломъ мірѣ про-
„ ридатель, слѣпый Тирезіасъ, два
„ вѣка человѣческіе уже преживый, ше-
„ ствовалъ изъ верхней Азіи въ Кол-
„ **Ж** „ хиду

„ хиду, и посѣшивѣ гоешепримныхѣ
„ Славянѣ, возвѣспилѣ имѣ между мно
„ гими частными прорицаніями о ихѣ
„ потомствѣ, что они въ грядущи
„ времена на сѣверѣ усглася, при
„ обрѣшутѣ громкую въ мірѣ славу,
„ прострутѣ свои побѣды отѣ моря
„ полунощнаго до водѣ полуденныхѣ,
„ и нарекутся, подѣ державою мудра
„ го, крошката и челоуѣколюбиваго
„ правленія, народомѣ щасливымѣ,
„ сильнымѣ и просвѣщеннымѣ „ — Кто
изѣ Россіянѣ будетѣ чинать се безѣ
удовольствія „

Довольно Изѣ сихѣ приведенныхѣ
мѣстѣ можно видѣть, что Кадмѣ есть
творение, достоинное всего вниманія
Чинателей

Но говорятѣ, что нѣстѣ сочи
ненія во всемѣ совершеннаго. Если
такѣ, то и въ Кадмѣ должны бынѣ
несовершенства, или ошибки, или не
исправности Рецензентѣ, чиная Кад
ма, при многихѣ мѣстахѣ думалѣ:
*Это слишкомѣ отзывается новизною;
это противно духу тѣхѣ временѣ, изѣ*

которыхъ взята басня. Однако жъ, вообразя се въ всю шрудность писанья нынѣ такъ, какъ писывали Древние, столь отдаленные отъ насъ по образу жизни, по образу мыслей и чувствованій, согласился онъ самъ съ собою не почищать сихъ знаковъ новизны и за несовершенство сочиненія, имѣющаго цѣль моральную. Кто не знаетъ Телемака Гомерова и Телемака Фенеллонова? Кто не чувствуетъ великой разности между ими? Возьми какогонибудь пастуха - Швейцарскаго или Рускаго, все одно — одѣнь его въ Греческое платье, и назови его сыномъ Царя Ишакскаго онъ будетъ ближе къ Гомерову Телемаку, нежели чадо Фенеллонова воображенія, которое есть ничто иное, какъ идеальной образъ Царевича Французскаго, ведомаго не Греческою Минервою, а Французскою Философіею — Попадающая въ Кадмѣ мысли и выраженія, которыя кажутся не совсѣмъ справедливыми. Такъ, на примъ говоритъ Авторъ: „Таковыя помышленія яко мрачное

„облако соспавлялись въ Кадмовомъ
„воображеніи, и заражда въ не нѣ
„сѣмена самолюбія, источникъ гор-
„дости на сердце его натертавали
Но не поздно ли уже зараждашь въ
человѣкѣ сѣменамъ самолюбія, когда
онѣ родится съ онымъ? Говоря фигур-
нѣе, можно сказать, что онѣ родится
съ сѣменами онаго — Выраженіе, *натер-
тыватъ источникъ*, оспанавливаешъ
чипашеля — Найдешъ еще нѣсколько
словъ, къ которымъ наше ухо не при-
выкло; на прим. *умоклютенія* вмѣсто
мыслей и разсужденій, *понуриность* вмѣ-
сто скаша или свѣса, и нѣкоторыя слова
во множественномъ, которыя мы обык-
новенно употребляемъ только въ един-
ственномъ, какъ-то *поведенія, рос-
хоши*, и проч. Но не будемъ искашь
бездѣльныхъ ошибокъ — естли это
и подлинно ошибки — въ такомъ со-
чиненіи, которое наполнено красоша-
ми разнаго рода. Одинъ Англійской
Поэтъ сказалъ, что погрѣшности въ
сочиненіи подобны соломѣ, плавающей
по верьху воды, а красоты перламъ,
ле-

лежащимъ на днѣ. И такъ мало че-
сти приобрѣшетъ себѣ тотъ, кто
будетъ всегда собирать первыя.

Каждъ будетъ жить съ Россіадою
и Владимиромъ.

О ИНОСТРАННЫХЪ КНИГАХЪ.

Voyage de Mr. le Vaillant dans l'inté-
rieur de l'Afrique par le Cap de Bonne
Espérance, dans les années 1780, 1781,
1782, 1783, 1784 et 1785. 2 Vol. in
8°. A Paris, chez Leroy, Libraire. То
есть *Путешествіе Г. Вальяна во вну-
*тренность Африки черезъ мысъ Доб-
рой Надежды въ 1782, 83, 84 и 85
году 2 Части въ осьмушку Въ Па-
рижѣ у Книгопродавца Леруа.*

Сіе путешешствіе естъ такое со-
чиненіе, которое, не смотря на ны-
нѣшнія смущныя обстоятельство
Франціи (*), найдетъ читателей, и
будетъ для нихъ такъ же заниматель-
но, какъ бы и въ самыя мирныя вре-
мена, когда единственно думали о

(*) Сія рецензія взята изъ *Mercur de France*.

Наукахъ и Литтературѣ. Всякое путешественіе во внутренность Африки возбуждаетъ уже любопытство; а Сочинитель сего съ самаго начала и до конца умѣетъ цитать его напрямъ и наибольшимъ образомъ. Известно, что мореплаваніе, открывшее въ наши времена разные берега сей пространной части свѣта, не могло открыть намъ внутренности ея обширныхъ странъ, гдѣ для насъ все ново: земли, растенія, люди, птицы, рыбы, живыя всякаго рода. О сихъ странахъ можно сказать то же, что Г. Вальанъ говоритъ о полуденной Америкѣ: „ Тамъ „ Натура разбѣгаетъ надъ исключенія „ чистѣхъ правилъ, къ порямъ, по на „ шему мнѣнію, найдены въ ней. „ Африка казалась ему Перу Натуралистамъ; онъ самъ захотѣлъ тамъ обогатиться, обогатился, раздѣляетъ съ нами свое богатство, и умѣетъ онымъ прельщать читателя. Въ расположеніи сочиненія вездѣ виденъ вкусъ, вездѣ виденъ искусствъ. Онъ умѣетъ писать, оживлять, разнообразить свои кар-

картины, и занимаетъ по разумъ, по чувство, по воображеніе. Говорятъ, какъ слышно, о его книгѣ, что она не довольно учена. Сія укоризна можетъ быть основательна, потому что въ самомъ дѣлѣ книга его не скучна; а во многихъ родахъ сочиненію надобно быть скучнымъ, чтобы прослыть глубокомысленнымъ или ученымъ. Г. Вальяну самому надобно опровергнуть сію кристику, и кажетъ ся, что онъ напередъ къ сему готовился, потому что въ первомъ своемъ путешествіи, за которыми скоро послѣдуетъ второе, обѣщаетъ онъ не въ продолжительномъ времени издать Орнитологію и Исторію четвероножныхъ животныхъ сей земли. Обращая къ путешествію, которое онъ теперь намъ предлагаетъ.

Авторъ отправляешия изъ Текселя съ рекомендательными письмами къ Г. Бозеру, бывшему Фискалу на мысѣ Доброи Надежды. Послѣ нѣкоторыхъ морскихъ приключеній, которыми Авторъ описываетъ къ Физикъ,

и неприятной встрѣчи, забавно рассказанной, прибываетъ онъ на мысъ во время разрыва между Франціею и Англіею. Онъ дѣлаетъ краткое описаніе города и окрестностей, натуральныхъ произведеній, деревъ, растѣній и проч. Хотя предметъ его былъ и не тошъ, чтобы вникать въ гражданское и политическое состояніе Колоніи, однако жъ мимоходомъ открываетъ онъ нѣкоторыя нестерпимыя злоупотребленія, на которыя Правительствѣ сморщивъ свозъ пальцевъ, и даже защищаетъ оныя. Онъ предвидитъ необходимыя того слѣдствія, и даетъ Голландской Компаніи прекрасныя совѣты, которыми она, по всей вѣроятности, не воспользуется.

Авторъ ѣдетъ отпуда въ заливъ Саданской на ловлю, чтобы познакомиться, какъ говоритъ онъ, съ дикими звѣрями, и приготовиться къ шѣмъ сраженіямъ, которыя онъ намѣренъ былъ дѣлать имъ на твердой землѣ. Первой оцншъ ему пощастливился, тигръ, убитой имъ, былъ ужасною

ной величины. Я мѣрять его глазами, говоришь онъ, и почиталъ себя по крайней мѣрѣ Тезеемъ. Все шло хорошо. Собрание звѣрей, птицъ, насекомыхъ, со дня на день возрастало, но сии богатства хранились на кораблѣ, которой стоялъ на рейдѣ. Долго будетъ предлагать всѣ политическія причины, которыя, когда приближился Англійской флотъ, заставили Капитана взорвать корабль свой. Пусть всякой вообразитъ себѣ положеніе челоуѣка, которой, поспраши къ путешествію, къ Наукамъ и открытіямъ, оставяетъ свое отечество, супругу и дѣтей своихъ, ѣдетъ за отдаленныя моря искать опасностей всякаго рода, и видитъ въ одинъ мигъ всѣ свои собранія, свое имѣніе, свои намѣренія и надежды *взлетѣвши на воздухъ и разсѣявшись въ дымъ!* Еще и сего не довольно надлежало спастись отъ побѣдителей и возвратиться на мысъ. Съ отчаяніемъ въ сердцѣ онъ туда возвратился; но у него былъ другъ Г. Боэрсъ, не видя

Ж 5

его

его пришедшаго вмѣстѣ съ другими, спалъ безпокоиться, и опшыскалъ его наконецъ въ одной хижинѣ, куда онъ скрылся въ ожиданіи помощи изъ Европы. „Государь мой! скажешь ему спокойно Г. Борсѣ: вы конечно не забудете, что вы мнѣ рекомендованы. Принимайтесь снова за свое дѣло, и оставьте мнѣ имѣть попеченіе о способахъ. Я того требую.„ Я принялъ, говоритъ Авторъ, предложеніе сего великодушнаго человѣка, отказъ слишкомъ бы оскорбилъ его. Всякой вообразить себѣ, каковы были приготовленія къ путешествію. Сдѣлали двѣ превеликія шельги, изъ которыхъ одну наполнили всѣмъ, что нужно Натуралисту, а другую всякими припасами, инструментами, орудіями, ружьями, пистолями, порохомъ, свинцомъ, пулями разной величины, сухарями, чаемъ кофе, сахаромъ, боченками съ водкою и табакомъ для Гоппейшоповъ, разными желѣзными и стеклянными вещами, озерельями и браслетами, что-

чтобы, смотря по обстоятельствамъ, дѣлать мѣны, или цѣловать друзей. Сынъ его со шюла изъ тридцати тысячъ, трехъ лошадей, девяти собакъ и пяти Гоппеншошовъ. Число послѣднихъ возрасло по шюль до сорока. Онъ отправляется въ путь, и ввечеру осначавливается у подножья высокихъ горъ, копорья составляющъ границу Гоппеншошской Голланди. Тогда шю, говоритъ онъ, будути совершенно оставленъ самому себѣ, и надѣясь только на собственныя свои силы, возвратился я, такъ сказать, въ перво-бышное состоянне чловѣка, и въ первой разѣ вдохнулъ въ себя чистой, питательной воздухъ свободы.

Онъ странствуетъ по пустынямъ и лѣсамъ, стараяся избѣгать ялицъ, и привзжаетъ въ землю Аншениковъ *медовыхъ людей*. Здѣь должны мы опказаться опъ всѣхъ по-дробностей, и хощя Африка есть страна чудесъ, однакожь ни экстрактъ, ни само журналъ не есть мѣсто для описанія оныхъ. Не возможно сѣю-
вать

вашь за Авторомъ во всѣхъ его ловахъ, или, лучше сказать, въ войнахъ его съ дикими звѣрями — бунволами, тенами, барсами, львами, слонами, гиппопотавами или морскими конями и проч *Ръзняте* (diffestion) побѣжденныхъ было наградою поѣды, которая покупалась всегда великими трудами и которая часто могла еще дороже стоить. Невѣроятное дѣйствіе любви къ Наукамъ! Я нашелъ въ лѣсу, говоритъ Г Вальянъ, сухое дерево съ дуиломъ шамъто, не смотря на непрестанные дожди, просиживалъ я по цѣлымъ днямъ, и сперегъ маленькихъ пшичекъ и дичь, шумъ былъ я по крайней мѣрѣ укрытъ отъ дождя, и нишался надеждою Изъ сего священнаго ниша непрестанно убивалъ я все, что показывалось передо мною. Такимъ образомъ любовь къ испытанію Науры превозмогала первыя потребности: я умиралъ съ голоду, а думалъ только о собраніяхъ (коллекціяхъ).

Въ самомъ сочиненіи надобно читать описаніе пріятной жизни, которую велъ онъ въ Пампознѣ - Кралѣ. Зани-

Занимаясь разною ловлею и ученіемъ, въ самомъ прекраснѣйшемъ климатѣ, въ обществѣ домашнихъ своихъ звѣрей и вѣрныхъ Гопшеншотовъ, съ которыми поступалъ онъ какъ съ друзьями, и которыхъ представляеть онъ не такъ какъ скотовъ гнусныхъ и отвратительныхъ, но какъ людей простыхъ, грубыхъ, добрыхъ и чувствительныхъ, еще любезныхъ его сердцу. Сіе чувство обнаруживается въ разныхъ мѣстахъ сочиненія, и всегда съ новою пріятностію. Минуты, проведенныя въ Пампознѣ - Кралѣ, называетъ онъ единственными минутами жизни своей, въ которыя узналъ онъ всю цѣну бытія. „ Не знаю, говоритъ онъ, какъ сила влечетъ меня всегда къ симъ мирнымъ привычкамъ души моей; я и теперь вижу себя въ своемъ лагерѣ среди Гопшеншотовъ и звѣрей моихъ. Растѣніе, цвѣшокъ, опломокъ скалы, ни что мною не забыто, и сіе зрѣлище, которое становится для моего сердца время отъ времени прогашельнѣе, занимаетъ меня и не ослабляетъ

влетѣтъ

вляешѣ нигдѣ ,, Сіе конечно пока-
жешся непопятымѣ дѣтѣмѣ , кото-
рые не знаютѣ ни прелести соверше-
ной независимости , ни страсти оп-
крыши , ни того несказаннаго удо-
вольствія , которое соединяетѣ Нашу-
ра съ развитіемѣ нашихѣ способно-
стей , моральныхѣ и разумныхѣ

Г Вальянѣ , обогатя свое собра-
ніе великимѣ числомѣ птицѣ , четверо-
ножныхѣ животныхѣ , растѣній и проч.
и проч. , оставяетѣ землю Аншени-
говѣ , и направляетѣ свой путь къ
Аугсклофу , длиною и болотистой
долинѣ , орутенной крутыми и без-
плодными горами , черезѣ которые
гужешественникѣ не можетѣ про-
браться безѣ величашаго труда Онѣ
не златѣ , куда ведетѣ его дорога :
къ ордамѣ ли Гоппештошовѣ , или
къ ордамѣ Кафровѣ Сіи Кафры , ко-
торыхѣ послѣ Арпорѣ посѣщатѣ , бы-
ли предметомѣ всеобщаго ужаса Онѣ
нашелѣ ихѣ весьма не шаковыми , ка-
ковыми ему описывали ихѣ въ Коло-
ни Правительство мыса Доброй
На

Надежды, которое не можетъ содержать въ порядкѣ и въ повиновеніи угнетенныхъ поселенцевъ, не знаетъ — или показываетъ, будто не знаетъ — тѣхъ ужасныхъ тиранствъ, черезъ которыя распространяли они границы своихъ владѣній во вредъ со-
 ъдественныхъ народовъ. Отъ сего-
 то произошла въ нихъ сія ненависть къ Бѣлымъ, которая есть ничто иное, какъ праведное омерзение къ ихъ жеспокошамъ, и отъ сего же са-
 маго Бѣлые распускаютъ тѣ страш-
 ныя клеветы, которыми стараются они очернять людей простыхъ и не-
 винныхъ, мстящихъ имъ за дѣло Сіа прискорбная истина, которую дока-
 зываетъ Г. Вильямъ примѣрами, ка-
 жется произвела въ немъ нѣкоторой
 родъ страха къ Дикимъ и сильное
 отвращеніе отъ Бѣлыхъ, и вообще
 отъ гражданскаго просвѣщенія — чув-
 ство, которое всегда кажется немно-
 го страшнымъ; которое простолюди-
 ны называютъ ненавистію къ человѣче-
 ству, но которое напротивъ того

есть ничто иное, какъ слишкомъ живая любовь къ оному, и сильная ненависть къ порокамъ, дѣлающимъ чело-вѣка злополучнымъ въ общественномъ порядкѣ. Вездѣ, говоритъ Авторъ, гдѣ Дикіе отдѣлены отъ Бѣлыхъ, и живутъ врозь, нравы ихъ крошки; но перемѣняющся и порпящся по мѣрѣ ихъ приближенія къ онымъ. Рѣдко бываетъ, чтобы Голштеншоты, живущіе съ Бѣлыми, не дѣлались чудовищами. Бывъ на сѣверѣ мыса между народами отдаленными, и видя вокругъ себя цѣлыя толпы людей, которыя приближались ко мнѣ со знаками удивленія, самаго дѣшскаго любопытства и сердечной довѣренности, — ко-порыя рукою щупали мою бороду, волосы, лице — шихонько говорилъ я самъ себѣ: *Мнѣ не того боятся сихъ людей; они въ первой разѣ видятъ Благо.* Въ Ювэналѣ нѣтъ ничего сильнѣе сей послѣдней чершы; но она по несчастію слишкомъ оправдывается въ путешествіи Г. Вальяна припиво-положносною нравовъ Дикихъ со нравами Европейскими. Ав-

Авторъ, всегда угрожаемой сими
Клфрами, и берущи про пивъ ихъ
всѣ предоспорожности блггоразумя,
подвигается длье, и мы слѣдуемъ за
нимъ съ удовольствіемъ сквозь всѣ
опасности, которымъ онъ подвер-
гался какъ охотникъ, гоняясь за сло-
нами, козами и другими звѣрами еще
неизвѣстныхъ родовъ. Натуральныя
произведенія, разные виды, живопис-
ныя мѣста, пріятныя или ужасныя;
феномены новыя для большей части
читателей, описывающія кистью Тенв-
ера или Бергема Въ семъ разнообра-
зи предметовъ, почти все заниматель-
ныхъ, можемъ мы остановиться толь-
ко при одномъ, наиболѣе интересномъ
для человѣка вообще, а именно, при
разныхъ дикихъ ордахъ, о которыхъ
до Г. Вальяна не имѣли мы надлежа-
щаго свѣдѣнія. Извѣстны смѣшныя
Кольбовы сказки, которыя были по-
вторяемы всѣми Путешественниками,
и которыя распространили въ Евро-
пѣ столь нелѣпыя понятія о Гошпен-
шошахъ Нѣкоторыя изъ нихъ утвер-

ждены самимъ Спарманомъ, которой не очень давно публиковалъ Путешествие по Африкѣ Г Вальянъ отдающъ справедливость сему ученому Шведу, въ разсужденіи тѣхъ вещи, которыя видѣлъ онъ собственными глазами, но укоряетъ его тѣмъ, что онъ имѣлъ слѣпую довѣренность къ заблужденіямъ и клеветамъ поселенцовъ, которые по большой части или наполнены предразсужденіями, или имѣютъ мало совѣсти. Весьма достойно примѣчанія то, что почти всѣ новые Путешественники говорятъ прошивное прежнимъ, описывающимъ самыя и гнусныя краски челоѣка. дикаго или натуральнаго, которой другимъ показался уже гораздо лучше. Баконъ говорилъ, что надобно снова *натанъ дѣствія разума теловѣческаго*. предпріятыя трудное послѣ столькихъ потерянныхъ вѣковъ! Такъ же бы, можетъ быть, надлежало начать снова и наблюдения, на которыхъ иные Философы основываютъ свои идеи о натурѣ челоѣческой, и пред-
ста-

ставляютъ ее злою и немогущею ии-
огда перемѣнилась. Г Вальянъ въ
Путешествии своемъ заспавляетъ оную
любить въ самой грубой простотѣ ея.
Онъ рассказываетъ нѣкоторыя поступ-
ки Готтентотовъ, которые оправды-
ваютъ его частыя и прогашельныя
воспоминанія о семъ крошкѣмъ и добро-
душномъ народѣ Кажется, говоритъ
онъ, что его всячески оклеветашь
старались Нѣсколько разъ говорено
было, что мать, родившая двойни, одно-
го ребенка потѣ же часѣ учерщвляетъ;
но сіе бываетъ весьма рѣдко, и по-
читается у нихъ ужаснымъ дѣломъ
Одно вопросъ о томъ раздражилъ
многихъ изъ Готтентотовъ Тогда
только случилось сіе, когда мать,
боясь потерять обоихъ близнецовъ
своихъ, бывша принуждена пожертво-
вать однимъ изъ нихъ Г Спарманъ
говоритъ еще, что въ случаѣ смер-
ти матери, по обыкновенію своему,
погребаютъ они съ нею и груднаго
младенца ея *Ся подтвердишъ мнѣ
и поселенцы*, прибавляетъ онъ Извѣ-
стно,

спшно, сколь мало вѣришь Г Вальянъ
таковому свидѣтельству, но предпо-
лагая оное справедливымъ, заключаетъ
онъ изъ того, что отъ трупa мате-
ри, умершей заразительною лихорад-
кою, какъ то говоритъ Г Спарманъ,
могли Гомпентоны въ страхъ уйти,
а вмѣстѣ съ нимъ оставить и младен-
ца ноо они сполько боятся заразы, что
часто въ такомъ случаѣ оставляютъ
и стада свои, которыя составляютъ
единственное ихъ богатство Если-
ли покидаютъ они стариковъ и боль-
ныхъ своихъ, то се бываетъ толь-
ко въ такомъ случаѣ, когда сильные
неприятели принуждаютъ ихъ поспѣш-
но обращаться въ бѣгство, — что
могло бы случиться и въ Европѣ Го-
лодъ есть другое несчастіе, противъ
котораго не знаютъ они иныхъ
средствъ Народныя несчастія, гово-
ришь Авторъ, не могутъ быть пра-
вилкомъ, по которому надлежитъ су-
дить о націяхъ, не имѣющихъ и пер-
ваго основанія нашихъ искусствъ, и
никакихъ средствъ освободиться отъ
оныхъ

онмѣ бѣдствій, кромѣ послѣшняго бѣгства. Но ни прошивъ какого обвиненія не возстаетъ онъ съ такою силою, какъ прошивъ того, что Голштеншолы въ любви своей не знаютъ ни разности лѣтъ, ни онаго непреодолимаго отвращенія, которое раздѣляетъ кровныхъ. Гнушаяся таковыми мерзостными подозрѣнiями, говорятъ онъ „Конечно вся фамиля живетъ въ ономъ шалашѣ, отецъ конечно ешитъ съ своею дочерью, братъ съ сестрою, мать съ сыномъ но по восхожденiи зари всякой изъ ихъ встаетъ съ сердцемъ чистымъ. Я осмѣлюсь сказать, что естли гдѣ нибудь на сей землѣ уважается еще благоприсшойность въ поведенiи и во нравахъ, то надобно ищи искать храма ея среди пустынь „ — Самъ Г Спарманъ признается, что Дикіе думаютъ болѣе о цѣломудри, нежели о покрывалѣ. А Г Вальцъ прибавляетъ, что онъ въ женщинахъ — и даже въ самыхъ мужчинахъ — видѣлъ вездѣ оспорожность и стыдливоспъ.

Развращеніе во нравѣхъ находилъ онъ тамъ, гдѣ Дикіе имѣли обращеніе съ Бѣлыми. Сии народы совсѣмъ не имѣютъ тѣхъ суевѣрій, которыя приписываютъ имъ Колбе. Авторъ не примышлялъ даже въ нихъ никакихъ идей, относительныхъ къ Религии. То, что нѣкоторые Путешественники называли служеніемъ лунѣ, есть ничто иное, какъ родъ ночной пляски, не соединенной ни съ какимъ идолослуженіемъ въ разсужденіи сей планеты. Гадкая свадебная церемонія Готтештошовъ — состоящая будто бы въ томъ, чтобы издивать урину на молодыхъ — есть глупая сказка Колбова, мечта такого путешественника, которой ни съ мѣста не трогался, и собиралъ народныя басни въ шинкахъ на мысѣ. Однако жь правда, что въ нѣкоторыхъ ордахъ дѣлаютъ себя полукастрапами, и рѣжутъ также пальцы на рукахъ или на ногахъ до перваго состава; откуда происходитъ сей безумной обычай, не извѣстно. Что касается до славнаго *передника* Готтештош-

шепшонокъ, то сія странность есть дѣйствіе нелѣпой моды въ одной ордѣ — моды, которая принудила къ тому Намуру Сверхъ того женщинамъ приписывали еще самыя странныя обыкновенія, напр говорили, что онѣ обвивающъ себѣ руки и ноги кишками животныхъ, но то, что почли кишками, есть ничто иное, какъ плетенки изъ тростника, изъ котораго они дѣлаютъ свои цыновки, или ремни изъ воловьей кожи предоспорожность, необходимая плачѣ, гдѣ много колючихъ растѣній и ядовитыхъ змѣй. Однако жь Авторъ признается, что привычка видѣть Гопшеншокъ никогда не могла еіо причинить къ обыкновенію раскрашивать себѣ лице и пудриться порошкомъ *бугу*, которой весьма непряшенъ для обонянія Европейца. Коротко сказать, Г. Вальянъ описываетъ намъ во всей подробности нравы сихъ чудныхъ людей, примѣчательныхъ между самыми Дикими по удивительной живости нѣкоторыхъ чувствъ своихъ,

и по отчужденным своим привычкам. Готтешотт засыпает крѣпкимъ сномъ, чтобы не терять голода, стягиваетъ себѣ ремнями желудокъ, чтобы обойтись безъ пищи; набдаются по горло мясомъ и жиромъ животныхъ, и по томъ живетъ нѣсколько дней одними стрекотами: щастливъ онъ, когда найдетъ нѣсколько мезоныхъ сотовъ, показываемыхъ ему птицею, которую Намуралисшы называютъ указательницею, и къ которой, по сей причинѣ, имѣютъ Дикіе великое уваженіе.

Во всѣхъ сихъ подробностяхъ, касавшихся до Готтешоттовъ, заключающающихся нѣкоторыми разсужденіями о ихъ языкѣ. Г. Вильянь взялъ на себя трудъ выучиться оному, и нашелъ — вопреки сказанному другими — что онъ не похожъ ни на куриное клошанье, ни на сорочье щекошанье, ни на кошачье мячанье. Онъ въ самомъ дѣлѣ не такъ прошивенъ, какъ кажется. Главная трудность оного состоитъ въ различіи *шегканья* языкомъ передъ произношеніемъ каждаго слова.

Ав.

Авторъ изъясняетъ се шелканье, и при концѣ сообщаетъ краткой словарь сего языка.

Мы оставили нашего Путешественника въ неизвѣстности, куда вела его дорога, и Кафровъ ли, или Гоштеншотовъ ему прежде встрѣпить надлежало. Се сомнѣние кончилось нечаяннымъ прибытиемъ толпы Гонаковъ. Сей народъ есть смѣшанной, и происходитъ вмѣстѣ отъ Кафровъ и отъ Гоштеншотовъ. Ростомъ они выше сихъ послѣднихъ, а нравы имѣютъ въ основаніи тѣ же, кромѣ пороковъ, которыми заразились Гоштеншоты отъ сосѣдства Колойи, повинаясь начальникамъ, подкупленнымъ отъ Правительства Голландскаго — начальникамъ, которые, чтобы имѣть честь носить на шеѣ знакъ, съ начертаніемъ слова *Cartein*, дѣлаются рабами Губернатора, и вмѣстѣ ширанами и шпионами своихъ развращенныхъ и подлыхъ подданныхъ.

Гонаки суть народъ вольной и мужественной, почитающій выше всего

свою независимость, и во всѣхъ своихъ поступкахъ показывающей чисто сердце, довѣренность и человеколюбіе Пусть всякой вообразитъ себѣ удивленіе нашего Автора, когда онъ, проснувшись поутру, увидѣлъ себя окруженнаго сею толпою! Начальникъ подошелъ къ нему съ привѣтствіемъ, а за нимъ шли женщины разряженныя, свѣпшяся и напудренныя своимъ краснымъ порошкомъ, называемымъ *бугу* Каждая поднесла ему какой нибудь подарокъ одна струсовыя яйца, другая молодого ягненка, иныя молоко въ ивовыхъ корзинахъ, силешенныхъ такъ плотно, что въ нихъ и вода держится Путешественникъ нашъ старался отдарить ихъ Водка, табакъ, огнивы и кремни для мушкетъ, ожерелья и разныя другія украшенія для женщинъ — все было щедрою рукою раздавано симъ гостямъ Здѣсь Авторъ описываетъ всѣ пріятности Гонакскаго общества Молодая дѣвушка, которую называетъ онъ *Мариною* — что значитъ *цѣль*

дѣвѣ — была украшеніемъ онаго, и скоро сдѣлалась его подругою, пошому что въ Африканскихъ пустыняхъ, говоришъ онъ, не надобно и стараться бышь щаспливымъ Мы ни мало не сомнѣваемся о совершенствахъ Нариды, но, подвергаясь опасности еще болѣе умноживъ отвращеніе Г Вальяна отъ стиховъ, къ которымъ обнаруживаетъ онъ ненависть свою въ разныхъ мѣстахъ сочиненія, приведемъ ему слѣдующіе

Le plus triste vaisseau fut long - tems son séjour.

Il touche le rivage : à l'instant tout l'invite ;

Et pour Lisis, dans ce beau jour,

La première Philis des hameaux d'alentour

Est la Sultane favorite,

Et le miracle de l'Amour ().*

Можно простишь Г Вальяну нѣкоторыя излишнія украшения въ семъ мѣстѣ сочиненія, которое есть одно
изъ

(*) То есть • Онъ долго пребывалъ на печальномъ кораблѣ. Выходитъ на берегъ — и въ минушу все его прельщаетъ. Первая Филида окрестныхъ жилищъ есть для Лиз са, въ сей прекрасной день, любимая Султанша и чудо Любви.

изъ пріятнѣйшихъ Начальникъ, посѣдивши его, не имѣлъ у себя и четырехъ сотъ подданныхъ, но при всемъ томъ былъ еще однимъ изъ первыхъ начальниковъ націи, кошорая, занимающая провинцію сорока Французскихъ миль, состояла менѣе, нежели изъ трехъ тысячъ душъ. Принявъ гостей своихъ наилучшимъ образомъ, Путешественникъ нашъ могъ думать, что вся нація будетъ къ нему хорошо расположена, и потому рѣшился самъ побывать у начальника оной, а по томъ продолжать свои пути. Надлежало разлучиться, и прекрасная Нарина стала не такъ весела, прощаясь съ хозяиномъ. Ей подарилъ онъ множество разныхъ блестящихъ женскихъ уборовъ, а мащери ея зеркало. Скоро и самъ онъ отправился за нею, и былъ принятъ всею ордою какъ братъ и другъ. Здѣсь Г Вальянъ показываетъ разныя опшѣнки Голика и Голшентота, кошорыя все относятся къ чести перваго Начальника, водилъ его по шалашамъ стариковъ.

ковъ, которые не могли сами прийти къ нему. За ними ходящъ обыкновенно дѣти ихъ, отъ осьми до десяти лѣтъ, обязанныя давать имъ пищу и имѣть оъ нихъ всѣ попеченія, въ которыхъ имѣетъ нужду дряхлость. Съ удивленіемъ примѣтивъ онъ, что сія дряхлость не сопряжена у нихъ ни съ одною изъ шѣхъ болѣзней, которая у насъ съ нею неразлучна, а еще болѣе удивило его то, что волосы у нихъ совсѣмъ не бѣлѣютъ, такъ что едва можно примѣнить съ конца нѣкоторую сѣдоватую опшѣвку. Конечно всякой ждетъ Нарины она потчасъ и явилась со всею прежнею нѣжностію — милая по прежнему, и безъ *бугу*. Всѣ шалаши, принадлежаще сему начальнику, числомъ около сорока, построены на шести стахъ квадратныхъ футахъ, составляющъ разныя полукружія. Они соединяются маленькими двориками или огородами, гдѣ каждое семейство заpiresъ на день шелятъ и ягнятъ, которыхъ они никогда съ матерями не пускаютъ. Они

Они питаются молокомъ, дичью, а иногда бьютъ барачовъ Сколыо палцовъ у нихъ, сполько они могутъ перечесть и дней, но не болѣе. Времена означаютъ какими нибудъ важными происшествіями или дѣлами, переменною жилищъ своихъ, убитымъ слономъ и пр., а часъ дня теченіемъ солнца — *солнце было здѣсь, солнце было тамъ*. Въ болѣзни прибѣгаютъ они къ нѣкоторымъ цѣлишельнымъ растѣніямъ, или сполько что перевязываютъ больной членъ. Мершвыхъ зарываютъ въ яму, покрываемую камнями, которые однако жъ худо защищаютъ ихъ отъ гнень и другихъ звѣрей.

Г Вальянъ, живя съ своими друзьями Тонаками, не забылъ своего намѣренія побывать у Кафровъ, чтобы имѣть о нравахъ ихъ справедливое понятіе. Онъ никакъ не думалъ, что бы они въ самомъ дѣлѣ были таковы, каковыми ихъ изображали. Самого умнѣйшаго и вѣрнѣйшаго изъ своихъ Голтеншошовъ отправилъ онъ къ началь-

ми-

нику одной изъ сихъ ордъ, и хопя посланной не могъ найти сею начальника, бывшего въ оплучкѣ, однако жъ ему все удалось исполнить свою комиссию Онъ сообщилъ о господинѣ своемъ весьма хорошее понятіе, сказавъ, что онъ не изъ числа поселенцовъ

Долго будетъ сказывать, какимъ образомъ одна изъ сихъ ордъ, подобно Гонакамъ, рѣшилась побывать у него Посланной его предупредилъ сихъ гостей, и успѣлъ ему сказать о ихъ приближеніи Будучи умнѣе и предусмотрительнѣе Гошшенпошовъ, гнали они съ собою большія стада быковъ Гошшенпошы, его провожашые, привыкшіе бояться Кафровъ, копорые почитаютъ ихъ шпионами Колонни, испугались при ихъ приходѣ. Г Вальянъ насилу могъ ихъ успокоить Онъ принялъ гостей своихъ такъ какъ и прежнихъ, то есть, по дружески, и отвелъ имъ мѣсто въ нѣкоторомъ разстояніи отъ своего шана, гдѣ надлежало имъ расположиться Скоро
ВОЗЫ-

возымѣли они другъ къ другу полную довѣренность. Но онъ располоваѣ имъ, что ему никакимъ образомъ нельзя соединиться съ ними противъ поселенцовъ, ихъ непріятелей, ни же подарить или продать имъ свои желѣзные орудія, которыхъ имъ очень хошѣлось, и которыя берегъ онъ неусынно. Такимъ образомъ онъ имѣлъ случаи наблюдать ихъ нравы, простыя и грубыя, подобно нравамъ Готтеншошовъ, но не столь уже дикіе. Терифіе ихъ такъ велико, что они посредствомъ необшесаннаго гранита, которой имъ служилъ вмѣсто наковальни, и другаго камня, употребляемаго ими вмѣсто молота, дошли до того, что дѣлаютъ разныя вещи, отработанныя такъ чисто, какъ рукою слесаря. Похвала Г. Вальяна была имъ весьма пріятна, пошому что Кафры самолюбивы, и Авторъ прекрасно описываетъ силу сего чувства въ одномъ молодомъ Кафрѣ, которому удивлялся онъ въ мешани конья „При знакахъ нашего удивленія, говоритъ онъ

онъ, расширялся взоръ еего юнаго подвижника, и мускулы лица его распу-скались. Онъ мѣрнулъ глазами ростъ мой, спановился подлѣ меня, и каза-лось хотѣлъ сказать ты, я,,

Хотя Путешественникъ нашъ много развѣдалъ отъ гостей своихъ о Кафрии, однако жь все еще хотѣлось ему обратиться далѣе во внутренность сей земли. Гоштеншошы еего весьма тому противились, а особливо по отъѣздѣ Кафровъ, хотя впрочемъ имѣли они къ нему великую привязан-ность, но желая неперпѣливо удовле-творить своему любопытству, и увѣ-рять въ усердіи нѣкоторыхъ изъ нихъ, рѣшился онъ ѣхать съ пятью человѣ-ками, требуя отъ другихъ въ дока-зательство вѣрности только того, чтобы они осмались снѣречь лагерь еего, и выбравъ начальникомъ одного изъ нихъ, къ которому имѣли они великое почтение. Такимъ образомъ онъ отправился, и черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ на то мѣсто, гдѣ жи-

ли бывшіе въ гостяхъ у него Кафры; но сколь же онъ удивился, нашедши хижины ихъ пущыя, или, говоря словами его, имперію безъ людей! Ся орда ушла отъ сосѣдственной націи, называемой Тамбуками. Онъ рѣшился возвратиться назадъ — возвратился, и къ удовольствію своему нашелъ, что Гопштеншоты, составлявшие многочисленное его семейство, пребыли ему вѣрными во время его отсутствія.

Тамъ-то привелъ онъ въ порядокъ журналъ своихъ примѣчаній на землю Кафровъ.

Ростъ ихъ выше роста Гопштеншотовъ или Гонаковъ. Они кажутся сильнѣе, гордѣе и смѣлѣе. Носъ не слишкомъ расплющенной, большой лобъ и большіе глаза, дающіе имъ видъ открытой и умной, и оставя двѣпѣ кожи, естъ между женщинами Кафрскими такія, которыя лучше иныхъ Европейскихъ женщинъ. Онѣ не носятъ никакихъ украшеній; ежедневныя ихъ упражненія состоятъ въ томъ, чтобы дѣлать глиняную посуду. Хижины
Каф-

Кафровъ болѣе и правильнѣе. Они суть народъ кочующій, однако жъ земледѣліе нѣкоторымъ образомъ имъ извѣстно.

Большее трудолюбіе и нѣкоторыя начальныя и самыя нужныя искусства, нѣкоторое просвѣщеніе и нѣкоторыя догматы Богопочитанія, дѣлаютъ Кафровъ просвѣщеннѣе южныхъ націй. Однако жъ нѣтъ у нихъ никакого служенія, ни священниковъ; за то есть у нихъ колдуны, которыхъ большая часть весьма почиаетъ и боится. Всѣ они обрѣзываются, а изъ сего можно заключить, что они происходятъ отъ древнихъ народовъ, или что они заимствовали сіе обыкновеніе отъ своихъ сосѣдей, которыхъ уже не помнятъ. Ихъ пляски, инструменты и оружія почти такія же, какъ у Готтенштовъ. Многоженство у нихъ въ обычаѣ, но пляшутъ они только на первой свадьбѣ. Ими правитъ Царь, котораго избираютъ начальники разныхъ ордъ, весьма отдаленныхъ одна отъ другой. Когда хочетъ онъ сообщить имъ что нибудь

важное для нации, то призываетъ ихъ къ себѣ, и даетъ имъ свои повелѣнія, то есть, сказываетъ имъ что ни, будь такое, что могутъ они употребить въ пользу ордѣ своихъ Старши сынъ бываетъ его наследникомъ, а буде нѣтъ у него сына, то племянникъ его, т е сынъ его сестры странное обыкновеніе, которое находятъ путешественники у разныхъ дикахъ народовъ

Г Вальдиъ, упомянутой своимъ путешествіемъ и трудами, рѣшился наконецъ возвратиться на мысъ, но любопытство было въ немъ еще сильнѣе усталости, и потому избралъ онъ другую дорогу, которая почищалась почти непроходимую и опасною отъ набѣговъ Боссимановъ и Бастеровъ Боссиманы, *лѣсные люди*, не составляющъ особливаго рода, а состояющъ изъ смѣси всѣхъ націй, отъ одинакихъ потребностей и привычекъ образовался лихой и свирѣпой характеръ ихъ Бастеры происходятъ отъ Негровъ и Гошцентошкѣ, или отъ
Гош-

Готшентштокъ и бѣлыхъ людей Бѣлые и здѣсь, въ сравненіи съ Неграми, столько же проигрываютъ, какъ выше сего въ сравненіи съ Дикими, ибо Басперъ бѣлои имѣетъ всѣ возможные чурныя качества, а Басперъ черной оплмчается напрошивъ того всѣми прошивоцоложными добродѣтелями. Г Вальянъ удивляется, что Правительство не спарается пользоваться симъ послѣднимъ родомъ Басперовъ, которои можетъ быть со временемъ весьма опасенъ для Колоніи.

Наконецъ, обогатя собраніе свое столько, что обратной путь его сталъ отъ того гораздо затруднительнѣе, возвращаясь онъ благополучно къ удовольствію непрерывливыхъ друзей своихъ, а особливо добродѣтельнаго Боэрсѣ, которому онъ приписалъ и книгу свою

Мало такихъ путешествій, которыя приносили бы столько удовольствія читателю, какъ сіе, для того что Авторъ, кромѣ многихъ важныхъ наблюденій, имѣ сообщаемыхъ,

не оставилъ ни одной подробности, кошорая чѣмъ нибудь могла поираться. Можетъ быть скажутъ, что онъ и слишкомъ занимался сими подробностями. Онъ конечно всѣмъ пользуется, на прим. всѣми своими звѣрями, а особливо своею обезьяною. Но надобно вспомнить, что въ сочинении сего рода болѣе, нежели во всякомъ иномъ, позволено заниматься сношеніями, происходящими отъ частаго сообщенія человѣка съ животнымъ — отъ сего взаимно полезнаго сообщенія между разумомъ одного и природнымъ побужденіемъ втораго — сношеніями, которыя, показывая вездѣ Разумъ, соединенной съ Благоспшю, иаполняютъ душу чувствами любви, возбуждаютъ ее къ высокимъ мыслямъ, и оправдываютъ сказанное Гм Вальяномъ, а именно то, что Натуральная Исторія все возвеличиваетъ, и что мораль ея простирается далѣе, нежели думаютъ.

Можно также попрекнуть Автора тѣмъ, что онъ слишкомъ любитъ

хвалишь Дикихъ , и охуждашь нѣкопоруя неудобности , неразлучныя со всякимъ гражданскимъ обществомъ Не всякой повѣришь , чшобы Авторъ былъ въ самомъ дѣлѣ такой дикой человекъ , каковымъ онъ казаться хочетъ Онъ конечно знаетъ , что просвѣщенные націи не серятся , когда браняшь ихъ учрежденія и общественнои порядокъ А естли бы не пердѣли онъ сатиры на своихъ Философовъ , Поэтовъ , Орашоровъ . то бы онъ еще несовершенно просвѣщены были. Г. Вальянъ всѣми силами способствуетъ успѣхамъ сего просвѣщенія , такъ же какъ и успѣхамъ Нашуральной Истории

Шанфоръ.

Извѣстіе.

Имена Особъ , благоволившихъ подписаться на Московской Журналъ , будутъ напечатаны въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
Время	6
Видѣніе Мурзы	8
Фнландѣ	15
Испуканѣ Дружбы	19
Червонецѣ и полушка	21
Эпитафїя	27
Письма путешественника	28
Самоубійца	55
Театрѣ	62
О книгахѣ	87
О иностранныхѣ книгахѣ	101

ОШИБКИ ВЪ ПЕЧАТИ

Стран.	Стр.	Напечат.	Чит.
39	25	помрачили	помрачили
70	21	но томѣ	по томѣ
70	10	лице	лица

Издатель проситъ Читателя самого поправить прочія ошибки, какія найдутся.

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЪ.

Часть первая. Книжка вторая.

Мѣсяцъ Февраль.

НОВЫЙ ГОДЪ, Пѣснь ДОМУ ЛЮБЯЩЕМУ НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Хоръ

- „ Сойди, сойди, любезная Эраша,
„ Съ горы зеленой, двулкомисной,
„ Въ одеждѣ бѣлой, серебристой,
„ Украшена въ щемѣ и поясомъ изъ
злата;
„ Съ швоею арфой сладкогласной
„ Сойди, ушѣхъ соборъ!
„ Брось съ нѣжноспрастной
„ Улыбкой намъ твоей взоръ,
„ И царствуй вѣчно въ домѣ семъ!
I „ На

„ На берегахъ Невы прекрасныхъ
„ Любимелю наукъ изящныхъ
„ Мы пѣснь съ тобою воспоемъ.

А р і я.

„ Небеса внемлите
„ Чистый сердца жаръ,
„ И съ высотъ пошлите
„ Пѣсенъ сладкій даръ!
„ О мольба прилѣжна,
„ Какъ роса взнесись!
„ Къ намъ ты, Муза нѣжна,
„ Какъ зефиръ спушись! „

* * *
Какъ легкая серна
Изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ
Перебѣгаетъ;
Какъ бѣлой голубокъ она
То внизъ, то вверхъ подъ облачкомъ
Перелетаетъ
Съ небесныхъ горъ дорогу голубую,
Ко мнѣ въ минушу перешла,
И арфу золотую
Съ собою принесла;
Рѣзвилась вокругъ меня, ласкалася, смо-
трѣла,
И

И будто въперочекъ сѣла
На лопѣ у меня.

Тутъ вдругъ веселый видъ на важный
пречѣня,

Небеснымъ жаромъ воспыкала,
На арфѣ заиграла.

Арія.

„Ея бѣлорумыны персты
„По звучнымъ бѣгаютъ струнамъ;
„Взоръ черноогненный, отверстый,
„Какъ молнія во слѣдъ громамъ
„Блещаетъ, жжетъ и поражаетъ
„Всю внутренность души моей;
„Томишь, мерщвишь и оживляешь
„Меня прятностью своей.

Хоръ.

„Боги взоръ свой отвращаютъ
„Отъ нелюбящаго Музъ;
„Фурii ему влагаютъ
„Въ сердце черство грубый вкусъ,
„Жажду злата и серебра
„Врагъ онъ общаго добра;
„Ни слеза вдовицъ не тронетъ,
„Ни сиротски его спонъ,
„Пусть въ бѣдахъ вселенна шонетъ,
„Былъ бы щасливъ только онъ,

„ Больше съ собралъ серебра !
„ Врагъ онъ общаго добра.
„ Наиръшивъ того взирающъ
„ Боги на любимца Музъ,
„ Сердце нѣжное влагающъ
„ И изящный ему вкусъ ;
„ Всѣмъ душа его щедра ;
„ Другъ онъ общаго добра ;
„ Опираетъ шокъ слезны,
„ Унимаетъ скорбный стонъ ;
„ Сиротамъ отецъ любезный,
„ Покровитель Музамъ онъ ;
„ Всѣмъ душа его щедра ;
„ Другъ онъ общаго добра „

* * *

О день, о день благоприятный!
Раздайте в наши голоса!
Курятся кринны ароматны;
Склонились, вижу, небеса,
И тучи сини, краезлавы,
Блещающи рубиномъ сквозь,
Какъ испещренные флэты, богатый,
Стремятся по ээру вкось,
И плавая шуда,
Сюда,

Спу-

Спускаются предъ нами.
 На нихъ сидишь прекрасныхъ Музъ
 сборъ;
 Вкругъ Гениевъ крылатыхъ хоръ;
 За ними въ слѣдъ лешихъ полками,
 Какъ бы весной,
 Разноперистыхъ ипичекъ рой,
 Вьельтъ воздухъ за собой
 Кристалльною струей,
 И провождаетъ дѣвъ къ намъ горнихъ
 ликъ.
 Я слышу вдалекѣ тамъ рѣзки труб-
 ныи зыкъ;
 Тамъ бубновъ громъ;
 Тамъ стонъ
 Валторнъ
 Созвучно въ воздухъ ударяетъ;
 Тамъ гласъ свирѣлей
 И звонкихъ трелей
 Сквозь ихъ изрѣдка пробѣгаетъ,
 Какъ соловьиный свистъ сквозь шумъ
 падающихъ водъ.
 Отъ звука разныхъ голосовъ,
 Встрѣчающихъ полубоговъ
 На землю сходъ,
 По рошамъ Эхо какъ лохочетъ,
 По

По мрачнымъ горнымъ дѣбрямъ
ропчетъ,
И гулъ глухой въ глуши реветъ.
Межь тѣмъ, я слышу, сонмъ небесныхъ
дѣвъ поетъ.

Хоръ.

„ Науки смертныхъ просвѣщаютъ,
„ Питающъ, облегчаютъ трудъ,
„ Художества ихъ украшаютъ,
„ И къ вѣчной славы ихъ ведутъ
„ Благополучны тѣ народы,
„ Которы красотамъ Природы
„ Искусствомъ могутъ подражать —
„ Какъ пчелы медъ съ цвѣтшвъ собирають!
„ Блаженъ тотъ мужъ, блаженъ сто-
крашно,
„ Кто покровительствуетъ имъ!
„ Вознаградяшъ его обратно
„ Онъ безсмертнемъ своимъ „

* * *

Наполнилъ грудь восторгъ священ-
ными,
Благоговѣйный обнялъ страхъ;
Пряшчыи ужасъ, пошвенный,
Течетъ во всѣхъ моихъ костяхъ.
Въ весельѣ сердце утокаетъ;

Какъ

Какъ будто бога ощущаетъ
Въ присутствіи шеперь со мной
Я вижу, вижу Аполлона
Въ топъ мигъ, какъ онъ разитъ Тифона
Божественной своей стрѣлой!
Звучатъ молнія сверкаетъ;
Звѣнитъ въ рукъ спущенный лукъ;
Ужасная змя зяетъ
И въ мигъ свои испускаетъ духъ;
Чешуйчатымъ хвостомъ въ песокъ лишь
изгибаетъ,
И черна кровь ручьемъ изъ раны ис-
текаетъ
Я зрю, и то себя тотчасъ предста-
вишь могъ,
Что такъ невѣжество сражаетъ свѣ-
та богъ

А р і я

„Почкъ блѣдныхъ пѣней окру-
жаетъ
„И ужасаетъ духъ того,
„Кто кровью руки умываетъ
„Для властолюбья своего
„И черный змию сердце гложетъ,
„Въ комъ зависть, месть и злость
живетъ;

- „ И кто своимъ добромъ жить
 можетъ,
„ Но для блага пспва мзду беретъ.
„ Порокъ с.окоеиъ не бываетъ;
„ Нравъ варварскій его мяшетъ;
„ Ниукъ, художествъ не ласкаетъ,
„ И свѣта свѣтъ ему не льетъ.
„ Какъ звѣрь онъ ищетъ мѣста
 темна,
„ Какъ змій онъ ползая шипитъ;
„ Душа, коварствомъ покровенна,
„ Глазами прямо не глядитъ.

Хоръ.

- „ Черные мраки,
„ Злые призраки
„ Ужасныхъ спрасней!
„ Бѣгите изъ града,
„ Скройшесь вѣ дно ада
„ Отъ нашихъ вы дней!
„ Свѣта перуны,
„ Лирныя струны,
„ Минервинъ Эгидъ!
„ Сыльте вѣ злость стрѣлы!
„ Брань за предѣлы
„ Отъ насъ да оѣжитъ! „

Какъ

* * *
Какъ прогоняетъ солнце ночи мракъ,
Какъ отъ его червлена златца
Румян тля Природы зракъ,
Веселая и рѣзвая Эрата!
Ты ходишь по лугамъ зеленымъ,
Ты рвешь себѣ тогда цвѣты;
Свободнымъ духомъ, восхищеннымъ,
Поешь и водишь хороводы ты.

Во слѣдъ твоѣ заставъ соборъ,
Пѣвицъ пріятели хоръ,
Наяды пляшутъ и Фауны.
Составь, составь прелестно бо-
жество!

И наше днесъ ты торжество,
Да сладкогласны швои струны,
Твоею движимы рукой,
Возбуждашь въ праздникъ сей всѣхъ къ
пляскѣ предъ тобою!

Хоръ.

„ Радостно, весело въ день сей
„ Соирайтесь вмѣстѣ други;
„ Забудьте всѣ недосуги,
„ Слѣчите, пляшите смѣлѣй;
„ Бейте въ ладоши руками,

„Щелкайте громко перстами,
„Черны глаза поводите,
„Сшаномъ вы всѣмъ говорите;
„Фертномъ бѣлы руки въ боки,
„Дѣлайте легкіе скоки,
„Чебошъ о чебошъ спучите,
„Съ наступью смѣлой свищите;
„Молвьте спасибо душою
„Дому тому, что снисходитъ
„Лаской, любовью своею,
„Всѣмъ намъ веселье находитъ,
„Игръ кто невинныхъ любитель
„Здравъ будь ввѣкъ, Музъ покро-
витель! „

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

— о о — о о — о
— о о —

Нѣжная мать, Природа!
Слава тебѣ!
Снова твой сынъ оживаетъ!
Слава тебѣ!

*

Сумрачны дни мои были.
Каждая ночь

Мед-

Медленнымъ годомъ казалась
Бѣдному мнѣ.

»

Желчю облито было
Все для меня,
Скука, уныніе, горестъ,
Жили въ душѣ.

*

Черная кровь возмущала
Ночи мои
Грозными, страшными снами,
Адской мейшой

*

Томное сердце вздыхало
Ночью и днемъ.
Тронули матеръ Природу
Вздохи мои

*

Перстѣ ея, къ сердцу коснувшись,
Кровь разжила;
Взоръ ея свѣплымъ разсѣяла
Мрачность души.

*

Все для меня обловилось;
Всѣмъ веселюсь — .

Солнцемъ, зарею, звѣздами,
Ясной луной.

Сонъ мой пріятенъ и кротокъ;
Солнечный лучъ
Снова меня призываетъ
Къ радостямъ дня.

К.

Женева, Дек. 18, 1789.

СЧЕТЪ ПОЦѢЛУЕВЪ.

Прелестна Лизанька! на этомъ самомъ
полѣ,
Подъ шѣвнью эшихъ липъ, ты слово
мнѣ дала
Сто поцѣлуевъ дать; но только сто,
не болѣ.
Ахъ Лиза! видно ты ввѣкъ спрастной
не была.
Дай сто, дай тысячу, дай шьму,
все будешь мало
Для сердца, что къ тебѣ любовью вос-
пыдало.
Послушай, Лизанька: кошпорой изъ
боговъ
Во

Во расшоченіи былъ скупъ своихъ да-
ровъ?

Благошворишь не знавъ предѣловъ,
вошъ ихъ мѣра!

Считаетъ ли Церера
Всѣ класы, коими она
Чело Природы украшаетъ,
Когда ее обогащаетъ?

И Флора милая, съ кошорой ты сходна,
Скупыми ли, скажи, руками
Кидаешь на землю душистые цвѣты?
Сочтешь ли, сколько ихъ разсѣяно предъ
нами? —

Иль нѣжнаго возьми въ примѣръ Зефи-
ра ты:

Вовѣкъ онъ росписи не знаетъ
Всѣмъ розамъ, кои здѣсь въ кусточ-
кахъ лобызаетъ.

По каплѣ ль падаетъ небесная вода
Для прохлажденія полей, луговъ ошъ
зною?

Не правда ли, что иногда
Юпитеръ льетъ ее рѣкою?

Жалѣла ль для цвѣшковъ своихъ Авро-
ра слезъ?

Нѣтъ!

Нѣтъ! міръ свидѣтель въ томъ, что
жили небесъ
И худо и добро, все сылютъ къ намъ
безъ мѣры

А ты, совѣстница Велеры,
Ты, коеи сынъ ея толикую даѣ власть
Единымъ взглядомъ въ насъ раждашь
нѣжнѣншу спрасть!

Ты, Лиза, ты шеперь — ахъ! можетъ
ли по спастся? —

Ты хочешь хладной быть, и съ бо-
гомъ симъ считаешься?

Жестокая! скажи, считалъ ли я хоть
разъ,

Колико пролилъ слезъ горестныхъ изъ
глазъ,

Колико посреди безплодныхъ я желанн
Изъ сердца испустилъ и вздоховъ и
стенаній?

Сочти всѣ горести, мою спѣснявши
грудь,

И послѣ ты сама себѣ судьею будь!
Но нѣтъ! смѣшаемъ все, и радости
и муки!

Пади, любезная, пади въ мои ты руки!

Позволь, чтобъ я тебя безъ счета
цѣловалъ
За столько, столько слезъ, которыхъ
не считалъ.
И.

ОСЕЛЪ и ЛИРА.

Оселъ увидѣлъ лиру —
Извѣстно, у осла каковъ умокъ —
Оселъ сказалъ. на что бездѣлка эта
миру?

Мнѣ лучше сѣна клокъ.
А лира заигравъ ему проговорила:
Я сдѣлана для Музъ, не для ослова
рыла.
И К.

НИСЪМА РУСКАГО ПУТЕШЕ-
СТВЕННИКА.

(Продолженье)

Корчма въ милѣ за Тильзишомъ,

⁶₁₇ Юня 1789, 11² ночи.

Все вокругъ меня спитъ. Я и самъ было легъ на постелю; но около часа тщетно ожидавъ сна, рѣшился встать, засвѣпишь свѣчу и написать нѣсколько строкъ къ вамъ, друзья мои.

Я очень радъ, что изъ Мемеля не согласился ѣхать воюю Мѣста, черезъ которыхъ мы проѣзжали, были весьма пріятны. То обширныя поля съ прекраснымъ хлѣбомъ, то живоцвѣтныя зеленые луга, то маленькія рошцы и кусты, какъ будто бы въ искусственной симметрии расположенныя, представлялись глазамъ нашимъ. Маленькія деревеньки вдали составляли также пріятной видъ. *Qu'il est beau, ce pays-ci!* восклицали мы съ Ишамяндомъ.

Вообще, кажется, земля здѣсь еще лучше обработана, нежели въ Курляндъ.

лянди, и въ хороше годы во всей здѣшней сторонѣ хлѣбъ бываетъ очень дешевъ; но въ прошедши годѣ урожаи былъ такъ худъ, что Правительству надлежало довольствовашь народъ хлѣбомъ изъ заведенныхъ магазиновъ. Пять, шесть лѣтъ хлѣбъ рождался хорошо, въ седьмой годѣ худо, и поселянину вѣшь не чего. Отъ чего же это происходитъ? Отъ того, что поселянинъ всегда излишно надеется на будущее лѣто, не представляя себѣ ни засухи, ни града, и продасъ все сверхъ необходимаго. Опшюца, ш е изъ Тильзита, опшправляелся хлѣбъ водою въ Кенигсбергъ. Сей весьма изрядно выстроеной городокъ лежитъ среди самыхъ плодоснѣишихъ долинъ на рѣкѣ Мемелѣ, и, кромѣ хлѣба, производитъ еще значной торгъ лѣсомъ, опшправляемымъ также водою въ Кенигсбергъ.

Насъ остановили у городскихъ воротъ, гдѣ стояли на караулѣ не солдаты, а граждане, для того, что полки, составляющие здѣшний гарнизонъ,

зонь, не возвратились еще со смотру. Толстой часовой въ разноцвѣтной парѣ, у котораго подъ брюхомъ мохалась маленькая шпажеика, поднявъ на плечо изломанное и веревками связанное ружье, съ гордымъ видомъ сдѣлалъ при шага впередъ и престраннымъ голосомъ закричалъ мнѣ *Was sind Sie? Кто вы?* Будучи занятъ разсмащиваніемъ его необыкновенной физиономіи и фигуры, не могъ я пошчасъ отвѣчать ему. Онъ надулся, искривилъ глаза и закричалъ еще страннѣйшимъ голосомъ *Was send ich?* Гораздо уже неучтивѣе! Нѣсколько разъ надлежало мнѣ сказывать свою фамилю, и при всякомъ разѣ шаталъ онъ головою, по видимому дивясь чудному Русскому имени. Съ Италянцомъ исторія была еще длиннѣе. Напрасно опшзывался онъ незнаніемъ Нѣмецкаго языка. Толстойбрюхой часовой непременно хопѣлъ, чтобы онъ отвѣчалъ на всѣ его вопросы, вѣроятно съ великимъ трудомъ наизустъ вышверженные. Наконецъ я былъ при-

званъ

званъ на помощь, и насилу добились мы до того, чтобы насъ пропустили — Въ городѣ показывали мнѣ башню, въ разныхъ мѣстахъ прострѣленную Рускими ядрами.

Въ Прусскихъ корчмахъ не находимъ мы ни мяса, ни хорошаго хлѣба Француженка дѣлаетъ намъ *des oeufs au lait*, или Рускую яшницу, которая съ молошнымъ супомъ и салапомъ составляетъ нашъ обѣдъ и ужинъ Зато мы съ Ишальянцомъ налягаемъ уже на кофе, кошорое по сіе время вездѣ находили

Лишь только расположились мы въ корчмѣ, гдѣ шеперь ночуемъ, услышали лошадиной топотъ, и черезъ полминуты вошелъ человекъ въ темномъ фракѣ, въ пребольшой шляпѣ и съ длиннымъ хлыстомъ, подошелъ къ столу, посмотрѣлъ на насъ — на Француженку, занимавшуюся вечернимъ туалетомъ; на Ишальянца, разсмапривавшаго мою дорожную ландкаршу, и на меня, пившаго чай — скинулъ шляпу, пожелалъ намъ добраго

К а р а г о

раю вечера, и оборотясь къ хозяйкѣ, которая лишь только показала лобъ изъ другой горницы, сказалъ Здравствуй, Лиза! Какъ поживаешь?

Лиза (сухая женщина лѣтъ въ тридцать) А, Господинъ Поручикъ! Добро пожаловать! Откуда? откуда?

Поручикъ Изъ города, Лиза. Баронъ фонъ М* писалъ ко мнѣ, что къ нимъ пріѣхали Комедианты „Пріѣзжай, братъ, пріѣзжай! Шалуны повеселятъ насъ за наши гроши!“, Ч. меня возьми! Если бы я зналъ, что за швари эти Комедианты, не изъ чего бы не поѣхалъ.

Лиза. И, ваше благородіе! Развѣ вы не жалуете Комедіи?

Поручикъ О! я люблю все, что забавно, и переплатилъ въ жизнь свою довольно полковѣскихъ талеровъ за Доктора Фауста съ Гансъ Вурштомъ (*).

Лиза.

(*) Докторъ Фаустъ, по суевѣрному народному греданію, былъ будто бы великой колдунъ, и по сіе время бываетъ обыкновенно герсемъ глупыхъ

Лиза Гансѣ Вурстѣ очень смѣшечъ, сказывающѣ — А что играли Комедианты, Господинѣ Порупчикѣ

Порупчикѣ Комедию, въ которой не было ничего смѣшнаго. Иной кричалъ, другой кривлялся, преша шаршилъ глаза, а пушнаго ничего не вышло.

Лиза Много было въ Комедии, Господинѣ Порупчикѣ

К 3

По-

ныхъ пьесъ, играемыхъ въ деревняхъ или въ городахъ на площадныхъ Театрахъ шатающимися Актерами. Въ самомъ же дѣлѣ Іоаниѣ Фаустѣ жилъ какъ честной гражданинъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, около средку пятого-надесять вѣка; и когда Гутшенбергъ, Маинцской уроженецъ, изобрѣлъ печатаніе книгъ, Фаустъ вмѣстѣ съ нимъ пользовался выгодами сего изобрѣщенія. По смерти Гутшенберговой, Фаустъ взялъ себѣ въ помощники своего писаря, Петра Шойффера, кѣтсрой искусство книгопечатанія довелъ до такого совершенства, что первыя вышедшія книги привели людей въ изумленіе; и какъ просполудики того вѣка приписывали дѣйствию сверхъестественныхъ силъ все то, чего они изъяснить не умѣли, то Фаустъ провозглашенъ былъ сообщникомъ дьявольскимъ, кѣтсрымъ оиѣ слыветъ и понынѣ между чернью и въ сказкахъ. — А Гансѣ Вурстѣ значилъ на площадныхъ Нѣмецкихъ Театрахъ то же, что у Итальянцовъ Арлеиниѣ.

Поручикъ Развѣ мало дураковъ
въ Тильзишѣ ?

Лиза Господинъ Бургомиспръ съ
сожигельницею изволилъ ли быть
шамъ ?

Поручикъ Развѣ онъ изъ по-
слѣднихъ ? Толстобрюхой дуракъ зѣ-
валъ, а чванная супруга его безпре-
сшанно терла себѣ глаза плашкомъ,
какъ будто бы попалъ въ нихъ ша-
бакъ, и полкала его подъ бокъ, что-
бы онъ не заснулъ и пересталъ пя-
лить ротъ.

Лиза То-то насмѣшникъ !

Поручикъ (сажаясь и кладя свою
шляпу на столъ подлѣ моего тайника)
Um Vergebung, mein Herr! Прошу про-
ститьъ, государь мой ! — Я усшалъ,
Лиза Дай мнѣ кружку пива Слы-
шишь ли ?

Лиза Тотчасъ, Господинъ По-
рушчикъ

Поручикъ (вошедшему слугѣ сво-
ему) Каспаръ ! набей мнѣ шрубку. —
(Обернувшись къ Француженкѣ) Осмѣ-
люсь

люсь спросишь съ моимъ почтениемъ,
жалуете ли вы табакъ?

Француженка, Monsieur! — Qu'est
ce qu'il demande, Mr Nicolas? (*Какъ
она меня называетъ*)

Я S'il peut fumer — Куриште,
куриште, Г Поручикъ Я вамъ за нее
отвѣчаю

Француженка Dites qu'on
Поручикъ A! Мадамъ не гово-
ришь по-Нѣмецки жалю, весьма жа-
лю, Мадамъ — Откуда ѣдете, ешь-
ли смѣю спросишь, государь мой?

Я Изъ Пешербурга, Господинъ
Поручикъ

Поручикъ Радуюсь, радуюсь,
государь мой Что слышно о Шве-
дахъ, о Туркахъ?

Я Старая пѣсня, Г Поручикъ
и шъ и другіе бѣгающъ отъ Рускихъ

Поручикъ Ч меня возьми!
Рускіе спояпъ крѣпко — Скажу
вамъ по пріязни, государь мой, что
если бы Король мой не отговорилъ
мнѣ, то давно бы я былъ не послѣднимъ
Штабъ - Офицеромъ въ Руской службѣ

У меня вездѣ не безѣ друзей На
примѣрѣ, племянникѣ мой служитѣ
спаршичѣ Адѣюшантомѣ у Князя .
Онѣ ко мнѣ обо всемѣ пишетѣ По-
спойте — я покажу вамѣ послѣд-
нее письмо его Чѣ меня возьми! я
позабылѣ его дома Онѣ описываетѣ
мнѣ взашѣе Очакова Пятнадцатѣ ты-
сячѣ легло на мѣстѣ, государь мой,
пятнадцатѣ тысячѣ!

Я Не правда, Г Поручикѣ

Поручикѣ Не правда! (Сѣ на-
смѣшкою) Вы конечно сами шамѣ
были?

Я Хотѣ н не былѣ, однако жѣ
знаю, что Турковѣ убито около 8000,
а Рускихѣ 1500

Поручикѣ О! я не люблю спо-
ришь, государь мой, а что знаю, то
знаю (Принимая за кружку, которую
между тѣмѣ принесла ему хозяйка)
Разумѣете ли, государь мой!

Я Какѣ вамѣ угодно, Г Поруч-
чикѣ

Поручикѣ Ваше здоровье, го-
сударь мой! — Ваше здоровье, Ма-
дамъ!

дачѣ¹ — (*Итальянцу*) Ваше здоровье — Пиво изрядно, Лиза — По лущайте, государь мой¹ — Теперь вы называете меня Господиномъ Поручникомъ по чему²

Я По тому, что хозяйка васъ такъ называетъ

Поручикъ, По тому, что я (*приподнявъ шляпу*) поклонился моему Королю — и пошелъ безвременно въ отставку. А то теперь говорили бы вы мнѣ (*опять приподнявъ шляпу*) — Господинъ Маюръ, здравствуйше¹ (*Допивая кружку*) Разумѣете ли² Ч меня возьми, если я не по уши былъ влюбленъ въ свою Анюшу¹ Правда, что она была какъ розовая пышка. И теперь еще не худа она, государь мой, даромъ что уже четверыхъ принесла мнѣ — Лиза¹ скажи, какова моя Анюша²

Лиза И, Г Поручикъ¹ какъ будто бы вы сами этого не знаете! — Чего говоришь, что пригожа¹ — Скажу вамъ смѣхъ, Г Поручикъ. Какъ вы на святой недѣлѣ вечеромъ

проѣхали въ городъ, ночевалъ у меня молодой господинъ изъ Кенигсберга — правду сказать, баринъ предоброй, и заплашилъ мнѣ честно за всякую бездѣлку Кушашъ онъ много не спрашивалъ — —

Порутчикъ Ну гдѣ же смѣхъ, Лиза?

Лиза Такъ эшотъ доброй господинъ стоялъ на крыльцѣ, и увидѣлъ Госпожу Порупчицу, которая сидѣла въ коляскѣ на правой сторонѣ — такъ ли, Господинъ Порупчикъ?

Порутчикъ Ну что же онъ сказалъ?

Лиза То-то баба! сказаъ онъ — ха! ха! ха!

Порутчикъ Видно онъ не глупъ былъ — ха! ха! ха!

Я И такъ любовь заставила васъ идти въ отставку, Г Порупчикъ?

Порутчикъ Проклятая любовь, государь мой — Каспаръ, шрубку! — Правда, я надѣялся на хорошее приданое. Мнѣ сказали, что у ста
рица

рика фонъ Т* золошья горы Дѣвка до ра, думалъ я дай женимся! Старикъ радъ былъ выдать за меня дочь свою, только она никакъ не хотѣла итти за служиваго Мамзель Анюша! сказалъ я: я тебя люблю какъ душу; только люблю и службу Королевскую. На миленькихъ ея глазенкахъ навернулись слезы Я топнулъ ногою, и — пошелъ въ опшавку. Что же вышло? На другой день послѣ свадьбы любезной мой тещюшка, вмѣсто золошыхъ горъ, наградила меня премо сошнями шалеровъ Вотъ тебѣ приданое! — Дѣлать было не чего, государь мой. Я поговорилъ съ нимъ крупно, а послѣ за бушылкою спараго Рейнскаго вина заключилъ вѣчной миръ. Правду сказать, старикъ былъ добросердеченъ — помани Богъ его душу! Мы жили дружно Онъ умеръ на рукахъ моихъ, и оставилъ намъ въ наслѣдство дворянской домъ —

Но перервемъ диалогъ, кошорой занялъ уже слишкомъ двѣ страницы, начинаетъ упомаять серебряное
перо

перо мое Словоохотной Поручикъ до десяти часовъ наговорилъ съ при ко- роба, кошорыхъ я, жалѣя Габріеле- выхъ лошадей, не возьму съ собою Между прочимъ, услышавъ, что я изъ Кенигсберга поѣду въ публичной почтовой коляскѣ, совѣтовалъ мнѣ 1) занять мѣсто въ срединѣ, и 2) еспьли будущъ со мной дамы, подчивашъ ихъ во всю дорогу чаемъ и кофе Въ заключение желалъ, чтобы я путешествовалъ съ пользою, такъ какъ извѣстной Баронъ Тренкъ, съ кошорымъ онъ будто бы очень друженъ — Господинъ Поруч- чикъ, всунувъ свою шрубку въ сапогъ, сѣлъ съ своимъ Каспаромъ на конь, и пустился во всю прышь, крича мнѣ, вышедшему на крыльцо *Glückliche Re- ise, mein Herr!* —

Чего человекъ не напишетъ въ часы безсонницы! — Просшите до Кенигсберга! —

Кенигсбергъ, Юня 18, 1789

Вчера, въ семь часовъ утра, приѣхалъ я сюда, любезные друзья мои, и сталъ, вмѣстѣ съ своимъ соупникомъ, въ трактиръ у Шенка. При въѣздѣ въ городъ насъ остановили, записали наши имена и послали съ нами визитатора, чтобы осмотрѣть наши вещи, и это стоило намъ опять нѣсколько грошей — Приѣлавъ, пошелъ я потчасъ бродить по городу.

Кенигсбергъ, столица Пруссии, есть одинъ изъ большихъ городовъ въ Европѣ, будучи въ окружности около пятнадцати верстъ. Нѣкогда былъ онъ въ числѣ славныхъ ганзейскихъ городовъ. И нынѣ коммерція его довольно важна. Рѣка Прегель, на которой онъ лежитъ, хотя не ширѣ 150 или 160 фушовъ, однако жъ такъ глубока, что большія купческія суда могутъ по ней ходить. Домовъ считается около 4000, а жителей 40000 — какъ мало по пространству города! При всемъ томъ городъ теперь кажется многолюднымъ, потому

что

что множество людей собралось сюда на ярманку, которая начнется съ завтрашняго дня Я видѣлъ много хорошихъ домовъ, но не видалъ такихъ огромныхъ, какъ въ Москвѣ или въ Петербургѣ, хотя вообще Кенигсбергъ выстроенъ едва ли не лучше Москвы.

Здѣшній гарнизонъ такъ многочисленъ, что вездѣ попадаются въ глаза мундиры Не скажу, чтобы Прусские солдаты были одѣты лучше нашихъ, а особливо не нравятся мнѣ ихъ двуугольныя шляпы, и е шляпы, у которыхъ поля подняты только съ двухъ сторонъ Что принадлежитъ до Офицеровъ, то они очень опрятны, а жалованья получаютъ, включая Капитановъ, малымъ чѣмъ болѣе нашихъ Я слыхалъ, что будто бы въ Прусской службѣ нѣтъ такихъ молодыхъ Офицеровъ, какъ у насъ; однако жь здѣсь видѣлъ по крайней мѣрѣ десятокъ пятнадцатилѣтнихъ, правда не выше Подпоручиковъ — Мундиры синие, голубые и зеленые, съ красными, бѣлыми и оранжевыми ошеорошами

Вче-

Вчера обѣдалъ я за общимъ столомъ, гдѣ было старыхъ Маюровъ, толстыхъ Капитановъ, осанистыхъ Поручиковъ и безбородыхъ Подпоручиковъ и Прапорщиковъ чловѣкъ съ тридцатью Содержаніемъ громкихъ разговоровъ былъ прошедшій смотръ Пришочъ Офицерскія шушки со всѣхъ сторонъ сыпались На примѣръ „Что за причина, Г. Рижмейстеръ, что у васъ нынѣ и днемъ окна закрыты? Конечно вы не письмомъ занимаешься? ха! ха! ха! „ — „То-то фонъ Кребсъ! Все знаешь, что у меня дѣлается! „ — и проч и проч Однако жь они учтивы Лишь только наша Француженка показала, всѣ встали, и за обѣдомъ служили ей какъ Парижскіе Кавалеры — Какъ бы то ни было, только въ другой разъ разсудилъ я за благо обѣдать одинъ въ своей комнатѣ, растворивъ окна въ садъ, откуда лились въ мой Нѣмецкой супъ ароматическія испаренія сочной зелени

Втерась же послѣ обѣда былъ я у славнаго Канша, глубокомысленнаго, тонкаго Метафизика, которои опровергаетъ и Малембранша и Лейбница, и Юма и Боннеша — Канша, котораго Гудейской Сократъ, покойной Мендельзонъ, иначе не называлъ, какъ *der alles zergahrende Kant*, т е все сокрушающии Кантъ Я не имѣлъ къ нему писемъ, но свѣлосшь города беретъ — и мнѣ отворились двери въ кабинетъ его Меня встрѣшилъ маленькой, худенькой старичекъ, ошмѣнно бѣлой и нѣжной Первыя слова мои были „Я Руской дворянинъ, путешествующій для того, чшобы познакомиться съ нѣкошорыми почтенными учеными мужами — и для того прихожу къ Каншу „ Онъ потчасъ попросилъ меня сѣсть, говоря „Я писалъ такое, что не можешъ нравишься многимъ, немноге любяшъ метафизическія тонкости, въ которыя хошѣлось мнѣ входить „ Съ полчаса говорили мы о разныхъ вещахъ о путешествіяхъ, о Кишаѣ, обѣ отккрышии

но-

новыхъ земель. Надобно было удивляться его историческимъ и географическимъ знаніямъ, которыя, казалось, могли бы однѣмъ загрозозднить магазинъ человеческой памяти, но это у него, какъ Нѣмцы говорятъ, *дѣло постороннее*. По томъ я, не безъ стачка, обратилъ разговоръ на моральную нашуру человека. Вотъ что могъ я удержашъ въ памяти изъ его разсужденіи

„Дѣшельность есть наше опредѣленіе. Человекъ не можетъ бытъ никогда совершенно доволенъ обладаемымъ, и стремится всегда къ прибрѣшеніямъ. Смерть застааетъ насъ на бѣгу за чѣмъ нибудь, что мы еще имѣть хотимъ. Дай человеку все, чего онъ желаетъ, но онъ въ ту же минушу почувствуетъ, что это *все* не есть *все*. Не видя дѣла для донда стремленія нашего въ зѣвшеи жизни, полагаемъ мы будущую, гдѣ узлу надобно развязашься. Ся мысль шѣмъ пріятнѣе для человека, что здѣсь нѣшъ никакои соразмѣрности между

Л радо-

радостями и горестями, между наслаждением и спраданіемъ Я радуюсь, что мнѣ уже шестьдесятъ лѣтъ, и что скоро придетъ конецъ жизни моей, надѣясь вступишь въ другую. Помышляя о шѣхъ услажденіяхъ, которыя имѣлъ я въ жизни, не чувствую теперь удовольствія, но представляя себѣ тѣ случаи, гдѣ дѣисшествовалъ я сообразно съ *моральнымъ зако- номъ*, начерпаннымъ у меня на сердцѣ, радуюсь Я говорю о *моральномъ зако- нѣ* назовемъ его совѣсною, чувствомъ добра и зла — но онъ *есть* Я соглашусь, ни кто не знаетъ лжи моей, но мнѣ ешдно — Вѣроятность не ешь увѣреніе, когда мы говоримъ о будущей жизни, но, сообразя все, разумокъ велишъ намъ принимаешь Да и что бы съ нами было, когда бы мы, такъ сказашь, *глазами ее уви- дѣли* ? Ештли бы она намъ очень полюбилась, мы бы не могли уже занимаешь нынѣшнею жизнью, и были бы въ безпрестанномъ помлени, а въ прошивномъ случаѣ мы бы не имѣли

ушѣ-

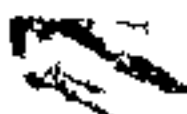
ушѣшенія сказать себѣ въ горестяхъ
здѣшней жизни *авось тамъ будетъ
лучше!* — Но говоря о нашемъ опре-
дѣленіи, о жизни будущей и пр., пред-
полагаемъ уже мы бытіе **ВСЕВѢЧНА-**
ГО ТВОРЧЕСКАГО РАЗУМА, все
для чего нибудь, и все благо шворя-
щаго Чшо? Какъ? Но здѣсь пер-
вой мудрецъ признается въ своемъ
невѣжествѣ Здѣсь разумъ погашаетъ
свой свѣшльникъ, и мы во шмѣ ошпа-
емся, одна фантазія можетъ носиться
во шмѣ сея и шворишь чудови-
щей, — Почтенной мужъ! прости,
если въ сихъ строкахъ обезобразилъ
я мысли твои!

Онъ знаетъ Лафатера, и пере-
писывался съ нимъ Лафатеръ весьма
любезенъ по добротѣ своего сердца,
говоритъ онъ но ичѣя чрезмѣрно
живое воображеніе, часно ослѣпляется
мечтани, вѣритъ магнетизму, и
проч — Коснулись до его непріате-
лей Вы ихъ узнаете, сказалъ онъ,
и увидите, что они все добрыя
люди

Онъ записалъ мнѣ пишулы двухъ своихъ сочиненій, которыхъ я еще не читалъ *Kritik der praktischen Vernunft*, и *Metaphysik der Sitten* — и сію записку буду хранить какъ священной памятникъ

Вписавъ въ свою записную книжку мое имя, пожелавъ онъ, чтобы рѣшились всѣ мои сомнѣнія, по томъ мы съ нимъ распались

Вошъ вамъ, друзья мои, краткое описание весьма интересной для меня бесѣды, которая продолжалась около трехъ часовъ. — Каншъ говоритъ скоро, весьма тихо и не вразумительно, и пошому надлежало мнѣ слушать еіо съ напряженіемъ всѣхъ нервъ слуха. Домикъ у него маленькой, и внутри приборовъ не много. Все просто, кромѣ — его Метафизики. —

 Здѣшнячъ кафедральная церковь огромна. Съ великимъ примѣчаніемъ разсматривалъ я тамъ древнее оружіе, латы и шишакъ благочестивѣшаго
шаго

шаго изъ Маргграфовъ Бранденбургскихъ и храбрѣишаго изъ рыцарей своего времени. Гдѣ вы — думалъ я — гдѣ въ мрачные вѣки, вѣки варварства и героизма? Блѣдныя шѣни ваши ужасаютъ робкое просвѣщеніе нашихъ дней. Одни сыны вдохновенія дерзаютъ вызывать ихъ изъ бездны минувшаго — подобно Улиссу, зовущему шѣни друзей своихъ изъ мрачныхъ жилищъ смерти — чтобы въ унылыхъ пѣсняхъ своихъ сохранять память чудснаго измѣненія народовъ — Я мечталъ около часа, прислонясь къ столбу. — На спѣнѣ изображена Маргграфова беременная супруга, кошорая, забывая свое состояніе, бросается на колѣни и съ сердечнымъ усердіемъ молитъ Небо о сохраненіи жизни Героя, которой пошелъ побѣждать враговъ. Жаль, что здѣсь искусство не соотвѣтствуетъ прогательности предмета! — Тамъ же видно множество разноцвѣтныхъ знаменъ, профеевъ Маргграфовыхъ

Французъ, наемной лакей, провожавшій меня, увѣрялъ, что ошшуда есть подземельной ходъ за городъ въ старую церковь, до которой будетъ около двухъ миль, и показывалъ мнѣ маленькую дверь съ лѣсницею, кошорая будто бы ведетъ подъ землю Правда ли это или нѣшъ, не знаю, но знаю то, что въ среднихъ вѣкахъ на всякой случай прокапывали ходы подъ землею, чшобы сохранять богатства и жизнь ошъ руки сильнаго. —

Вчера ввечеру проспился я съ своимъ спутникомъ, Господиномъ Ф * * *, кошораго прїязни не забуду никогда. Не знаю, какъ ему, а мнѣ грустно было съ нимъ разспаваться Онъ съ Француженкою поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ можетъ быть еще зашпану его

Нынѣ былъ я у нашего Консула, Господина И * * *, кошорой принялъ меня весьма ласково. Онъ рассказывалъ мнѣ много кое-чешо, что я съ удовольспвїемъ слушалъ, и хошя уже давно живелъ въ Нѣмецкомъ городѣ, и весьма хорошо говоритъ по-Нѣмецки,

одна*

однако жь ни мало не *обгерманился*, и сохранилъ въ цѣлости Руской характеръ Онъ далъ мнѣ письмо къ Почтѣ - Директору, въ которомъ просилъ его приказать опвестить мнѣ лучшее мѣсто въ почтовой коляскѣ

Вчера судьба познакомила меня съ однимъ молодымъ путешествующимъ Французомъ, которой называетъ себя искуснымъ зубнымъ лекаремъ Узнавъ, что въ практирѣ къ Щенку прѣѣхали иностранцы — ему сказали, Французы — явился онъ къ Господину Ф * * - съ пошею комплиментовъ. Я шушь былъ — и такъ мы познакомились „Въ Парижѣ есть мнѣ равные въ искусствѣ, сказалъ онъ для того не хотѣлъ я тамъ остаться, поѣхалъ въ Берлинъ, перелечилъ, перечишилъ Нѣмецкие зубы, но я имѣлъ дѣла съ великими скрягами, и — уѣхалъ изъ Берлина Теперь ѣду въ Варшаву Польскіе госнода, слышно, умѣюшь цѣнить достоинства и таланты побробуемъ, полечимъ, почистимъ! А тамъ поѣду въ Москву — въ ваше

ошечество, государь мой, гдѣ конечно найду умныхъ людей болѣе, нежели гдѣ ниоудь, Нынѣ, когда я только что управился съ своимъ обѣдомъ, пришелъ онъ ко мнѣ съ бумагами, и сказавъ, что узнаешъ люди съ перваго взгляда, и что имѣешъ уже ко мнѣ полную довѣренность, началъ читать мнѣ трактатъ о зубной болѣзни.

Между тѣмъ, какъ онъ читалъ, наемной лакеи пришелъ сказать мнѣ, что въ другомъ трактирѣ обо дворѣ остановился Руской курьеръ, Капитанъ Гвардіи *Allons le voir* ' сказалъ Французъ, пряча въ карманъ свой трактатъ Мы пошли вмѣстѣ — и вмѣсто Капитана нашелъ я Вахмистра конной Гвардіи, Господина * * *, молодого любезнаго чловѣка, которой ѣхалъ въ Копенгагенъ. Онъ еще въ первой разѣ посланъ курьеромъ, и иезителю по-Нѣмецки, чему Прусские Офицеры, которые на крыльцѣ насъ окружили, весьма удивились Въ самомъ дѣлѣ не весьма удобно ѣздить по чужимъ

чужимъ землячѣ, зная только одинъ Французской языкъ, которымъ не всеъ говоряшѣ. — Въ то время, какъ мы разговаривали, одинъ изъ стоявшихъ на крыльцѣ получилъ письмо изъ Берлина, въ которомъ пишущѣ къ нему, что близъ сей столицы разбила почту, зарѣзали посылку на съ проводникомъ, и опята нѣсколько тысячъ талеровъ. неприятная вѣсть для шѣхъ, которые шуда ѣдутъ! Впрочемъ вѣроятно, что послѣ такого случая Правительство постарается о безопасности проѣзжихъ (*). — Я пожелалъ земляку своему щасливаго пути.

9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100
101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200
201
202
203
204
205
206
207
208
209
210
211
212
213
214
215
216
217
218
219
220
221
222
223
224
225
226
227
228
229
230
231
232
233
234
235
236
237
238
239
240
241
242
243
244
245
246
247
248
249
250
251
252
253
254
255
256
257
258
259
260
261
262
263
264
265
266
267
268
269
270
271
272
273
274
275
276
277
278
279
280
281
282
283
284
285
286
287
288
289
290
291
292
293
294
295
296
297
298
299
300
301
302
303
304
305
306
307
308
309
310
311
312
313
314
315
316
317
318
319
320
321
322
323
324
325
326
327
328
329
330
331
332
333
334
335
336
337
338
339
340
341
342
343
344
345
346
347
348
349
350
351
352
353
354
355
356
357
358
359
360
361
362
363
364
365
366
367
368
369
370
371
372
373
374
375
376
377
378
379
380
381
382
383
384
385
386
387
388
389
390
391
392
393
394
395
396
397
398
399
400
401
402
403
404
405
406
407
408
409
410
411
412
413
414
415
416
417
418
419
420
421
422
423
424
425
426
427
428
429
430
431
432
433
434
435
436
437
438
439
440
441
442
443
444
445
446
447
448
449
450
451
452
453
454
455
456
457
458
459
460
461
462
463
464
465
466
467
468
469
470
471
472
473
474
475
476
477
478
479
480
481
482
483
484
485
486
487
488
489
490
491
492
493
494
495
496
497
498
499
500

9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100
101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200
201
202
203
204
205
206
207
208
209
210
211
212
213
214
215
216
217
218
219
220
221
222
223
224
225
226
227
228
229
230
231
232
233
234
235
236
237
238
239
240
241
242
243
244
245
246
247
248
249
250
251
252
253
254
255
256
257
258
259
260
261
262
263
264
265
266
267
268
269
270
271
272
273
274
275
276
277
278
279
280
281
282
283
284
285
286
287
288
289
290
291
292
293
294
295
296
297
298
299
300
301
302
303
304
305
306
307
308
309
310
311
312
313
314
315
316
317
318
319
320
321
322
323
324
325
326
327
328
329
330
331
332
333
334
335
336
337
338
339
340
341
342
343
344
345
346
347
348
349
350
351
352
353
354
355
356
357
358
359
360
361
362
363
364
365
366
367
368
369
370
371
372
373
374
375
376
377
378
379
380
381
382
383
384
385
386
387
388
389
390
391
392
393
394
395
396
397
398
399
400
401
402
403
404
405
406
407
408
409
410
411
412
413
414
415
416
417
418
419
420
421
422
423
424
425
426
427
428
429
430
431
432
433
434
435
436
437
438
439
440
441
442
443
444
445
446
447
448
449
450
451
452
453
454
455
456
457
458
459
460
461
462
463
464
465
466
467
468
469
470
471
472
473
474
475
476
477
478
479
480
481
482
483
484
485
486
487
488
489
490
491
492
493
494
495
496
497
498
499
500

9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100
101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200
201
202
203
204
205
206
207
208
209
210
211
212
213
214
215
216
217
218
219
220
221
222
223
224
225
226
227
228
229
230
231
232
233
234
235
236
237
238
239
240
241
242
243
244
245
246
247
248
249
250
251
252
253
254
255
256
257
258
259
260
261
262
263
264
265
266
267
268
269
270
271
272
273
274
275
276
277
278
279
280
281
282
283
284
285
286
287
288
289
290
291
292
293
294
295
296
297
298
299
300
301
302
303
304
305
306
307
308
309
310
311
312
313
314
315
316
317
318
319
320
321
322
323
324
325
326
327
328
329
330
331
332
333
334
335
336
337
338
339
340
341
342
343
344
345
346
347
348
349
350
351
352
353
354
355
356
357
358
359
360
361
362
363
364
365
366
367
368
369
370
371
372
373
374
375
376
377
378
379
380
381
382
383
384
385
386
387
388
389
390
391
392
393
394
395
396
397
398
399
400
401
402
403
404
405
406
407
408
409
410
411
412
413
414
415
416
417
418
419
420
421
422
423
424
425
426
427
428
429
430
431
432
433
434
435
436
437
438
439
440
441
442
443
444
445
446
447
448
449
450
451
452
453
454
455
456
457
458
459
460
461
462
463
464
465
466
467
468
469
470
471
472
473
474
475
476
477
478
479
480
481
482
483
484
485
486
487
488
489
490
491
492
493
494
495
496
497
498
499
500

Въ старинномъ замкѣ, или во дворцѣ, построенномъ на возвышеніи, осматривающѣ путешественники цейггаузъ и библиотеку, въ которой

Л 5

рой

(*) Въ бытность мою въ Берлинѣ Правительство не могло еще открыть виновниковъ. — Съ того времени вѣрно всемъ проводникамъ имѣть при себѣ ружье, специальная предосторожность!

рой вы найдете нѣсколько фолманшовъ и кварцшиповъ окованныхъ серебромъ Тамъ же есть такъ называемая *Масловитская зала*, длиною во 166 шаговъ, а шириною въ 30, которой сводъ своденъ безъ столбовъ, и гдѣ показываютъ спаринной осьмугольной сполъ, цѣною въ 40000 шахеровъ. Для чего сія зала называется Московитскою, не могу узнать Одинъ сказалъ, будто для того, что шутъ нѣкогда сидѣли Русле плѣнники, но это не очень вѣроятно

Здѣсь есть изрядные сады, гдѣ можно съ удовольствіемъ прогуливаться Въ большихъ городахъ весьма пустыны и уличныя гулянья Ремесленникъ, художникъ, ученый отдыхаетъ на чистомъ воздухѣ по окончаніи своей работы, не имѣя пыли и пыли въ городѣ Къ тому же испаренія садовъ освѣжаютъ и чистятъ воздухъ, которой въ большихъ городахъ всегда бываетъ наполненъ гнилыми частицами

Ярмай-

Ярманка начинается Всѣ наряжаются въ лучшее свое платье Паршия за паршией вспрѣчается на улицахъ Госпей принимающѣ на крыльцѣ, гдѣ подающѣ чай и кофе

Я уже опирավилъ свои чемоданѣ на почту. Бдущіе въ публичныи коляскѣ могутъ имѣть бо фунтовъ безъ плашы, у меня менѣе шестидесяти

Adieu! Землякѣ мой Габриель, которои, говоря его словами, не нашелъ еще работы, пришелъ сказать мнѣ, что почтовая коляска скоро будетъ готова

Я васъ люблю такъ же, друзья мои, какъ и прежде, но разлука не такъ уже для меня горестна, какъ прежде. Начинаю наслаждаться путешествованіемъ. Иногда, подумая о васъ, вздохну, но легкой вѣщерокѣ струишѣ воду не возмущая оной Таково сердце человѣческое, но въ сію минушу благодарю Судьбу за то, что оно таково — Будьте только благополучны, друзья мои, и никогда обо мнѣ не безпокойтесь! —

Въ

Въ Берлинѣ надѣюсь получить отъ васъ письмо.

Маріенбургъ, $\frac{16}{21}$ Юня
ночью

Хотя я по слуху соспавилъ себѣ и шакъ весьма ненышное понятие о почтовой коляскѣ, однако жъ въ самомъ дѣлѣ нашелъ ее хуже, нежели думалъ. Она есть ничто иное, какъ длинная покрытая фура съ двумя лавками, безъ ремней и безъ рессоръ. Я выбралъ себѣ мѣсто на передней лавкѣ, обклавшись подушками. У меня было еще двое товарищей, Капитанъ и Подпоручикъ, которыя сѣли назади на чемоданахъ, подславъ подъ себя плащи. Я думалъ, что мое мѣсто выгоднѣе, но послѣдствіе доказало, что выборъ ихъ былъ лучше моего. Слуга Капитанской и шакъ называемой Ширмейстеръ, или проводникъ почты, сѣли къ намъ же въ коляску на другой лавкѣ. Мнѣ было троспорно и мягко. Печальныя мысли, которыми голова моя наполнилась

лась

лась при гошическомъ видѣ нашего
экипажа, скоро разсѣялись Ъхавъ го-
родомъ, видѣлъ я вездѣ пріятную
каршину праздника — вездѣ веселя-
щихся людей. Офицеры мои были весь-
ма учтивы, и разговоръ, начавшися
между нами, довольно занималъ меня.
Мы говорили о Турецкой и Шведской
войнѣ, и Капитанъ отъ добраго сер-
дца хвалилъ храбрость нашихъ солдатъ,
которые, по его мнѣнью, едва ли ху-
же Прусскихъ. По томъ рассказывалъ
онъ анекдоты послѣдней войны, ко-
торыя всѣ, по естественному по-
рядку вещей, относились къ чести
Прусскихъ воиновъ. Ему крайне хо-
телось, чтобы Королю наконецъ миръ
наскучилъ, „Пора снова драться, го-
ворилъ онъ солдаты наши пролежа-
ли бока, намъ нужна экзерциция, эк-
зерциция!“, Мирлюбивое мое сердце
оскорбилось. Я началъ декламировать
прошивъ войны изо всей силы, описы-
вая всю ужасность ея: стонъ, вопль
несчастныхъ жертвъ, кровавою рѣкою
на шопъ свѣтъ уносимыхъ, опусто-
шеніе

шеніе земель, поску опцевъ и мате-
рей, женъ и дѣтей, друзей и срод-
никовъ, сиротство Музъ, скрываю-
щихся во мракъ, подобно какъ въ бур-
ное время дворовыя собаченки, под-
жавъ хвостъ, убѣгаютъ подъ навѣсъ,
и проч Немилосливой мой Капитанъ
счѣлся и кричалъ намъ пужна экзер-
циця, экзерциця! Прнмѣшивъ нако-
нецъ, что я взялся за работу Дана-
идъ, замолчалъ и обратилъ все свое
вниманіе на пріяшныя мѣста, черезъ
кошорыя мы проѣзжали. Посшилннъ
нашъ, прошивъ моего чаянія, вѣчалъ
почти все рысью, и такимъ образомъ
непримѣнно доѣхали мы до перемѣны,
гдѣ только что имѣли время опужн-
нать на скорую руку. Бутылка доб-
раго вина, кошорую взялъ я въ за-
пасъ изъ Кеннгерберга, весьма намъ
пригодилась.

Ночь была пріяшна. Я нѣсколько
разъ засыпалъ, но не надолго. Тушъ
почувствововалъ я выгоду, кошорую
имѣли мои шовари. На чемоцанахъ
могли они лежать какъ на постелѣ,

а мнѣ надлежало дремать сидя На разсвѣтѣ приѣхали мы на другую перемѣну Чшобы сколько нибудь ообчришься послѣ безпокойной ночи, выпили мы съ Канцлеромъ чашекъ по пяти кофе, чшо въ самомъ дѣлѣ мейя оживило

Мѣста пошли совсѣмъ не пріятныя, а дорога худая Гейлигенбейль, маленькои городокъ въ семи миляхъ съ половиною отъ Кенигсберга, привоитъ на мысль времена язычества Тутъ возвышался нѣкогда величественной дубъ, безмолвной свидѣтель рождения и смерти многихъ вѣковъ — дубъ, священной для древнихъ обитателей еей земли Подъ мрачною его тѣнью обожали они идола Курко, приносили ему жершвы, и славили его въ дикихъ своихъ гимнахъ Вѣчное мерцаніе сего естественнаго храма и шумъ листьевъ наполняли сердца ужасомъ, въ которои жрецы язычества облекали Богопочишане Такъ Друиды въ густотѣ лѣсовъ скрывали свою Религію, такъ гласъ Греческихъ прорица-

рицалницѣ исходилъ изъ глубины мрака! — Нѣмецкіе Рыцари въ прешьемъ-надесять вѣкѣ, покоривъ мечемъ Пруссію, разрушили олшари язычества, и на ихъ развалинахъ воздвигнули храмъ Христіанства Гордой дубъ, почтенной старецъ въ царствѣ распѣній, прешыкане бурь и вихрей, палъ подъ сокрушительною рукою побѣдителей, уничижавшихъ всѣ памятники идолопоклонства: жертва невинная! — Сувѣрное преданіе говоритъ, что долгое время не могли срубить дуба, что всѣ топоры отскакивали отъ толстой коры его какъ отъ жесткаго алмаза; но что наконецъ сыскался одинъ топоръ, который разрушилъ очарованіе, и отдѣлилъ дерево отъ корня, и что въ память побѣдительной сѣкиры назвали сіе мѣсто *Heiligenbeil*, т е *сѣкира святыхъ*. Нынѣ въ сей *сѣкирь святыхъ* пьютъ вкусное пиво и ѣдятъ хорошій (ѣлой) хлѣбъ. За стару кунилъ я нѣсколько булокъ, которыя подлинно были очень бѣлы.

Браунс-

Браунсбергъ, гдѣ мы въ трети
разъ перемѣняли лошадей, есть до-
вольно многолюдной городокъ. Тутъ
мы обѣдали и пили кофе въ почто-
вомъ домѣ

Здѣсь жилъ и умеръ Коперникъ,
сказалъ мнѣ Капишанъ, когда мы про-
ѣзжали черезъ одно маленькое мѣ-
стечко — „И такъ это Фрауен-
бергъ ? „ — Точно

Какъ же досадно было мнѣ, что
я не могъ видѣть тѣхъ комнатъ, въ
которыхъ жилъ сей славной Машема-
пикъ и Астрономъ, и гдѣ онъ, по
своимъ наблюдениямъ и вычислениямъ,
опредѣлилъ движение земли вокругъ
своей оси и солнца — земли, кото-
рая, по мнѣнію его предшественни-
ковъ, стояла неподвижно въ центрѣ
Планетъ, и которую послѣ Тихо де
Браге хошѣлъ было опять остано-
вить, но тщетно! — и такимъ обра-
зомъ Пифагоровы идеи, надъ которы-
ми смѣялись Греки, вѣрившіе своимъ
чувствамъ болѣе нежели Философу,
воскресли въ системѣ Николая Копер-
ника!

ника! — Сей Астрономъ былъ щасливѣе Галилея суевѣріе — хотя онъ жилъ еще подъ еіо скипетромъ — не заставило его кляшвенно отрицаться отъ своего учения Коперникъ умеръ спокойно въ своемъ мирномъ жилищѣ, но Тихо де Браге долженъ былъ оставить свои философской замокъ и опечество Науки, подобно Религии, имѣли своихъ спрдальцевъ —

Передъ вечеромъ приѣхали мы въ Эльбингъ, не большой, но торговой городъ, и весьма изрядно выстроеной, гдѣ стоятъ два или три полка Почтѣ надлежало тутъ пробить поболѣе часа Мы пошли въ трактиръ, гдѣ, кромѣ хозяина и гостей, все было довольно чисто Выѣхавъ изъ Кенигсберга, еще не видалъ я порядочно одѣлаго человѣка Двое играли въ билліардъ одинъ въ зеленомъ кафтанѣ и дикомъ камзолѣ, подъ салымъ парикомъ, человѣкъ лѣтъ за сорокъ; а другой молодой человѣкъ въ песстромъ кургузомъ фракѣ, подъ кру

круглою шляпою Пожилой игрокъ игралъ очень худо, пошѣлъ и сердился; а молодой хошѣлъ надъ нимъ шутить, смѣялся во все горло при каждомъ его промахѣ, поглядывалъ на насъ и въ зеркало, и оправлялъ безпрестанно свой толстой и запачканной галстухъ. Каррикатура за каррикатурою приходила въ практиръ, и всякая каррикатура требовала пива и трубку. Мнѣ было очень скучно. Къ тому же я чувствовалъ сильное воѣненіе въ крови отъ кофе и отъ тряскаго движенія почтовой коляски.

Вышедши садиться, нашли мы у коляски молодого Офицера и старую женщину, которые рекомендовались въ нашу благосклонность, и объявили, что они ѣдутъ съ нами. Такимъ образомъ намъ стало гораздо тѣснѣе. Офицеры мои рады были новому товарищу, съ которымъ могли они говорить о прошедшемъ смотрѣ. Женщина, которая была родомъ изъ Шведской Провинціи, услышавъ, что я Руской, подняла руки на небо и закри-

кричала *Ахъ злодѣи!* вы губите нашего бѣднаго Короля! Офицеры смѣялись, и я смѣялся, хотя не совсѣмъ отъ добраго сердца

Между тѣмъ прекрасной вечеръ настроилъ душу мою къ пріятнымъ впечатлѣніямъ. На обѣихъ сторонахъ дороги простирались богатые цвѣтныя луга, воздухъ былъ свѣжъ и чистъ, многочисленныя сѣна, разсыпавшіяся по бархату сочныхъ травъ, блестящемъ и ревомъ своимъ праздновали заходъ ие солнца. Крестьянки доили коровъ, вдыхая въ себя цѣлебной паръ молока, которое составляетъ богатство всѣхъ тамошнихъ деревень. Жители принадлежатъ, если не ошибаюсь, къ сектѣ Перекрестителей (*Wiedertäufer*). Хвалятъ ихъ нравы, миролюбіе и честность. Рука ихъ не подымается на ближняго. Кровь человѣческая, говорятъ они, вопіетъ на небо — Тишина наступившей ночи сомкнула глаза мои

Теперь мы въ Мариенбургъ, гдѣ я имѣю время написать къ вамъ столько страницъ. Сей городъ достоинъ

инѢ примѣчанія только по тому, что древни его замокъ былѢ нѣкогда столицею ВеликихѢ МасперовѢ НѣмецкихѢ Рыцарей — ОтѢ старой женщины, моеи неприятельницы, мы здѣсь освободились; но мѣсто ея займетѢ высокой ОфицерѢ, которой теперь сидитѢ подѢ меня, дожидаясь отправления почты — Почти совсѣмѢ разсвѣшало Простите! ИзѢ Данцига надѣюсь еще что нибудѢ приписать.

ДанцигѢ, $\frac{1}{2}$ ² Юня
1789,

ПроѣхавѢ черезѢ предмѣстие Данцига, остановились мы вѢ ПрусскомѢ мѣстечкѢ ШтоценбергѢ, лежащемѢ на высокой горѢ сего имени. ДанцигѢ лежитѢ у насѢ подѢ ногами какѢ на блюдечкѢ, такѢ что можно счищать кровли Сеи прекрасно выстроенои регулярной городѢ, море, гавань, корабли вѢ пристани и бѣлѣющаеся на русы плывущихѢ вѢ разномѢ разстоянн по волнующемуся, необозримому пространству водѢ — все се вмѣ-

стѣ образуетъ такую картину, любезнѣйшіе друзья мои, какой я еще не видывалъ въ жизни моей, и которая восхищаетъ душу. Два часа смотрѣлъ я на нее въ безмолвіи, въ глубокой тишинѣ, въ сладостномъ забвеніи самого себя.

Но блескъ сего города весьма померкъ съ нѣкотораго времени. Торговля, любящая свободу, болѣе и болѣе сжимается и упадаетъ отъ шѣснящей руки сильнаго. Подобно какъ монахи наиспрожайшаго Ордена, встрѣхаясь другъ съ другомъ въ унылой мрачности своихъ жилищъ, вмѣсто всякаго привѣтствія умирающимъ голосомъ произносятъ: *помни смерть!* такъ жители сего города, воздыхая отъ всего сердца, вызываютъ другъ къ другу *Данцигъ! Данцигъ! гдѣ твоя слава?* — Король Прусской наложилъ чрезмѣрную пошлину на всѣ повары, отправляемые отсюда въ море, отъ котораго Данцигъ лежитъ верстахъ въ пяти или шести.

Шотландцы, которые присылают сюда свои сельди, пользовались в Данцигѣ всѣми правами гражданства, для того, что некогда Шотландецъ Догласъ оказалъ городу важную услугу. Тѣ изъ жителей, съ которыми я говорилъ, не могли мнѣ сказать навѣрно, не ограничены ли нынѣ сии права, и въ чемъ именно состояла услуга Догласова. Такой знакъ благодарности дѣлаетъ честь сему городу.

Я не зналъ, что почта пробудетъ здѣсь такъ долго; а то бы я успѣлъ осмолрѣть въ Данцигѣ нѣкоторыя примѣчания достоинныя вещи. Теперь уже поздно хотѣть впрягать лошадей. Болѣе всего хотѣлось бы мнѣ видѣть славную Эйхелеву картину, въ главной Лютеранской церкви, представляющую страшную судъ Короля Французской — не знаю, которой — давалъ за нее 100000 гульденовъ — Хотѣлось бы мнѣ видѣть и Профессора Тренделенбурга, чтобы поблагодарить его за Греческую

Грамматику, имѣ сочиненную, которою я пользовался и впродъ нѣкогда пользоваться. — Огромнѣйшее зданіе въ городѣ есть Магистратъ Воообще всѣ дома въ пять этажейи Отмѣнная чистота стеколъ украшаетъ видъ ихъ.

Данцигъ имѣетъ собственныя денныи, которыя однако жь внѣ города не ходятъ, и въ самомъ городѣ Прусскія предпочитаются

На западѣ отъ Данцига возвышаются три песчаныя горы, которыхъ верьхи гораздо выше городскихъ оашенъ, одна изъ сихъ горъ есть Штоценбергъ. Въ случаѣ осады непріятельскія батареи могутъ отсюда разрушить городъ. На горѣ Гагелсбергѣ былъ некогда разбойничій замокъ, эхужаса его далеко отзывалось въ окрестностяхъ. Тамъ показываютъ могилу Рускихъ, убитыхъ въ 1734 году, когда Графъ Минихъ штурмовалъ городъ. Осажденные знали, съ которой стороны будетъ приступъ, и по тому гарнизонъ и жители обратили

шу-

шуда всё силы свои, и дрались какъ опчаянные. Известно, что городъ держалъ сторону Станислава Лещинскаго противъ Августа III. за кошараго вступилась Россія. Наконецъ Данцигъ покорился.

Товарищи мои, Офицеры, хотѣли осмотрѣть городскія укрѣпленія; но часовые не пустили ихъ, и грозили выстрѣломъ. Они посмѣялись надъ излишнею строгостію, и возвратились назадъ. Солдаты по большей части старые, и отъшы неопрятно. Коммендантское мѣсто поручаетъ Магистратъ обыкновенно какому нибудь иностранному заслуженному Генералу съ большимъ жалованьемъ.

(Продолженіе будетъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ)

ЧУДНОЙ СОНЪ (*).

Слѣдующій сонъ видѣлъ 26 Апрѣля 1785 года покойный Баронъ Зигмундъ Зеккендорфъ (**) за полгода до болѣзни и смерти своей. Самъ онъ нѣсколько разъ его рассказывалъ, и самъ же описалъ его

Онъ увидѣлъ во снѣ человека, обыкновеннаго по своему виду и платью, копорой сказалъ, что онъ можетъ показать ему въ связи всю *прошедшую* или *будущую* жизнь его, и что бы онъ выбиралъ любое Будущее, оп-
вѣ

(*) Переводъ изъ Психологическаго Магазина, издаваемаго Берлинскимъ извѣстнымъ Профессоромъ Морицомъ Тамъ помѣщаются описанія разныхъ случаевъ въ человѣческой жизни, достойныхъ примѣчанія или удивительныхъ, и все, что относится къ интересному знанію человека, и что можетъ намъ болѣе сблизить самихъ себя, нашу душу, наше сердце. Сіе сочиненіе есть первое въ своемъ родѣ, и мало есть пріятнѣйшихъ и полезнѣйшихъ для человека вообще
К.

(**) Онъ былъ Посланникомъ отъ Прусскаго Двора въ Аншпахѣ. Многія изъ Пэмъ его напечатаны въ Нѣмецкомъ Меркурѣ. См прочія его сочиненія въ Мейзелевой Ученой Германіи.

вѣчалъ Зеккендорфъ, поручаю Богу, но пріятно бы было мнѣ видѣть въ картинѣ всю прошедшую жизнь мою. Тогда явившійся человекъ далъ ему зеркало, въ которомъ и увидѣвъ онъ сцены прошедшей жизни своей, такія, которыя онъ и не во снѣ едва уже помнилъ, и такъ ясно и живо, какъ бы все въ ту же минуту дѣлалось передъ его глазами. Онъ видѣлъ себя прехлѣпнымъ младенцемъ со всѣми обстоятельствомъ своего воспитанія; и все, что случалось съ нимъ непріятнаго въ школѣ — наконецъ всякое приключеніе его молодости предспавлялось глазамъ его.

Потомъ волшебное зеркало представило ему и пребываніе его въ Италіи. Тамъ оставилъ онъ любовницу, на которой бы онъ конечно женился, если бы по обстоятельствамъ своимъ не принужденъ былъ уѣхать изъ Италіи. Онъ увидѣлъ сию женщину лежащую на постелѣ. Она съ улыбкою подала ему знакъ, что бы онъ къ ней подошелъ. Намъ надобно

добно расстаться, другъ мой¹ сказала она однако жь не надолго, потому что я не могу безъ тебя долго быть. Только теперь оставь меня на нѣсколько минутъ.

Любовникъ и во снѣ бываетъ учтивъ и послушенъ своей богинѣ. Зеккендорфъ тотчасъ вышелъ изъ комнаты, и когда опять вошелъ, увидѣлъ, что она спала гораздо прекраснѣе, и лежала на постелѣ подобно преобразенной. У ногъ ея поднялся занавѣсъ, за которымъ увидѣлъ Зеккендорфъ неопысанное сияние и множество прекрасныхъ, преобразенныхъ женщинъ, которыя всѣ казались ему весьма веселыми. Глаза его были ослѣплены блестящею ихъ красою. Одна изъ сихъ красавицъ схватила наконецъ его любезную за руку и повлекла ее съ собою, занавѣсъ закрылся, и онъ проснулся.

Скоро онъ опять заснулъ, и опять явился тотъ же самый человекъ, которой давалъ ему волшебное зеркало, и спросилъ, доволенъ ли онъ

онъ шѣмъ, что видѣлъ, и не хочешъ ли еще видѣть всѣхъ тѣхъ людей, съ которыми онъ въ жизни своей знакомъ былъ? Зеккендорфъ отвѣчалъ, что ему будетъ то весьма пріятно, и снова получилъ зеркало, въ которомъ подлинно увидѣлъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, и мертвыхъ и живыхъ по порядку, съ тою только опмѣною, что тѣ изъ живыхъ знакомыхъ его, которые были щастливы въ жизни, проходили съ улыбкою, останавливались и взглядывали на него ласково; а тѣ, которыхъ несчастная жизнь была ему извѣстна, проходили въ зеркалѣ скоро, не останавливаясь и закрывая глаза рукою. За ними слѣдовали еще другіе, которые также закрывались, но которыхъ несчастье было ему совсѣмъ неизвѣстно (К многимъ изъ нихъ онъ послѣ писалъ, чтобы освѣдомиться о ихъ обстоятельствахъ, и узналъ, что жизнь ихъ была въ самомъ дѣлѣ несчастна)

Умершие, которыхъ онъ увидѣлъ въ семъ зеркалѣ, были всѣ одинакимъ обра-

образомъ одѣшны и опмѣнно опѣ живыхъ, останавливались передъ нимъ на минушу, и съ улыбкою махали ему рукою. Другіе же какъ молнія промчались мимо его, закрывая глаза рукою, однако жь такъ, что онъ могъ узнать ихъ. Сіе было для него всего ужаснѣе, и когда онъ ни рассказывалъ сонъ свой, всегда на семъ мѣстѣ голосъ его перерывался, и вообще не могъ онъ говорить объ немъ безъ слезъ.

Тутъ онъ въ другой разъ проснулся. Внутренній страхъ, кошорой онъ чувствовалъ, заставилъ его вступить съ постели; онъ подошелъ къ окну, и старался разсѣять себя. Ударило три часа, и Зеккендорфъ, успокоясь нѣсколько, легъ опять на постелю. Тутъ воображеніе его обратилось совсѣмъ на другое — во снѣ думалъ онъ о своемъ снѣ, и сочинилъ стихи и музыку къ нимъ. По томъ оная проснулся, всталъ, велѣлъ себѣ подать свѣчу, описалъ весь сонъ, и вмѣстѣ съ пѣснею и музыкою отослалъ къ

къ Виланду, которой и напечаталъ все въ своемъ Журналѣ, въ Октябрѣ 1785 года (*)

Въ семъ сообщенномъ намъ удивительномъ снѣ Господина Зеккендорфа нахожу я не много чуднаго, кромѣ того, что онъ во снѣ сочинилъ стихи и еще съ музыкою, чему однако жъ найдемъ мы много примѣровъ въ психологической исторіи сновидѣній. Весьма натурально было, что человѣку, которой конечно часто думалъ о прошедшихъ случаяхъ своей жизни, и желалъ когда нибудь видѣть ихъ въ связи и такъ какъ въ зеркалѣ, явился во снѣ другой человѣкъ съ зеркаломъ, и, посредствомъ его живаго воображенія, ясно показалъ ему въ ономъ всю жизнь его. Известно, что сія душевная сила въ по-
вре-

(*) Пѣсня прекрасна; но она не будетъ уже такъ нова въ переводѣ. Авторъ благодаритъ свое воображеніе за крышныя мечты, которыя наду и во снѣ составляютъ счастье его жизни.

время, когда чувствува наши снытъ, и она безъ помѣщательства можетъ дѣйствовать одна, часто съ величайшею живостію представляетъ намъ такія приключенія, которыя мы уже давно забыли, а по сему и не чудно, что онъ въ зеркалѣ увидѣлъ себя младенцемъ со множествомъ такихъ обстоятельствъ, которыя уже давно были имъ забыты — и не естествененно ли было ему увидѣть прежнюю свою любовницу? Какъ часто, можетъ быть, Г. Зеккендорфъ думалъ, разставшись съ своею любезною, что онъ нѣкогда увидитъ ее въ образѣ свѣтлаго Ангела? Душа Поэпа любитъ заниматься такими идеями — и се по законамъ вообразительной силы случилось такъ же естественно, какъ и то, что онъ въ другомъ своемъ снѣ, которой былъ продолженіемъ перваго, увидѣлъ всѣхъ своихъ знакомыхъ. Тѣ изъ нихъ, которые были несчастливы, закрывались рукою, для того, что онъ часто видалъ ихъ въ семъ положеніи, означающемъ обыкновенно горестъ, или

но-

можетъ быть для того, что въ душѣ его были еще живыя впечатлѣнія такихъ картинъ и эстамповъ, а сіи впечатлѣнія, по связи идей, соединились съ представленіемъ ихъ несчастія. Удивительнѣе всего предыдущаго кажется то, что всѣ тѣ, которыхъ закрывались рукою, и кошорыхъ общительства были ему всѣмъ неизвѣстны, нашлись по справкѣ въ самомъ дѣлѣ несчастными, и развѣ и сіе не могло быть случайно, и развѣ знакомые его не могли безъ всякой основательной причины почитать себя въ числѣ несчастныхъ?

По натуральному слѣдствію идей его, которыя всѣ стремились къ общей цѣли, увидѣвъ онъ и умершихъ приятелей своихъ. Нѣкоторые изъ нихъ проходили мимо его съ ласковою улыбкою, а другіе промчались быстро, закрывая рукою глаза явное повтореніе перваго сна! Душа его конечно и во снѣ думала, всѣ ли они по ту сторону гроба счастливы, и по первому сновидѣнію надлежало ему

Н

но-

подумать прошивное Онъ видѣлъ ихъ въ одинакомъ положеніи съ первыми, и сія часть сна его должна была усмрашать его, потому что онъ почелъ ее за откровеніе злосчастнаго состоянія умершихъ друзей своихъ Что касается до пѣсни и музыки, то вѣрно и то и другое было на яву — по крайней мѣрѣ поправлено

— П

СИЛА ВООБРАЖЕНІЯ

(Изъ Психологическаго Магазина)

За нѣсколько лѣтъ передъ симъ въ . въ Вестфали сѣхались проповѣдники на совѣтъ Одинъ изъ нихъ вышелъ изъ собранія, чтобы на единѣ о чемъ-то подумать, и товарищи его увидѣли его ходящаго въ размышленіи по темной алеѣ близъ дому Одинъ изъ нихъ, человекъ веселой, вздумалъ надъ нимъ пошутить, спрятался въ алеѣ за деревьями, и когда онъ проходилъ мимо, закричалъ ему глухимъ голосомъ *Созиди домъ свой,*

свой, ибо конецъ твои приближися!
Но проповѣдникъ прошелъ, но видя-
мому ни мало не испугавшись Онъ
поворошился, и глухой голосъ въ
другой и въ третій разъ повторилъ
вышесказанная слова *Хорошо*, отвѣ-
чалъ онъ, принявъ наконецъ сеи го-
лосъ за божественной и за вѣрное
предвѣщаніе близкой смерти своей

По томъ возвратился онъ къ
своимъ собратіямъ, былъ блѣденъ
какъ смерть, не говорилъ ни слова,
и казался размышляющимъ Товарищи
спросили у него, отъ чего спалъ
онъ такъ задумчивъ и мраченъ, и къ
великому своему изумленію услышали,
что конецъ его приближился, и что
небесной гласъ увѣдомилъ его о томъ.
Они всѣ спали смѣясь надъ его
легковѣрностію, и рассказали ему все
дѣло Но — все было напрасно Про-
повѣдникъ стоялъ въ томъ, что ему
слышался небесной гласъ Сказали ему
иногда, время и человека, которой
хотѣлъ надъ нимъ пошутить, и за-
ставили его повторять оныя слова;

но все было напрасно. Проповѣдникъ почишалъ все се за одинъ вымыслъ, которымъ хотѣли они успокоить его, ожидалъ конца своего, и — черезъ нѣсколько дней сталъ жертвою своего воображенія

Сп

АНЕКДОТЫ ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ

1 Никакая похвала не была столько приятна Господину Фоншенелю, Автору книги *о множествѣ мировъ* и другихъ сочиненій, какъ вопросъ одного Шведа. Когда при вѣздѣ въ Парижъ остановили его у караульни, то прежде всего спросилъ онъ у Офицера, гдѣ живетъ Фоншенель? И когда Офицеръ не могъ ему сего сказать, то онъ въ удивленіи воскликнулъ Французъ не знаетъ, гдѣ живетъ Фоншенель!

2 Славной Французской драматической Авторъ, Корнель, помолвилъ дочь свою за одного молодого человека. Но сей, по нѣкоторому дѣлу,

дѣлу, лишился вдругъ почти всего имѣнія, пришелъ къ Корнелю, вошелъ безъ доклада въ его кабинетъ, и хотѣлъ разсказать ему причины, для чего не можешь онъ жениться на его дочери, не смотря на всю свою любовь къ ней „Пожалуйте — сказалъ Корнель, перебивъ его рѣчь — пожалуйста не говорите со мною о такихъ вещахъ, которыхъ я не разумѣю. Подите къ женѣ моей, и оставьте меня въ покоѣ „

3 Одинъ скупой Англичанинъ, надъ которымъ шутили нѣкоторые насмѣшники, наконецъ очень рассердился, и желалъ быть членомъ Парламента только для того, чтобы положить пошлину на остроуміе „Это желаніе очень естественно, отвѣчали ему всѣ другія пошлины и до васъ касаются, а отъ этой будете вы уволены „

4 Г М * * * былъ пожалованъ Королевскимъ Библиотекаремъ „Теперь — сказалъ нѣкто, услышавъ о томъ —

будетъ ему прекрасной случай вы-
учишься — читать „

5 Одинъ Авторъ, сочинившій
трактатъ о соловьяхъ, говоритъ въ
предисловии „ Двадцать лѣтъ не-
упомимо работалъ я надъ симъ со-
чиненіемъ Глубокомысленные мудре-
цы утверждали всегда, что самое
сладчайшее удовольствіе, какое душа
человѣческая можетъ только вкушать
въ земнѣи состоитъ въ увѣреніи,
что мы оказали цѣлому роду чело-
вѣческому полезныя услуги Желаніе
имѣть сіе удовольствіе должно
быть по справедливости главнымъ
нашимъ желаніемъ Тотъ, кто се-
ю не думаетъ, и не устремляетъ
всѣхъ силъ своихъ къ усроенію бла-
га челоѣческаго рода, конечно не зна-
етъ, что онъ не столько для себя,
сколько для сочеловѣковъ своихъ по-
лучилъ дарованія свыше Сіе размыш-
леніе заставило меня написать пред-
лагаемой трактатъ о соловьяхъ, ко-
торой долженъ споспѣшествовать об-
щему щастію разумныхъ сошварей
моихъ „

ПА-

ПАРИЖСКІЕ СПЕКТАКЛИ ;

*отъ Юня до половины Августа про-
шедшаго года (*)*

Королевская Академія Музыки,

или

Богъшая Опера (**).

Кругъ дѣйствія искусствъ и художествъ нынѣ весьма распространился. Поэты и художники могутъ нынѣ свободно слѣдовать своимъ мыслямъ въ выборѣ матеріи и въ образѣ обработыванія. При равной интересности предметовъ лучше будетъ имъ брать содержаніе своихъ твореній изъ нашей Истории, потому что оно будетъ занимательнѣе для Французовъ. Давно уже о томъ думали, но не могли произвести сего намѣренія въ дѣйство.

Н 4

Те-

(*) Издатель надѣется, что сія новая статья Журнала будетъ интересна для нѣкоторыхъ Читателей. Вредъ извѣстія сего, переводимыя изъ *Mercure d' France*, будутъ сообщаемы естъли не во всякой книжкѣ, но по крайней мѣрѣ черезъ нумеръ К.

(**) L'Académie Royale de Musique.

Тетрѣ долженъ быть такъ же справедливъ, какъ Исторія, осуждая тирановъ и великихъ злодѣевъ, и хваля добрыхъ Государей, славныхъ и доородѣтельныхъ мужей

Опера Людовикъ IX имѣетъ и то и другое достоинство

Авторы, уже извѣстные по другимъ хорошо принятымъ сочиненіямъ, хотѣли сочинить Оперу во всемъ проспанномъ смыслѣ сего слова, то есть, они въ сочиненіи своемъ, кажется, не столько думали о порядкѣ дѣйствія и безирестанномъ возвышеніи *и интереса*, какъ о представленіи разнообразныхъ, привлекашесельныхъ картинъ и прѣдметовъ, копорыя бы напурально слѣдовали изъ содержания

Они старались представить Людовика IX во всемъ достоинствѣ его сана и со всеми доородѣтелями его имени Съ начала до конца пьесы роля его величественна, благородна и прогашельна Можно только сказать, что обраощывая сей главной характеръ,

меръ, они слишкомъ мало разиались
другими

Дѣйствіе въ Египтѣ, во время
перваго крестоваго похода Людовика
IX Король имѣлъ великія выгоды въ
первыхъ сраженіяхъ съ Египетскимъ
Султаномъ, который принужденъ былъ
просить у него мира. Оба Монарха,
предвидѣвши вслѣдствіе своихъ арміями,
сходящіяся заключить его Сарацены
утверждаютъ сей миръ ужасными
клятвами Султанъ требуетъ, что-
бы и Король да б^о по^рикомъ своего, о-
га, по сей отвѣчаетъ *D'un Chrétien,
d'un François la parole suffit* (*), и по
во обѣщаетъ миръ

Все Сарацены полюбили Короля
за его добродѣтели Султанъ, зави-
дуя ему и злобясь, намѣревается по-
губить его, и хочетъ употребить
орудіями къ тому слугъ старшаго де-
ла Моншана, присланныхъ отъ ихъ
господина съ тѣмъ, чтобы умер-

Н 5

швцть

(*), Отъ Христіанина и отъ Француза довольно
одного слова.

твѣтъ Короля Жена Сушанова знаетъ злобное его намѣреніе, и рѣшится уничтожить оное Она овлакиваетъ сына, которой во младенчествѣ своемъ былъ жертвою суевѣрія и нѣкотораго печальнаго сновидѣнія супруга ея

ВЪ концѣ перваго акта дѣлается въ Королевскомъ лагерѣ возмущеніе, происшедшее отъ зависти знатныхъ дворячъ, недовольныхъ тѣми выгодами, которыя дѣлаетъ онѣ народу, — что и согласно съ Исторіею, Графъ Брешанской, которой въ самомъ дѣлѣ бунтовалъ четыре раза противъ Святаго Людовика, представленъ предводителемъ бунтовщиковъ Онѣ уговариваетъ ихъ возмутить всю армию и возвратиться во Францію, Людовикъ является бунтовщикамъ одинъ, и видя ихъ твердое намѣреніе оставить его, обращаетъ къ нимъ сію сильную рѣчь .

Partez ; je ne retiens personne.

Cessez de partager ma gloire et mes travaux,
je

je vous défends de suivre mes drapeaux,
Et c'est moi qui vous abandonne (*).

Бу и повцки входящъ въ себя, и
Король ихъ прощаетъ. Вся армия тол-
пится вокругъ его, и въ клятву
сѣдовать за нимъ на край свѣта
Весь конецъ сего дѣянія опмѣнно
нидересеѣ и живѣ

Во второмъ дѣяніи Людовикъ
является въ крестьянской хижинѣ
Обитатели сей хижины были имѣ на-
грѣжены за убытки свои, причинен-
ные войною. Они славятъ его благо-
дѣяніе, посвящаютъ ему сельской жер-
твенникъ, и возсылаютъ за него мо-
литвы къ Небу — изъ чего выхо-
дитъ прекрасной деревенской праз-
дникъ. Въ самую сію минуту прихо-
дитъ Людовикъ. Хотя и не знаемъ,
однако же принимается со всеми воз-
можными почестями отъ дорожнаго
семейства. Но скоро собственная
его

(*) „Идите, я никго не удерживаю. Престань-
те участвовать въ моей славѣ и подвигахъ
моихъ. Я запрещую вамъ сѣдовать за моими
знаменами. Не вы, а васъ оставляю.“

его чувствительность измѣняетъ ему — его узнають, и падаютъ къ его ногамъ. Людовикъ находитъ въ семъ уединеннѣ Эссескую Принцессу, племянницу Годефруа де Бульиона, которая укрывалась туда послѣ взятія и разрушенія Эдеса Сарацинами. Случай привелъ въ то же мѣсто и Альмодана, сына Султанскаго, во младенчествѣ осужденнаго на смерть жестокимъ опцемъ, но спасеннаго Мозесомъ, бывшимъ начальникомъ Мамелюковъ. Онъ тайно любитъ Принцессу, и тайно любимъ ею. Людовикъ узнаетъ ихъ и беретъ съ собою въ свой лагерь Минута, въ которую онъ разстается съ поселянами, осыпаящими его благословеніями, производитъ прекрасную и до слезъ трогательную пантомиму.

Третье дѣйствіе происходитъ во дворцѣ Султана, которой выходитъ напередъ съ убійцами, и возбуждаетъ ихъ исполнить свое предпріятіе. Чтобы облегчить се исполненіе, онъ отдаетъ имъ переловченныя письма отъ матери Святаго Людовика. Приходитъ

Ко-

Король, въ начѣрении уговорить Султана, чтобы онъ справедливостію и милосердіемъ усмирилъ въ своемъ войскѣ бунтъ, которому причиною была его жестокость Онъ подаетъ ему совѣшы мудрыя и крошкіе, и многое въ сей сценѣ было принято съ рукоплесканіемъ Приходящѣ убицы, отдаютъ Королю письма отъ матери его, и въ то время, какъ онъ читаетъ ихъ, хотятъ его умертвить, но величественной видъ Героя ихъ обезоруживаетъ — и они падаютъ къ ногамъ его, признавая себя побѣжденными

Между тѣмъ Мамелюки, взбунтовавшіеся противъ Султана, убиваютъ его и предлагаютъ Египетскую корону Людовику Онъ великодушно отказывается отъ нее, и представляетъ имъ законнаго Государя, а Султаншѣ сына въ юномъ Альмоданѣ, которой женится на Азелѣ

Сей бракъ и весь эпизодъ Альмодановой любви есть главный порокъ сочиненія Не надлежало бы столько спешить отъ вѣрности для про-
на-

изведения столь малаго дѣйствія Кажется, что роли молодой Принцессы и Тристана, ея конюшаго, совсѣмъ не нужны въ пьесѣ, которой дѣйствіе было бы гораздо простѣе и лучше, естли бы ихъ не было Г Гальярдъ, сочинитель *Ифигени въ Тавридѣ* и *Эдина*, знаетъ конечно лучше другихъ, что Оперы безъ любви могутъ имѣть великой успѣхъ, и не въ такомъ сочинении, въ которомъ Святой Людовикъ есть Герой, нужно прибѣгать къ сему старому способу

Музыка прилична къ матеріи и ко всякой сценѣ въ особенностяхи Вообще, въ ней болѣе ума и пріятности, нежели силы и прогательности Однако жь вездѣ видно искусство и театральное знаніе Автора *Федры*, и прочъ Всѣ голоса танцовъ весьма хороши, и по справедливости достойны были одобрения Публики

Балеты приносятъ великую честь Г Гарделю, которой ихъ сочинилъ. Онъ въ прешлемъ дѣйствіи самъ танцуетъ,

дуешь, и совершенно заслуживаешь рукоплесканіе зрителей Господа Вестриса и Чивелони, и Госпожи Периньони и Миллеръ, во в поромъ дѣйстви играютъ на помиму съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ Всѣ первые танцовщицы танцуютъ въ сей Оперѣ, которой балеты приносятъ зрителямъ великое удовольствіе. Декорации и костюмы достойны всевозможной похвалы Платья прекрасны, и точно того времени и той земли, гдѣ происходитъ дѣйствіе Словомъ, въ семъ спектаклѣ видимъ мы вмѣстѣ такіе таланты и пріяности, какихъ не найдемъ ни въ какомъ другомъ — Наконецъ не лзя не отдать справедливости таланту Г Лене, которой игралъ ролю Людовика ІХ Онъ точно вошелъ въ его характеръ, и умѣлъ его выразить — умѣлъ представить намъ величество и доброту сего Марка Рукоплесканія были его наградою

Во второмъ представленіи музыки сей Оперы живѣе чувствовали Мы
увѣ-

увѣрены, что чѣмъ чаще будутъ представлять сию пьесу, тѣмъ болѣе будетъ она нравиться. Надобно замѣнить что Г ле Муанъ очень въ короткое время сочинилъ много пьесъ. Когда сія способность сочинять оказывается только въ посредственныхъ твореніяхъ, то ее назвать можно жалкою и несчастною способностью; но когда производитъ она такія сочиненія, то Авторъ тѣмъ болѣе похвалы достоинъ.

ТЕАТРЪ НАЦІОНАЛЬНОЙ (*).

Хорошо бы было поискать причины, для чего одно драматическое сочиненіе, на одномъ Театрѣ и при пѣхъ же зрителяхъ играемое, въ одинъ разъ бываетъ освистано, а въ другой принято съ рукоплесканіемъ. Можетъ быть сей вопросъ изслѣдуемъ мы въ другой разъ, а здѣсь сообщимъ только одно замѣчаніе. Во многочисленномъ собраніи часто человекъ со вкусомъ сужить не столько по своему

ему

(*) Theatre de la Nation.

ему разсудку, сколько по общему ввечашлѣнью; онъ присоединяетъ голосъ свой къ голосу общества, не почитая его поюзришельнымъ — и такимъ образомъ самой прозорливой кришикъ часто бываетъ обманутъ отъ того, что кругомъ его обмалывающся. — Нѣшъ пужды сказашъ, что полагая сей вопросъ за проблему, исключаемъ мы заговоръ; ибо симъ словомъ все рѣшишся.

Довольно, что пѣса, называемая *Высоко мѣрною* или *мнимой щастливцею*, которую видимъ нынѣ на Французскомъ Театрѣ, упала при первомъ представлении, и даже до конца шрешьяго акта не была доиграна, а теперь представляется съ совершеннымъ успѣхомъ.

Герой сей Комедии думаетъ, что онъ имѣетъ всѣ блаженства сего міра, пошому что онъ почитаетъ себя ихъ достойнымъ; то ешъ, причина сего заблужденія ешъ его высокомеріе Сю опшѣнку нужно замѣшшъ, ибо мы думаемъ, что ешъ другой родъ мни-

мыхъ щасливцевъ, но Г Фабръ д'Егланшинъ долженъ былъ представить намъ заблуждающагося отъ гордости, по заглавию своего сочиненія Вошъ планъ его:

Высокомѣрной Валеръ знакомится въ своемъ путешестви съ молодою и прекрасною дѣвицею, у которой есть отецъ и мать Валеръ влюбляется, что весьма естественно; но не такъ уже естественно думать ему, что онъ однимъ взглядомъ и однимъ словомъ илѣнилъ все семейство. По его мнѣнью, отецъ ждетъ отъ него только другаго слова, чтобы выдать за него дочь Ся увѣренность дѣлаешся весьма комическою, когда мнимой будущи шестъ, въ первомъ разговорѣ съ мнимымъ будущимъ зянемъ, сказываешъ ему учтивымъ образомъ, что онъ не имѣешъ чести знать его. Въ трактирѣ, въ которомъ всѣ они ошачовились, въ то же время прѣзжаетъ и Орсанжъ, за котораго подлинно ся молодая дѣвица была помолвлена, и которой хочешъ понаравить-

Видясь своей невѣстѣ, не открывая ей своего имени Хвасповспиво Валерово заставило думать всѣхъ людей, что онъ точно назначенной зять, а сіе приводитъ Орсаджа въ мучительное недоумѣніе Между тѣмъ, какъ сей слухъ увѣряетъ самую мать и чрезмерно огорчаетъ дочь, случилось такъ, что отцу поручается отдать подъ караулъ Валера, по указу, исходящему отъ его родителями и присланному къ нему для исполнения. Валерь слышитъ о сеи комиссіи, и не думая, чтобы какое нибудь неприятное приключеніе могло до него касаться, самъ беретъ по оному указу сдѣлать исполненіе и заплачиваетъ всѣ издержки Между тѣмъ Орсаджъ, объясняясь съ своимъ соперникомъ, вызываетъ его на поединокъ Сей послѣдній радуется сему предложенію, но тому, говоритъ онъ, что рѣчи бывающаго случая доказать свою храбрость любовницѣ, и что храбрость есть наилучшій способъ понравиться всякой красавицѣ. Можно до

гадаться, что при развязкѣ зданіе Валерова щасія должно разрушиться. Одно объясненіе совсѣмъ его испровергаетъ; и высокоумной, будучи наказанъ, но ни мало не исправясь, съ веселіемъ возвращается къ олицу, въ увѣреніи умилоспивить и плѣнить его однимъ представленіемъ своихъ намѣреній.

Мы только означили нѣкоторыя положенія, но можно чувствовать, что въ оныхъ удобно было открьсться характеру главнаго лица Нѣкоторыя люди нашли, что сей характеръ не совсѣмъ естественъ. Намъ кажется, что они въ самомъ дѣлѣ правы; но въ драматическомъ твореніи пручно чего нибудь не увеличить въ характеръ, и выводить на сцену точно такихъ людей, каковы они въ натурѣ. Иные находятъ также, что положеніе Валерова, когда онъ берется за исполненіе указа противъ себя самого, взято изъ пьесы, называемой *Metromanie*, *Страсть къ стихотворству*. Признаваясь, что сія криптика осно-

основательна, должны мы по справедливости сказать и то, что Г. Фабръ д'Егланпийъ умѣлъ присвоить себѣ сію должность, въ которомъ у него споль естественно обнаруживается высокоумѣрная вѣнренность его Героя. Наконецъ, хотя кришика и можетъ найтис въ сей пьесѣ нѣкоторыя недоспашки, однако жъ всякой знающій человекъ видитъ въ ней знаки истинныхъ дарованій, и Г. д'Егланпийъ, по двумъ своимъ Комедіямъ, долженъ быть причисленъ къ тѣмъ сочинителямъ, которые составляютъ надежду нашего комическаго Театра. Г. Моле, которой игралъ первую роль въ сей Комедіи, привелъ зрителей въ восхищеніе натуральностію и живостію комической игры своей.

ИТАЛІЯНСКОЙ ТЕАТРЪ (*).

Изъ Нѣмецкой пьесы, подъ именемъ Hausvater, вышла Комедія *Примиренныя супруги*, les Eoux reunis, которая на семъ Театрѣ была съ успѣ-

О 3

ломъ

(*) Theatre Italica.

жомъ играна. Изъ сей же самой пьесы, то есть изъ другой части ея интриги, сочинилъ нашъ Авторъ Луизу и Вользана, Комедию въ трехъ актахъ, которая такъ же хорошо принята Публикою. Содержаніе Комедіи есть неравный бракъ, отецъ сперва прощившійся оному, а по томъ самъ желаетъ его, сынъ же хотя и влюбленъ, однако жъ не вдругъ хочетъ для любви оставить всѣ требованія на знатность. Хорошіи слоги и интересность положенія составили усѣхъ сей пьесы.

Съ великимъ удовольствіемъ видѣла Публика Г. Мишю, котораго искусство въ собственно такъ на зываемой Комедіи довольно было извѣстно, но которой давно уже не игралъ въ подобныя роляхъ. Ж. Сениръ Овель также съ великою пріятностію играла ролю Луизы.

ТЕАТРЪ ГРАФА ПРОВАНСКАГО (*)

Не весьма хорошо принята была комическая Итальянская Опера *Il cavaliere*

(*) Theatre de Monsieur

мапте, первая песа въ семъ ро-
соименная нарочно для сего Те-
1 1. *Пышное объявление о сей песѣ*
о кончю отчасти причиною стро-
гости зрителей, но надобно признашь-
ся, что сия Поэма слишкомъ холодна
и скучна, хотя бы изъ сего содержа-
ня могло вышши по крайней мѣрѣ
много забавнаго

Талантъ славнаго сочинителя му-
зыки, Г. Тарки, не могъ закрыть не-
достатковъ Поэмы

МОСКОВСКОЙ ТЕАТРЪ.

Оптимистъ, или теловѣкъ всѣмъ
доволенъ, Комедія въ пяти дѣй-
ствіяхъ, сочиненная на Французскомъ
языкѣ Господиномъ Колленемъ дъ Ар-
леви е мъ

Коллень дъ Арлевиль почитает-
ся нѣ изъ лучшихъ нынѣшнихъ
Французскихъ драматическихъ Авто-
ровъ Онъ сочинилъ три Комедии:
постояннаго (l'Inconstant), Оптим-
истъ и Воздушные замки (les Chateaux
en Espagne) Первая его Комедія —
скажемъ словами извѣстнаго де ла Гарпа-

— не и тѣмъ никакой завязки и никакиѣ истинно комическихъ сценъ; однако ль Парижская Публика приняла ее изрядно. Вторая пьеса, *Оптимистъ*, переведенная на Руской и представляемая нынѣ на Московскомъ Театрѣ, была принята въ Парижѣ съ великою похвалою. Вотъ ея содержаніе

Оптимистъ, Г Зланъшъ — такъ называется его Руской Переводчикъ, переимѣнившій имена и сцену Комедии — дворянинъ, живущи въ своей подмосковной деревнѣ съ женою и дочерью своею, которая была уже помолвлена за друга его Буремысла, принимаетъ къ себѣ въ домъ, въ должностъ Секретаря, молодого человѣка, которои въ ненастную ночь попросилъ у него ночлега и ему полюбился. Сей молодой человѣкъ влюбляется въ Премилу, дочь Оптимистову, а она въ него, но они шаятъ свою любовь. Извѣда, молодая вдова, племянница Оптимистова, прѣхавшая къ свадьбѣ своей двоюродной сестры, находилшъ еѣ печальною, и догадывается,

что

что она любитъ, и конечно не жена своего Подозрѣние падаетъ на Секретаря, и хитрая Извѣда доводитъ его до того, что онъ признается ей въ своей любви къ Премилѣ, и въ томъ, что онъ скрывается не своею фамиліею, что онъ знатнаго рода, но что отецъ его проигралъ все свое имѣніе, и онъ отъ бѣдности долженъ былъ идти въ отставку, и искать пропитанія своими трудами Извѣда увѣряется также и въ Премилыной любви къ Милому — такъ называется Секретарь — и рѣшилась, если не соединишь любовниковъ, то по крайней мѣрѣ избавить Премилу отъ такого супруга, котораго она хотя и почитаетъ за его достоинства, но любить не можетъ Она даетъ чувствованію Буремысли, что невѣста уже отвѣчаетъ его любви Онъ требуетъ объясненія, и Премила почти прямо говоритъ ему, что она его не любитъ Буремисль идетъ къ другу своему Зланъшу сказать, что онъ

не можетъ быть его зятемъ, но сеи, не давъ ему еще ни чего выговорить, объявляетъ ему, что кунецъ, у котораго въ рухлякъ были все его деньги проигрался въ карты и сдѣлался банкротомъ, что дочь его лишается приданого, и что онъ воленъ отказаться отъ руки ея Буремыслъ, боясь, чтобы не почли его человекомъ горыстолюбивымъ, хотѣвшимъ жениться на Премилѣ только для ея имѣнія, перемѣняетъ вдругъ свое намѣреніе, и говоритъ, что онъ всегда почтетъ за осозливое щасіе на ней жениться, если она только удостоитъ его руки своей, но Премила наконецъ рѣшительно сказываетъ, что она его не любитъ, и Буремыслъ, узнавъ ея склонность къ Секретарю, проситъ Зланѣта соединить любовниковъ, и хочетъ отдать свое имѣніе Милоуму Оптимистъ, по своему добродушію, на все соглашающаяся; говорятъ женѣ его — но она и слышать не хочетъ о такомъ бракѣ Между шѣмъ къ Милоуму приѣзжаетъ отецъ, Г Добро-

сла-

славовѣ, которои вдругѣ разбогатѣлѣ, выигравѣ въ карты большую сумму. Сынѣ открываеиша ему въ своей любви къ Пречилѣ. Онѣ приходишѣ къ Оптимиспу и женѣ его, будто бы только за шѣщѣ, чинобы купить ихѣ деревню, которую они продать вздумали, и заплатить имѣ ту сумму, въ пору они сами ее оцѣнили. Тутѣ открываеиша, что онѣ обыграшѣ самаго шѣща купца, у котораго были Злачѣиновы деньги. Онѣ хочешѣ возвратишѣ ему все, но Злачѣишѣ и жена его, призывая его великодушнѣ, не принимаюшѣ его подарка. Онѣ свѣтаеишѣ Пречилу за своего сына, и представляеишѣ имѣ бывшего ихѣ Секретаря. Предложеице со всѣхѣ сторонѣ принимаюшѣ съ радостнѣю, а чинобы не было ни одного человека недоголманаго, то Буремышѣ женишѣся на Изрѣдѣ.

Читатель видишѣ расположение, связку и развязку шесы, все довольнѣ и шураливо, кромѣ того, что Злачѣишѣ принимаетѣ къ себѣ въ домѣ чело-

человѣка совсѣмъ ему неизвѣстнаго. Можно сказать, что Оптимисту свойственно быть легковѣрнымъ, но жена его, которая дѣлаетъ изъ него что хочешь, и которая такъ недовѣрчива, могла бы остеречь его. Также не очень вѣроятно и то, чтобы Бурмыслъ вдругъ вздумалъ опятъ свое имяне человѣку, почти совсѣмъ ему незнакому, и еще такому, который опшимаеиъ у него невѣсту. Зритель ни по какомъ чертѣ характера его — характера мизантропическаго и мрачнаго — не могъ ожидать отъ него такого поступка. Да и къ чему служить его слишкомъ великодушное предложеніе? Оно не имѣетъ никакого дѣйствія на развязку пьесы, и потому одному уже излишно.

Что принадлежитъ до главнаго характера, то его не лзя назвать ненатуральнымъ. Есть конечно люди, которыя въ самомъ посредственномъ состоянни почишаютъ себя щастливыми, а особливо въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, люди, которыхъ спихія есиъ

веселье; которыя съ радостнымъ сердцемъ наслаждающаея всеми настоящими благами, и въ самыхъ непріятностяхъ, въ самыхъ несчастіяхъ бывающъ веселы надеждою. Такія люди, не измѣняя чувствамъ своего сердца, могутъ утверждать, что въ свѣтѣ болѣе добра и менѣе зла, нежели обыкновенно думающъ — и мы можемъ согласиться съ нашимъ Оптимистомъ, что удовольствія, которыя предлагаетъ намъ Натура, разнообразны и велики, что громъ не лзя назвать зломъ по тому, что иногда горятъ отъ него овины, что мы часто сами бываемъ причиною своего несчастія, и проч и проч. Но не такъ уже легко можно съ нимъ согласиться, когда онъ говоритъ, что болѣзни не суть зло, для того, что есть лекари, что дряхлая старость не есть зло, для того, что старецъ похожъ на Папріарха, что въ свѣтѣ нѣтъ обманщиковъ и воровъ, кромѣ одного или двухъ — Впрочемъ Зланѣтъ въ самомъ дѣлѣ щасливѣ по своимъ об-

ощо-

спояше хъствамъ, и естѣмъ исключитѣ
потерю 40 тысячъ рублей, но онъ,
бывъ только справедливымъ человекомъ
могъ быть совершенно доволенъ сво-
имъ состояниемъ. Потерявъ же эту
сумму, онъ не былъ тѣмъ доволенъ,
сѣдствено онъ былъ не естѣмъ и
воленъ, но, какъ человекъ блатора у
нон, онъ не хочетъ понапрасну ну
жншь, и предается чувству шхт
удовольствѣй, которыя еще остались
ему въ жизни. Кажется, что Ав-
торъ, не опхотя опъ Нипуры, могъ
бы представить своего Оптимиста
веселымъ въ оропояшемъ спвалъ гор
до несчастлившиаъ, опъ что и са
были бы прогательиѣе. Вообще онъ
лучше въ чтении, нежели на Театрѣ.
Есть сцены, можно сказать, скучныя
и совсѣмъ прошивныя свойству Дра-
мы — на примъ сцена, гдѣ Злачѣпъ
еъ Вуремысломъ такъ долго говорятъ
о добрѣ и злѣ, не сказавъ намъ ни-
чего ни новаго, ни убѣдительнаго.
Драма не терпитъ никакихъ долгихъ
разсужденій, она состоитъ въ *дѣйствии*,
какъ

какъ то самое сіе имя показываешь. Если Авшоръ хочетъ рассудить, пиши онъ диссертацію, или какойнибудь разговоръ, или что ему угодно, только не Драму для Театра.

Слогъ шесы достойнъ всей похвалы — и почтенная Московская Публика приняла сію Комедию такъ хорошо, какъ только по справедливости она могла быть принята.

Г Померанцевъ, играющій ролю Зланъна, показываетъ намъ, каковы бы надлежало ему быть въ нашу, въ На Французскомъ Театрѣ, въ Парижѣ, играетъ сію ролю славной Моле, и прекрасная его игра была отчасти причиною того, что Парижская Публика такъ хорошо приняла сію Комедию Жаль, что я, не видавъ *Оптимиста* на Парижскомъ Театрѣ, не могу сдѣлать никакого сравненія между игрою Моле и нашего Померанцева! — Госпожи Синявскія въ роляхъ своихъ достойны рукоплесканія Зрителей — Г Сахаровъ умѣлъ войти въ характеръ Буремысла, и многя

мѣ-

мѣста въ роль своей выраженіи очень хорошо Г. Украсовъ весьма изрядно представляетъ Милбума Только въ другихъ пьесахъ играетъ онъ лучше, на прим. въ *Садогобивомъ* эту роль Сеншъ-Альбина сыгралъ онъ въ послѣдніи разѣ несравненно удачнѣе

Что принадлежитъ до перевода пьесы, то онъ чистъ и гладокъ Только немногія выраженія покришиковать можно На примѣрѣ *Естьли бы я захотѣлъ къ слову прийтись*, я бы бо гвно его этимъ убилъ Прицѣпкою люди не убиваютъ, а это еще говорятъ Оптимистъ, которой вообще такъ краснорѣчивъ! — *Кажется, чувствую какъ бы новую сладость жизни*, говоритъ Извѣда, но говорятъ ли такъ молодыя женщины? Какъ бы здѣсь очень прошивно — *Я имѣю съ собою Руссо* Это слишкомъ по Французски — *Какъ безстрашно вдался онъ въ огонь!* Въ огонь можно бросаться, а вдался въ него такъ же не лзя, какъ и въ воду — *Сеговѣкъ при самомъ уже рожденіи плачетъ и производитъ во-*
плѣ

или Производишь вопли! --- Оно (воспо-
минание) *нигего* произвестъ не можетъ,
развѣ *утишитъ* навсегда меня неща-
стною Зѣсь и галицизмъ и славя-
низмъ вмѣстѣ Любезная Пречила, ко-
торая это говоритъ, перевела съ
Французскаго *Il ne fera que*, а *развѣ* ---
въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово
здѣь употреблено --- и *утишитъ*, въѣ-
то сѣлашь, не лзя сказать въ раз-
рѣ, а особливо молодой дѣвицѣ. ---
Я буду жить, говоритъ Зланъшъ, по-
среди *милой* *женѣ* и *моей* *дочери* Лу-
чше бы было сказать „я буду жить
съ милою моею женою и дочерью“, ---
а то зѣсь сообщается какая-то не-
хорошая идея --- Я сказау все то,
что замѣшилъ Если бы перевоу
вообще не такъ хорошъ былъ, кто
бы захотѣлъ имъ заниматься?

Еще кажется мнѣ, что въ псѣ
надлежало бы многое переменить,
когда Господину Переводчику неоп-
шѣнно хотѣлось одѣшь ее въ Руское
платье Г Милоучъ идетъ въ оп-
ставку для того, что онъ бѣденъ.

Этому у насъ трудно повѣрить. Отъ недостатка переходятъ у насъ изъ одной службы въ другую, но какою бы честнымъ способъ пропитанія остался молодому благородному человѣку, кошорой, не имѣя доходовъ, пошелъ бы въ отставку? У Злачѣта сгорѣлъ овинъ „Это хорошо, говоритъ онъ. Я давно не строился, надобно будетъ заплашить работникамъ, но бѣдные люди этимъ хлѣбъ промышляютъ. У нашихъ дворянъ строятъ овины собственные ихъ кресныце, кошорыи они за то не платятъ, следовательно не отъ чего шумъ бѣднымъ людямъ промыслить хлѣба — Злачѣтъ, лишаась денегъ своихъ, хочетъ жить во всемъ умѣреннѣе, и даетъ людямъ своимъ отпускныя. Тутъ также видно что то не-Русское. Естъли бы у насъ бѣднякъ дворянинъ, то онъ или продалъ бы своихъ слугъ, или отпустилъ бы ихъ съ паспортомъ на время, а не навсегда.

Еще замѣтимъ одно. Драма должна быть вѣрнымъ представлениемъ обща

общезишя , надобно , чтобы въ ней люди не только послушали , но и назывались такъ же , какъ они въ общезиши называются но называюся ли у насъ мужчины Зланѣтами , Буремыслами , Милоумами , а женщины Извѣдами , Премиллами и проч . Одно такое имя напомнимъ Зришелю , что онъ въ Театрѣ , и что все видимое имъ есть необылица , а надобно , чтобы онъ забывался Сперва , можетъ быть , иному смѣшно бы показалось , когда бы Театральные Герои спали другъ друга называть по именамъ и по опчешиванъ , но наконецъ мы съ къ этому привыкли Во Французскихъ или Нѣмецкихъ пьесахъ именуется только фамили , для того , что у нихъ и въ общезиши именъ не упоминаютъ , кромѣ тѣхъ случаевъ , гдѣ надобно различить двухъ человекъ одной фамили —

Желательно бы было , чтобы Переводчикъ Оптимиста перевелъ намъ *les Châteaux en Espagne* , пьесу , которая на Театрѣ была бы веселѣе *Оптимиста*

О КНИГАХЪ

*Всеобщая и частная Естественная Исто-
рiя Графа Бюрофона Часть I Де, в-
ведена Академиками Степаномъ
Румовскимъ и Иваномъ Лепехинымъ
Въ С Петербургѣ, изданиемъ
Императорской Академии Наукъ
1789*

Натуральная Исторiя, которая
сообщаетъ намъ познание всего того,
что существуетъ въ Натурѣ, есть
конечно достойнѣйшии предметъ любо-
пытства человеческого. Столыо въ-
ковъ, наблюдатели, путешествiи и
трудовъ потребно было на то, что-
бы сдѣлать сiю Исторiю сколько ни-
будь полною! Натура плодотворна
въ своихъ произведенiяхъ, сiи произ-
веденiя разсѣяны по всему земному
шару, тамъ неизмѣримыя моря, тамъ
горящие пески, тамъ горы съ вѣчны-
ми снѣгами и пропастями. Но чело-
вѣкъ, сей карло-великанъ — человекъ,
въ предкахъ и потомкахъ своихъ жи-
вущи — рано или поздно побѣждаетъ
трудности, и влекомой неусыпною
склон-

еклонностию къ познаніямъ, переплы-
вешь моря, — пески, горы, снѣга и
пропасті переходитъ

Первая Натуральная Исторія,
намъ известная, есть Аристошелева
Исторія животныхъ; но сколь она
еще несовершенна! Философической
духъ Автора не могъ замѣнить недо-
пуща въ историческихъ значеніяхъ.
Линнея Исторія, можно сказать,
вступила уже предѣлы Натуральной
Исторіи, заключаая въ себѣ описаніе
самыхъ искусствъ. Она есть собра-
ніе всѣхъ знаній и заблужденій по-
гдашнихъ временъ — временъ, въ ко-
торыхъ Путешественники почитали за
стыдъ не рассказать чего нибудь чу-
днаго, небывалаго, будто бы видѣн-
наго ими въ земляхъ дальныхъ. Всѣ
те такія сказки вмѣстилъ Плиній въ
свою Исторію, впрочемъ весьма инте-
ресную.

Когда разсѣялся мракъ суевѣрія
невѣжества среднихъ вѣковъ, то
всплѣ съ духомъ здравой Философіи
пробудился и духъ наблюденія Натуры.

Новые Аргонавты пустились во все части свѣта, чтобы вездѣ разсматривать Natuurу въ ея произведеніяхъ, наблюдая Древнихъ были повѣрны, дополнены, умножены новыми, явились Наименователями, Классификаторы съ своими методами. Но надлежало родиться Бюффону, чтобы представить намъ Natuurу въ живою картину — и сія картина есть сія Блгшеславенная Исторія, писанная съ философическимъ духомъ Греческаго Наатуралиста, съ пылкимъ, сильнымъ воображеніемъ Плинія, и съ точностію, вѣрностію новыхъ Наблюдателей

Маркизъ Кондорсетъ, сочинившій похвальное Слово Бюффону, говоритъ: „Философическія разсужденія, вмѣстѣ съ описаніями вещей и нравовъ, дѣлаютъ его сочиненіе приятнѣйшимъ и полезнѣйшимъ. Правда, онъ разсуждаетъ не такъ какъ философъ, подвергающій все мысли свои спростому раздробленію, и слѣдующій въ разныхъ предметахъ правиламъ всегда

„гда *единой* Философии; однако жь
„разсужденія его суть и не такія
„несвязныя мысли, которыя произво-
„дятся въ душѣ каждымъ предметомъ
„порознь, или которыя сами собою
„ей представляются, и бывають ис-
„тинны только по времени и мѣсту
„Разсужденія Господина Бюффона
„основывающася всегда на какомъ ни-
„будь всеобщемъ законѣ Природы, или
„на крайней мѣрѣ на какой нибудь
„великой идеѣ „

Ся первая Часть содержитъ въ
себѣ теорію земли Тутъ видимъ мы
Физика и Поэта вмѣстѣ Мысли его
о происхожденіи Планетъ останушяся
навсегда *только его мысли* Г Кон-
дорсетъ оправдываетъ его смѣла-
тическую смѣлость слѣдующимъ обра-
зомъ

„Мысль, начертать всеобщую те-
„орію земнаго шара, можно всегда по-
„читать дерзостною мыслию, но Г
„Бюффонъ, зная человека, зналъ и
„то, что наука, представляющая одни
„исключительныя дѣйствія (faits) или пред-

„ставляющая всеобщія слѣдствія въ
 „образѣ однихъ чаяши, не можетъ
 „занять люди съ обыкновеннымъ раз-
 „умомъ, которыя по слабости своєї
 „не могутъ снести тяжести сомнѣ-
 „нія Онъ зналъ, что Декартъ при-
 „влекъ людей къ Философіи един-
 „ственно смѣлостью своихъ системъ,
 „что онъ разорвалъ цѣпи ума ихъ,
 „и вывелъ ихъ изъ равнодушія къ
 „исшинѣ не иначе, какъ овладѣвъ
 „ихъ воображеніемъ и щадя ихъ слаб-
 „дость; и что наконецъ, освободясь
 „отъ узъ и предавшись жадности къ
 „знаніямъ, сами они нашли истинной
 „путь Онъ видѣлъ въ Исторіи На-
 „укъ, что эпоха великихъ успѣховъ
 „ихъ была всегда эпохою славныхъ
 „системъ но эти системы возбуж-
 „даютъ дѣятельность ихъ противни-
 „ковъ и защитниковъ; все предметы
 „подвергаются строгому изслѣдованію;
 „всякой выискиваетъ все возможное къ
 „опроверженію доказательства своего
 „противника, и старается умножить
 „число своихъ, и еслили сии доказа-
 „тель-

тества найдутся недостаточны-
 и, но ищутъ новыхъ, сильнѣишихъ
 — Такимъ образомъ самая строгая
 Философія моетъ простить Физи-
 ку, что онаъ предается своему во-
 ображенію, есѣли заблужденія его
 могутъ способствовать усиѣкамъ На-
 укъ хотя тѣмъ, что другие прину-
 ждены будутъ опровергать сію; и
 есѣли гипотезы или мысли Г Бюф-
 фона о происхожденіи Планетъ про-
 шивны тѣмъ же самымъ законамъ си-
 сѣмы міра, которыхъ былъ онъ во
 Франціи первымъ и ревностнѣишимъ
 защитникомъ то строгая истина,
 осуждая сіи гипотезы, все еще мо-
 жетъ хвалить то искусство, съ ко-
 торымъ Авторъ умѣлъ ихъ предло-
 жить .

Всякой Россіянинъ, любящій про-
 свѣщеніе своего опечества, долженъ
 радоваться, что сіе полезное и въ
 своемъ родѣ единственное сочиненіе
 переводится на Руской языкъ, и при-
 томъ мужами учеными, знающими са-
 мую вещь, и въ обоихъ языкахъ равно

свѣдущими Не лѣзя сказать, что-бы до сего времени многие изъ нашихъ соотечественниковъ прилѣжно занимались разсматриваніемъ величества и красоты Натуры, кою для любимцовъ своихъ бываетъ источникомъ чистѣйшаго удовольствія, но можно надѣяться, что чистая Натуральную Исторію на собственномъ своемъ языкѣ, всякой будетъ имѣть любпытство слышать, сколько можно, описание съ описываемымъ, — и такимъ образомъ, мало по малу, сей благородной вкусъ, вкусъ разсматриванія Натуры, будетъ распространяться. Важенъ трудъ почтенныхъ Господъ Переводчиковъ, и достойнъ всевозможной похвалы Самыя пруднѣйшія Физическія слова перевели они въ сей Части весьма удачно. Ясность и гладкость слога составляютъ второе важное достоинство сего перевода. Только весьма немногія мѣста могутъ показаться сомнительными, на примѣрѣ Странъ 1, „Ибо есть особливой родъ силы разума и неутомимости духа,

сто

способствующи къ разсматриванію
 Природы въ неисчетномъ множествѣ
 произведеній оныя „ Въ подлиннѣ
 Car il y a une espèce de force de génie
 et de courage d'esprit à pouvoir envisager,
 sans l'étonner, la Nature dans la multi-
 tude innombrable de ses productions. Ав-
 торъ, кажется, говоритъ, что сія
 сила, ш е une espèce de force de
 génie et de courage d'esprit, не способ-
 ствуютъ, а потребны на то, что бы
 созрѣть Природу во множествѣ ея
 произведеній; и sans l'étonner (чего
 нѣтъ въ переводѣ) ш е не пришед-
 ши въ изумленіе, въ которомъ ра-
 умъ перестаетъ уже дѣйствовать —
 Сирин. 2 „Есть такожде вліянная склон-
 ность къ люденію оныхъ (ш. с про-
 извѣденіи Нипуры), превозмогущая
 „стремленіе къ часнымъ каковымъ-
 „либо ея предметамъ „ Въ оригиналѣ
 Il y a une espèce de gout à les aimer,
 plus grand que le gout qui n'a pour but
 que des objets particuliers. Здѣсь, кажется,
 Авторъ хотѣлъ сказать не то, что-
 бы мы по природной склонности лю-
 били

били произведения Природы, а то, что любовь къ нимъ показываетъ уже въ чело вѣкъ и въ кошорой вкусъ, и что сей в усѣ превосходитъе такого вкуса, кошорой имѣетъ предметомъ какія нибудь частныя вещи — Стран 2.

„Любовь къ познанию Природы пред-
„полагаетъ два качества въ чело вѣче
„скомъ разумѣ, кошорыя одно дру-
„гому прошивными бытъ кажутся, а
„именно *дальновидность остраго ума,*
„объемлющаго все однимъ взоромъ, и
„*малое при влеченіе трудолюбивымъ*
„*побужденіе и въ произведенное, обра-*
„*щаемое* покло на одинъ предметъ .
Les grandes vues d'un génie ardent надле-
жало бы, кажется, перевести *великия*
намѣренія и въ каго ума, а не дальновид-
ность остраго ума **Les petites attentions**
d'un instinct laborieux qui ne s'attache qu'à un seul
point, можно бы было, кажется, яснѣе
выразить на Рускомъ шакъ „Мѣлоч-
ныя примѣчанія трудолюбиваго духа,
при влѣпляющагося только къ одному
предмету „ — Между многими очень
хорошо переведенными словами пона-
да-

даются и такія, которыя бы, казалось, могли быть иначе переведены. Такъ на пр переведены *junifconsultes* *проповѣдцы*, *classes* *статьи*, *ordres* *семейства*, *minéraux* *ископаемая*, *subdivision* *подраздѣленіе*. Имя *проповѣдцы* скорѣе всего можно почестъ за уменьшительное *проповѣдей*. Для чего бы, казалось, не сказать *классы* вмѣсто *статей*? Сіе слово давно уже сдѣлалось Русскимъ, а *сташья* всегда значила *артикулъ*, слово, которое ни на какомъ языкѣ не имѣетъ одинакаго значенія съ *классомъ*. Люди могутъ раздѣляться на *классы*, а на *артикулы* или на *сташьи* не могутъ; поже и *звѣри*. Слово *сѣмейство*, *famille*, есть въ *Натуральной Исторіи*, но не то значитъ, что *ordre* *Животныя разныхъ* сходныхъ между собою *родовъ* составляютъ *ordre*, а *сѣмейство* состоитъ только о изъ *животныхъ одного* рода и одного имени, впрочемъ имѣющихъ между собою нѣкоторое различіе; такъ на пр говорится. *la famille nombreuse des polypes*, *многочисленное сѣмейство*

ство почтовъ Я не знаю, для чего бы *minéraux* не называть минералами; сие слово извѣстно всѣмъ тѣмъ, которые и никакихъ ^ииностранныхъ языковъ не знаютъ. Название *ископаемыхъ* скорѣе бы могло означать *fossiles*, *фоссилы*, слово, не столь уже извѣстное въ Русскомъ языкѣ, какъ минералы. Какъ же мы будемъ переводить *eaux minérales*? Къ тому же минералы лежатъ и на поверхности земли собственно ископаемость не есть общій отличительной характеръ ихъ. Что принадлежитъ до *подраздѣленія*, то Русскому трудно понять, какъ можно что нибудь *подраздѣлять* не лучше ли бы было сказать, вмѣсто *подраздѣленія*, *передѣленія*? — Все сие только для примѣра. Впрочемъ Рецензентъ читалъ сей переводъ съ тѣмъ, чтобы научиться изъ него, а не съ тѣмъ, чтобы его критиковать. Онъ собственно отъ своего лица долженъ благодарить почтенныхъ Гг. Переводчиковъ за ту пользу, которую принесло ему сие чтеніе. — Пока человекъ
бу

будетъ человекомъ, онъ не сдѣлаешъ ничего совершеннаго, ничего такого, что бы съ которой нибудь стороны не подвержено было кришикъ Совершенство удаляенся отъ глазъ нашихъ по мѣрѣ нашего къ нему приближенія — се пребудетъ истиною въ морали, въ искусствахъ, и въ самомъ искусствѣ переводитъ — и есшьли переводъ сей Натуральной Истории не совсѣмъ совершиъ, то по крайней мѣрѣ онъ естъ одинъ изъ лучшихъ переводовъ, когда-либо вышедшихъ на Рускомъ языкѣ.

Вторая и третья Части уже вышли, но Рецензентъ еще дожидаетсѣ ихъ изъ Петербурга.

О ИНОСТРАННЫХЪ КНИГАХЪ.

Ueber die Vergleichung der alten, besonders griechischen mit der deutschen und neuern Litteratur, von Gottfr. Ernst Brodbeck, der Phil. Doct. Helm, bey Kunze.

То есть: О сравненіи древней, а особливо Греческой съ Нѣмецкою и новѣйшею Литтературою, сочиненіе Гроддека, Доктора Философiи (*).

Нѣмецкое Ученое Общество въ Мангеймѣ предложило вопросъ: *Дошли ли Нѣмцы въ нѣкоторыхъ родахъ Поэзи и Краснорѣчія до Римлянъ и Грековъ, или не превзошли ли ихъ въ темъ нибудь?* Сочинитель, извѣстной уже ученому свѣту по другому своему сочиненію *de Nuptiis Nomenclatorum reliquis*, изслѣдываетъ сей вопросъ, не думая о награжденіи. Подлинно ли можно рѣшить его? Можно ли такъ шочно сравнивать древнюю Литтературу съ новою? А еслили должно, то какіе будутъ главные пункты сего

(*) Изъ Allgemeines deutsche Bibliothek, второй части деланости перваго Тома.

го сравненія? — Вопросъ *поравня-*
сь ли мы съ Древними, и не пре-
вшли ли ихъ? въ самомъ дѣлѣ весьма
руденъ, но если бы и легко можно
ло рѣшить сей вопросъ, то все
къ чему бы намъ было мѣяться съ
Древними? Развѣ для того, чтобы
ославить ихъ, и такимъ образомъ
избавиться отъ трудныхъ изъясненій?
Или для того, чтобы поравнявшись
оспроумнѣвшимъ народомъ на зем-
лѣмъ ширѣ, заснуть на лаврахъ сво-
ихъ съ припшною мыслию *я съ ними*
равенъ? Или можетъ быть для того,
чтобы увиѣть еще недоспающее намъ
въ совершенству? Но здѣсь рожда-
ются новыя вопросы. Точно ли шво-
ршия Древнихъ въ словесныхъ наукахъ
могутъ быть для Поэта и Орашора
такими вѣрными образцами, какъ пра-
вила Поликлетовы для художника? Не
если ли красота и совершенство нѣчто
весьма относительное, или, лучше
сказать, нѣчто такое, чего въ всен-
чистомъ не найдешь ни у какаго на-
рода и ни въ какомъ сочиненіи? Только

въ сравненіи копи съ оригиналомъ могу я точно опредѣлить, чего не достаетъ въ первой для совершеннаго сходства съ послѣднимъ. Но развѣ сочиненія наши суть ничто иное, какъ копи Древнихъ? И развѣ Древніе безъ всякаго исключенія могутъ быть для насъ оригиналами? — Сочинитель хотѣлъ дать почувствовать нѣкоторыя изъ сихъ затрудненія, имѣющихъ влияние на рѣшеніе вышеупомянутаго вопроса. Совершенство въ твореніяхъ Древнихъ, говоритъ онъ, или то, что въ нихъ нравится, не есть *одно*. Оно различно, по разнымъ временамъ, въ которыхъ цвѣла Поэзія у Древнихъ. Вкусъ подверженъ былъ многимъ переменамъ. Пѣвецъ Нишуръ поетъ не такъ какъ просвѣщенный Поэтъ, а просвѣщенный не такъ какъ ученый. Какой родъ изящности надобно избрать мѣриломъ? Къ тому же мы не имѣемъ еще довольно числа примѣровъ, чтобы о достоинствѣ Греческой Литтературы сказать нѣчто рѣшительное. Нѣкоторые изъ лучшихъ Греческихъ

скихъ

скихъ Писателей (на примъ Менандеръ и всѣ Поэты новыи Комеди) пропали; обо многихъ же Греческихъ твореніяхъ въ словесныхъ наукахъ имѣемъ мы только историческое свѣдѣніе. Но какое же есть главное различіе между древнею и новою Поэзіею, различіе, столь затрудняющее всякое сравненіе между ими? Яснѣе всего увидимъ его, когда сравнимъ обстоятельства, въ которыхъ образовалась Поэзія Древнихъ и наша Поэзія. У Грековъ происходитъ и образуется она во время *дѣтства и юности нации*. Гомеръ безпримѣренъ и непоимѣраемъ для того, что онъ писалъ или пѣлъ въ сихъ обстоятельствахъ. Нѣкоторыя изъ оныхъ не перемѣнялись еще долгое время. Языкъ Гомеровъ остался языкомъ Эпическихъ Поэтовъ, и содержаніе пѣсней ихъ было почти то же. Долго были Поэмы вмѣстѣлищемъ полезныхъ знаній, и болѣе всего изъ нихъ учились Греки возрастать *среди идей и образовъ вѣковъ предшешихъ,*

шихъ, и живо чувствовала красота
того искусства, которому надлежало
прославлять всякое природное торже-
ство. Сколь же, напротивъ того, она
мѣны обстоятельство Поэзии въ на-
шемъ отечествѣ! Пѣсни древнихъ Бар-
довъ едва ли споютъ того, чтобы
жалѣть о потерѣ ихъ. Пѣсни назъ,
называемыхъ *любовныхъ пѣсней* ()
для насъ почти то же, что пошеряны,
потому что языкъ нашъ совсѣмъ пе-
ремѣнился — и въ самыя тѣ речен-
ка въ онѣ сочиняемы были, дѣйстви-
тели онѣ болѣе на вышнія сослоянїя,
нежели на народъ. *Цеховыя стихотвор-
цы* (**) совсѣмъ унизили Поэзію, а
же и шеря, когда превосходные
Поэты

(*) *Minnesinger* — старинные Нѣмецкіе или
Швабскіе Поэты, сочинявшіе по боьшой части
любовныя пѣсни. -- К.

(**) Сей цехъ существуетъ еще и нынѣ въ Нир-
ренбергѣ, въ Стразбургѣ и въ другихъ горо-
дахъ верхней Германїи, и состоитъ изъ учи-
телей и изъ учениковъ. Должность ихъ естъ
та, чтобы пѣть пѣсни въ своихъ торжествен-
ныхъ собранїяхъ. -- К.

Поэты извлекают ее изъ всеобщаго пре-
 уѣнія, съомъ еще ошлично по уча-
 стіе, кошорое берепѣ въ неи народѣ,
 отѣ шого, кошорое брали Греки въ
 своей Поэзи! Національной духѣ, ко-
 торой ихъ оживляѣ и заставляѣ
 знать Испорію своего опечества,
 намъ сокъмѣ не извѣстенѣ. Мы ду-
 хомѣ своимѣ живемѣ болѣе въ друиыхъ
 народихъ, нежеѣи въ собственномѣ
 своемѣ, а Грекѣ образовался среди
 Грековѣ, и шворенія свои бралѣ изъ
 самого себя Языкѣ нашѣ есть языкѣ
 богатой и философской, но для По-
 эзи время его почти прошло Второе
 главное различіе древней и новой По-
 эзи состоишѣ въ различности цѣли
 ныхъ Образование и просвѣщеніе ди-
 ихъ людей было цѣлю Древнихъ, а
 у насъ шолько удовольствіе и забава
 Различность содержания Поэмѣ есть
 необходимое сего слѣдствіе; а съ дру-
 гой стороны произошло отѣ сего та-
 кое же великое различіе и въ харак-
 терихъ Древнихъ и новыхъ швореній

Благородная, прогашельная простота
 есть характеръ Древнихъ, а новыхъ
 украшение и искусство. — Изъ всего
 же сказаннаго слѣдуетъ то, что ве-
 ликость Древнихъ происходитъ не отъ
 большей силы духа ихъ, но отъ об-
 стоятельствъ внѣшнихъ. Нѣмцамъ
 остается по крайней мѣрѣ та слава,
 что они въ обстоятельствахъ, гораз-
 до не столь благоприятныхъ, достиг-
 ли до высокой степени изящности, и
 весьма бы несправедливо было опре-
 дѣлять достоинство послѣднихъ по
 неприличному сравненію съ первыми. —
 Сочинитель сравниваетъ по томъ раз-
 ные роды Поэзіи, которые дошли до
 насъ отъ Древнихъ, на прим. Басню
 Даму, Идилію, и показываетъ вели-
 кое различіе, которое должна была
 произвести въ нихъ различность вре-
 мени. По томъ обращается онъ еще
 къ Поэзіи Римлянъ, которая уже го-
 раздо ближе къ нашей. Римляне учи-
 лись у Грековъ, такъ какъ мы учимся
 у Грековъ и Римлянъ. И у нихъ про-
 цвѣ-

Имѣла Поэзія уже во время просвѣщенія; но она была подобна однодневному растѣнію, которое скоро увяло на сей плоской землѣ. Не наученіе, а удовольствіе было цѣлію Римскихъ Поэтовъ. Однако жь они имѣли передъ нами то преимущество, что въ ихъ гражданскія учрежденія и религію вошло много Греческаго, и пошому были они къ образцамъ своимъ ближе нашего. — Авторъ, кажется, нашелъ точно ту сторону, съ которой должно смотрѣть на древнюю и новую Поэзію. Не во многомъ можно подражать Древнимъ; но весьма многому можно у нихъ, или, лучше сказать, посредствомъ ихъ выучиться. Кто безъ творческаго духа хочетъ быть Поэтомъ, или скоро обработать дарованія свои по хорошимъ образцамъ, тотъ можетъ хвалчайшимъ путемъ достигнуть до того черезъ прилѣжное чтеніе новѣйшихъ Поэтовъ, Испанцевъ, Французовъ и Англичанъ. Но поче по тому, что разстояніе

между нами и нами споль мало, а между Греками и нами споль велико, си послѣдніе поразю уѣобиѣ къ образованию великаго духа и вкуса. Для кого будешъ сіе загадкою, тошѣ попроси объясненія у нашихъ моцныхъ Кришниковъ и однопдневныхъ Поэшовъ.

Имена Особь, благоволившихъ подписаться на Московской Журналъ.

ВЪ Москвѣ.

Его Высокоблагородіе Алексѣй Александровичъ Плещеевъ.

— Благородіе Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ

— Сяшельство Князь Александръ Николаевичъ Засѣкинъ.

Ля Сяшельство Княгиня Марья Ивановна Черкаская.

Его Высокоблагородіе Юрій Александровичъ Нелединской-Мелецкой.

— Сяшельство Графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ

— Благородіе Дмитрій Аршамоновичъ Свѣшниковъ

— Сяшельство Князь Сергій Никишичъ Долгоруковъ.

Въ домъ Его Сяшельства Графа Николая Петровича Шереметева.

Василій Петровичъ Померанцевъ

- В Высокоблагородіе Андрей Родио-
новичъ Баташевъ
- Благородіе Николай Никишичъ Де-
мидовъ
- Высокоблагородіе Иванъ Василье-
вичъ Плещеевъ
- — Сергѣи Ивановичъ Ларионовъ
- Сяшельство Графъ Кирила Гри-
горьевичъ Разумовской
- Благородіе Николай Романовичъ
Подитковской.
- — Иванъ Максимовичъ Лугицинъ
- Высокоблагородіе Федоръ Пепро-
вичъ Ключаревъ.
- Высокопревосходительство Але-
ксандръ Александровичъ Нарышкинъ.
Ея Сяшельство Княжна Анна Але-
ксандровна Черкаская.
- Его Высокородіе Иванъ Владимировичъ
Лапухинъ
- Высокоблагородіе Сергѣй Ивановичъ
Вепреиской
- — Иванъ Егоровичъ Баскаковъ.
- — Григоріи Пепровичъ При-
лонской.

Его Сіяшельство Князь Николай Алексѣевичъ Голицынъ,

— Благородіе Егоръ Израилевичъ Гезель

— — Семенъ Ивановичъ Тимирязевъ.

— Превосходительство Всеволодъ Алексѣевичъ Всеволожской,

— Высокоблагородіе Николай Николаевичъ Банцышъ - Каменской

— Сіяшельство Князь Александръ Александровичъ Прозоровской,

Неизвѣстная Особа.

Неизвѣстная Особа,

Госпожа Купузова,

Въ главный КригсЪ - Коммиссиріатъ.

Его Превосходительство Сергѣи Андреевичъ Фаминцынъ

— Благородіе Василии Евдокимовичъ Демидовъ

Ея Благородіе Сусанна Филицковна Долгова.

Его Превосходительство Василій Сергѣевичъ Нарышкинъ.

— Высокородіе Аѳанасій Ивановичъ Игнатъевъ

Федоръ Ивановичъ Манцвѣшовъ,

Его

Его Высокоблагородце Петръ Аѳанасьевичъ Бекетовъ

Въ Совѣщъ Московскаго Воспитательнаго Дома

Въ Англійской Московской Клубъ

Его Высокоблагородіе Иванъ Васильевичъ Лазаревичъ

— Сяшельство Князь Дмитрій Александровичъ Черкиской

— Высокоблагородіе Степанъ Петровичъ Ивановъ

— Превосходительство Манвѣй Васильевичъ Мурозовъ

— Высокобаронъ Павелъ Степановичъ Руничъ

Неизвѣстная Особа.

Ея Высокобароніе Евдокія Федоровна Болишица

Петръ Михайловичъ Гусьяшниковъ,
Именишой Гражданинъ

Его Высокоблагородце Дмитрій Федоровичъ Щугинъ

— Бароніе Алексѣи Федоровичъ Малиновскіи

— Высокоблагородіе Фотій Михайловичъ Мишьяковъ.

Его

Его Сяшельство Князь Алексѣй Ива-
новичъ Голицыиъ

— — Князь Алексѣй Борисовичъ Го-
лицыиъ

Ея Высокородіе Анна Ивановна Те-
ряева

Его Благородіе Иванъ Семеновичъ Мь-
словъ

— Сяшельство Князь Николай Ива-
новичъ Одоевскій

— Благородіе Андрей Васильевичъ
Римской - Корсаковъ

— Сяшельство Князь Иванъ Никола-
евичъ Трубецкой

— Высокоблагородіе Сергѣй Алексѣе-
вичъ Благовъ

ВЪ другихъ городахъ.

ВЪ Арзамазѣ Его Высокоблагородіе
Николай Ивановичъ Бахмешевъ

— *Бѣлевѣ* Его Превосходительство
Александръ Леоишъевичъ Ларионовъ

— *Дорогобужѣ* Его Превосходитель-
ство Пейръ Ачилеевичъ Шепелевъ.

— — Его Благородіе Николай Михай-
ловичъ Калетицкой

- ВЪ Смоленскѣ* Его Высокоблагородіе
Спешанъ Юрьевичъ Храповицкой
- *Задонскѣ* Его Высокоблагородіе
Иванъ Осиповичъ Кожинъ
- *Нижнемѣ Новгородѣ* Его Высоко-
благородіе Иванъ Дмитриевичъ Кар-
повъ.
- *Рязани* Его Благородіе Николай
Александровичъ Болшинъ.
- *Вереѣ* Его Благородіе Алексѣй Пе-
тровичъ Толшповъ.
- *Сычевкахѣ* Его Высокоблагородіе
Николай Алексѣевичъ Чепчуговъ
- *ВЪ Кременчугѣ* Его Высокоблаго-
родіе Павелъ Никифоровичъ Шароу.
- *Могилевѣ* Его Благородіе Аяпонъ
Егоровичъ Щешневъ.
- *Бирскѣ* Его Благородіе Андрей
Аршачиновичъ Веригинъ
- *Вязьмѣ* Его Благородіе Сергѣй
Ведениковичъ Арсеньевъ
- *Изюмѣ* Его Благородіе Федоръ
Ивановичъ Фаенновъ
- *Ефремовѣ* Его Высокородіе Василий
Васильевичъ Артемьевъ.

ВЪ Полоцкѣ въ Главное Народное Училище.

— **Уфѣ** въ Коншору Г. Демидова.

— **Воронежѣ** Его Сяшельство Князь Василий Алексѣевичъ Урусовъ.

— **Балашевѣ** въ Уѣздный Судъ.

— **Оренбургѣ** Его Высокоблагородіе Александръ Сергѣевичъ Кушниковъ.

— Его Благородіе Пётръ Дмитриевичъ Крашенинниковъ.

— **Козельскѣ** Его Высокоблагородіе Василий Васильевичъ Новиковъ

— **Суражѣ** въ Уѣздный Судъ.

— **С. Петербургѣ** Его Высокородіе Алексѣи Афанасьевичъ Дьяковъ.

— — Его Высокородіе Николай Александровичъ Львовъ.

— — Его Превосходительство Гаврило Романовичъ Державинъ.

— — Его Высокоблагородіе Алексѣй Ивановичъ Корсаковъ

— — Его Благородіе Пётръ Ивановичъ Ивановской

ВЪ Симбирскѣ Его Высокородіе Александръ Федоровичъ Голубцовъ.

ВЪ Симбирскѣ Его Высокоблагородіе

Иванъ Дмитріевичъ Аираксийъ

— Его Высокоблагородіе Семенъ Вла-

димировичъ Арлевишиновъ

— Его Высокоблагородіе Александръ

Федоровичъ Ермоловъ

— Его Благогородіе Петръ Яковлевичъ

Норовъ

— Его Высокоблагородіе Иванъ Ва-

сильевичъ Жадовской.

— Его Сяпшельство Князь Петръ

Ивановичъ Баричевъ

— Его Благогородіе Павелъ Пешровичъ

Микулинъ

— Ея Высокоблагородіе Надежда Ива-

новна Куроѣдова

— Его Благогородіе Андрей Васильевичъ

Бѣловъ

— Его Высокоблагородіе Василій Ни-

колаевичъ Самаринъ

— Его Высокородіе Иванъ Ивановичъ

Нагадкинъ.

— Его Высокоблагородіе Иванъ Ва-

сильевичъ Колебакинъ.

ВЪ Сызранѣ Его Высокоблагородіе

Иванъ Гавриловичъ Дмитріевъ

ВЪ Сызранѣ Его Высокоблагородіе Ва-
силіи Борисовичъ Беспужевъ

— Ея Влагородіе Марѳа Михайловна
Карамзина

ВЪ Тулѣ Его Высокородіе Николай
Ивановичъ Вельяминовъ

— Его Высокоблагородіе Михайло Бо-
рисовичъ Загряской.

— Его Высокоблагородіе Петръ Але-
ксѣевичъ Верецагинъ.

— Его Высокоблагородіе Михайло Ва-
силъевичъ Хомяковъ.

— Его Влагородіе Иванъ Васильевичъ
Хомяковъ.

— Его Высокоблагородіе Александръ
Дмипріевичъ Хрущовъ.

— Его Высокоблагородіе Степанъ
Ивановичъ Вельяминовъ.

ВЪ Орлѣ Его Превосходительство Се-
менъ Александровичъ Неплюевъ.

— Его Высокоблагородіе Петръ Але-
ксѣевичъ Ермоловъ.

— Его Высокоблагородіе Николай Ми-
хайловичъ Мацневъ.

— Его Высокоблагородіе Николай Ива-
новичъ Шеншинъ.

ВЪ Орлѣ Его Высочество Степанъ
Андреевичъ Зиновьевъ.

— Павелъ Дмитриевичъ
Волжинской.

— Его Высокоблагородіе Андрей Ива-
новичъ Прошасовъ.

ВЪ Калугѣ Его Высокоблагородіе Але-
ксандръ Никишичъ Шемякинъ.

— Его Высокоблагородіе Николай Ми-
хайловичъ Щербачевъ.

— Его Высокоблагородіе Николай Але-
ксандровичъ Небольсинъ.

— Его Высокоблагородіе Антонъ Ива-
новичъ Мацневъ.

— Его Высокоблагородіе Александръ
Ивановичъ Турубаевъ

— Его Высокоблагородіе Анастасій Ива-
новичъ Бунинъ

— Его Высокоблагородіе Петръ Ни-
колаевичъ Юшковъ.

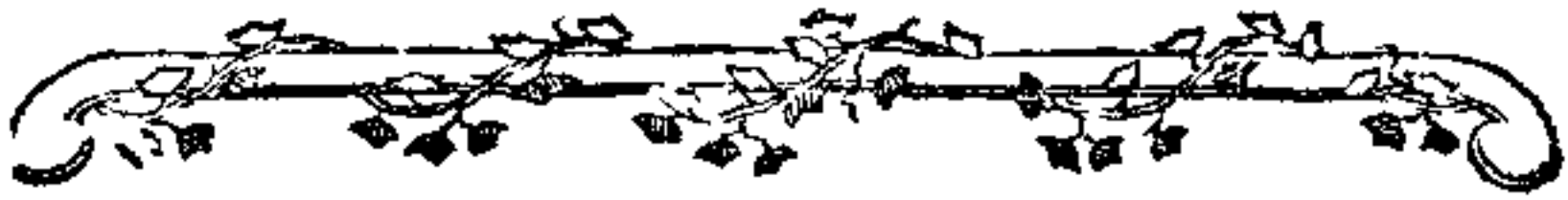
— Его Превосходительство Але-
ксандръ Борисовичъ Палицынъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

НОВОЙ Годъ,	•	•	137
Выздоровленіе.	-	-	146
Счетъ поцѣлуевъ.	-	-	148
Осель и лира.	-	-	151
Письма Руск. Путешественника.			152
Чудной сонъ.	-	-	192
Сила воображенія.	-	•	202
Анекдоты.	-	-	204
Парижскіе спектакли.		-	207
Московской Театръ.		•	223
О Книгахъ.	-	-	236
— иностранныхъ Книгахъ.		•	248

ОШИБКИ ВЪ ПЕЧАТИ.

Стран.	стр.	Напечат.	Чит.
145	• 13	невѣжество	невѣжество
155	• 12	наа, гаемъ	наагаемъ
178	• 26	побробуемъ	попробуемъ

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЪ.

Часть первая. Книжка претія.

Мѣсяцъ Мартъ.

О Д А

на смерть *Графини Румянцовой*
къ *М* * **.

Не безпрестанно дождь спремишся
На класы съ черныхъ облаковъ,
И море не всегда спруишся
Отъ премѣняемыхъ вѣтровъ;
Не круглый годъ во льду спяшъ воды;
Не всякой день бурь слышенъ свистъ,
И съ скучной не всегда природы
Падешъ на землю желтый листъ.

* * *

Подобно и тебѣ крушишся
Не должно *Н* * ** всегда
Гопово ль солнце въ бездну скрышся,
Иль паки утру бышь чреда,

Т

Ты

Ты жизнь свою въ шокъ провѣдъшь,
По Англискимъ твоимъ коврамъ,
Удичясь, въ смущеньѣ ходишь
И волю печь даешь слезамъ.

* * *

Престань — и равнодушнымъ окомъ
Возри на оный кипарисъ,
Кошорый на берегу высокомъ
На Невскія струи нависъ,
И мрачной шѣни погъ покровомъ
Во дремлющихъ своихъ вѣшьяхъ
Сокрылъ недавно въ гробъ новомъ
Румянцовой почтенный прахъ.

* * *

Румянцовой! Она блистала
Умомъ, породой, красотою,
И въ старости любовь снискала
У всѣхъ любезною душой
Она со твердостью смежила
Супружнѣ взоръ, друзей, дѣтей,
Монархамъ осьмерымъ служила,
Носила знаки ихъ чесшеи,

* * *

И зрѣла въ торжествѣ и славѣ
И въ лаврахъ сына своего,
Не измѣнялась въ серицѣ, нравѣ

Ни-

Ни для кого , ни для чего ,
И доброе и злое купно
Собою испышала всю ,
И какъ вершишся всеминутно
Людской форшуны колесо.

* * *

Воззри на памятникъ сей вѣчный ,
На современницу свою ,
И рвенія твоеи сердечны
И душу успокой твоею.
Прочти „Сія гробница скрыла
„Запѣмившаго масть лунный свѣшъ.
„Смерть добродѣтели щадила .
„Она жила почти сто лѣшъ „

* * *

Какъ солнце тускло испускаетъ
Последніе свои лучи —
По небу , по водамъ блискаетъ
Румяною зарей въ ночи —
Такъ съ тихимъ вздохомъ , взоромъ
яснымъ
Она оставила сей свѣшъ ,
Но именемъ своимъ прекраснымъ
Еще , еще она живетъ

* * *

Когда тебѣ не мучашь спраси,
Кашоры трудно усмиришь,
Когда не хочешь вышней власти
И первою въ Вельможахъ бышь,
Когда не мстишь, и совѣсть права
Не алчешь злата и сребра
Какого же, коль шѣломъ здрава,
Еще желаешь ты добра?

*
* * *

Одно лишь въ насъ добро прямое,
А прочее все въ свѣшѣ тлѣнѣ
Почтѣ чья душа въ покоѣ,
Поиспинѣ помѣ есть блаженѣ!
Престань утомѣ швоимѣ крылашымѣ
По преволненію лешать!
Съ убогимѣ грузомѣ, иль богатымѣ,
Всякъ долженѣ къ вѣчности при-
стать

* * *

Пожди --- и сынѣ твой съ спрашна бою
Иль на щипѣ, иль со щипомѣ,
Съ побѣдой, съ славою, съ женою,
Съ трофеями приѣдетѣ въ домѣ,
И естли знашности и злата
Невѣстка въ дарѣ не принесетѣ,

Благими правами богата,
Прекрасныхъ внучатъ приведемъ

Ущѣшься --- и въ объятъи нѣжномъ
Облобызай своихъ пы чадъ,
Въ семействѣ мирномъ, безмятеж-
номъ,

Фессальскій насаждая садъ.

Живи, и распложай науки;

Живи, и обезсмерть себя!

И громогласной лиры звуки,

И Музы воспоютъ тебя.

Сѣдый соборъ Ареопага,
На испину смопря въ очки,

На счетъ общественнаго блага

Не рѣдко ей давалъ щелчки,

Но въ вѣкъъ томъ Ариспиды жили,

Сносили ссылки, казни, смерть —

Когда Судьбы благоволили,

Не должно ли и намъ терпѣшь?

Терпи! Самсонъ сопретъ льву зубы,
А Навинъ потемнитъ луиу;

Зюждь Россовъ молнии дхнутъ сугубы,

ЕКАТЕРИНА тишину.

Меня жь ничто вредить не можетъ,
Я злобу твердостью сопру;
Враговъ моихъ червь кости сложешъ,
А я Поэтъ, и не умру!

* * *

ПИСЬМО КЪ ПРЕЛЕСТЪ.

Прелестна! веселись: мой рокъ уже
рѣшился
Внимай и торжествуй! вѣдь я тобой
пльнился!
Стыжуся слабости, но признаюсь въ
томъ,
Что стала ты моимъ оплотнѣнъ боже-
ствомъ
Тебѣ и миру я и сердце посвящаю
Но что! я о твоей побѣдѣ возвѣщаю,
Я падаю къ твоимъ съ признаньемъ
ногамъ,

А ты моимъ словамъ

Съ холодностью внимаешь!

Уже ли ты не постигаешь,

Какое счастье, какая слава той,

Которая прельститъ своею красотой

Пишомца Музъ и Аполлона?

Или не знаешь ты, что властенъ
 дашь онъ шо,
Предъ чѣмъ богатство, власть,
 корона,
Всѣ благи мира суть ничто?

Пища, шо есть я, едва воспламенился,
И вмигъ въ умъ его тьма, шьма чу-
 десъ родится.
Въ минушу онъ тебя въ богиню пре-
 творитъ
И всѣхъ тебѣ сердца на вѣки покоритъ;
Онъ тотчасъ дастъ тебѣ усмѣшку,
 взглядъ Авроры,
Гебеи молодость, прекрасную шѣнь
 Флоры,
И всѣхъ умильностей и прелестей со-
 боръ,
Какими Граци блистаютъ и Венера
На что ни взглянешь ты, все твоей
 украшишь взоръ;
Вездѣ представишься иль Книдъ или
 Цитера.
Куда ты ни пойдешь, повсюду за тобой
Различныя утѣхи,
Забавы, игры, смѣхи,
Погоняшся толпой

И ими грудь свою, грудь бѣлу убе-
решь,

Но вѣрно, на тебя они лишь только
взглянушѣ,

Сѣ досады и спыда увянушѣ

Подѣ древомѣ ли сидишь, гдѣ тѣнѣ
тебѣ готова,

Вѣ минушю ищички всѣ, не говоря ни
слова,

Слешаяся, запоюшѣ, чтобѣ слухѣ
швоей утѣшатѣ.

Но вздумай только ты сѣ ихѣ гла-
сомѣ своей смѣшатѣ,

Они умолкнушѣ вдругѣ Да кто и вѣ
самомѣ дѣлѣ

Сшоль будешѣ дерзосшенѣ, чтобѣ
пѣшь при филомелѣ?

А что до разума — о! вѣ этомѣ вѣрь,
мой свѣтѣ,

Что я, который самѣ изрядныи умѣ
имѣю,

Легко найду и вѣ той, кѣ которой
вѣ спрасши тлѣю.

Мнѣ стоилѣ захошѣшь, ты вмигѣ ро-
дишь Сонетѣ,

Иль пѣсню — что тебѣ угодно,

Все напишу. Хотя Поэту и несродно
Ссужать добромъ своимъ дру-
гихъ;
Но что не сдѣлаешь для прелестней
твоихъ!
Когда же наконецъ Киприда раздра-
женна
За то, что для тебя краса ея за-
бвенна,
Упроситъ Паркъ пресѣчь нить жизни
твоей —
Прелестна! не страшись ни мало, будь
спокойна.
Не плача смерть твоя, но зависти
достойна!
Прелестна! ты умрешь, но живъ оста-
нусь я.
Любовникъ страстный твой въ Элегии
возстонетъ,
Распреплетъ волосы, и въ моръ слезъ
поплетъ;
Все скажешь, что сказать Овидіи могли,
И ты бессмертною пребудешь на земли.
Любовникъ твой тебя во храмъ Мне-
мозины

Про-

Промежду Дели посадитъ и Кори-
ны. —

Не лестная ль тебя, Прелестна, ждешъ
судьба?

Ахъ! удоспой любить ты своего раба,
Клянущагося днесъ пресвѣтлымъ Апол-
лономъ,

Что онъ малѣйшее желаніе твое
Священнымъ будешъ чпипъ за-
кономъ!

Возьми, возьми навѣкъ ты сердце въ
даръ мое;

Люби меня хошя для собственныя
славы!

Или — спрашисъ, и жди, что я,
пресила страсть,

Забывши вѣрности уставы,

И скучась наконецъ сносишь сурову
часть,

Со равнодушнемъ на вѣкъ тебя оставлю,
Другую полюблю, другую и прославлю!

И.

Я

Умень ли я, ни кѣмъ еще въ томъ
не увѣренъ
Пороковъ не терплю, а въ слабостяхъ
умѣренъ:
Немножко мотавашъ, немножко я бол
шливъ,
Немножко лгу, но лгу не ко вреду
другова,
Немножко и колю, но не ошъ сердца
злова;
Немножко слабъ въ любви, немножко
въ ней стыдливъ,
И предъ любовницею немножко боязливъ
Не кто безъ слабостей? И такъ на-
дѣюсь я,

Что вы, мои друзья,
Не будете меня за нихъ судити
строго.
Немножко дурень я, но васъ люблю я
много.

ЭПИГРАММЫ. И:

1.

Повѣрю ль я тебѣ, Кашей,
Что польза ошъ всего на свѣшъ про-
исходятъ?
Ка-

Какую, на примѣръ, кто пользу въ
томъ находишь,
Что разоряешь ты людей?

2.

Почто ты Мазона (*), мой другъ,
не прочитаешь? —
„Какая польза въ томъ?“, — Ты самъ
себя узнаешь. —

„А ты его читалъ?“, —
Два раза — „Хорошо жь, что я не
начиналъ“,
И.

В Е Ч Е Р А (*†)

Однажды вечеромъ, во время Па-
рижскихъ смутеній, общество друзей,
удалившись въ деревню, скучась раз-
суждать о настоящемъ и будущемъ,
хо-

(*) Иоанна Мазона о познаніи самого себя.

(*†) Сии піесы, сочиненія славнаго Французскаго
Писателя, переводятся изъ *Metsure de France*.
Г Мармонтель и де ла Гарпъ съ 1790 году
обрабатываютъ ученую часть сего Журнала. и
первой ошъ времени до времени сообщаетъ Пу-
бликѣ сін новыя прекрасныя произведенія пера
своего — К.

хотѣло заняшься чѣмъ нибудь инымъ; и хозяйка, Гж Верваль, которая любила сказки, и умѣла сама рассказывать весьма приятно, предложила, чтобы каждой въ свою очередь рассказалъ самой щаспливѣйшии случай въ жизни своей, или по крайней мѣрѣ одинъ изъ щаспливѣйшихъ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ по какимъ нибудь причинамъ говорить не лзя

Предложеніе было одобрено, и младшимъ положено было начинать „Ахъ, мапушка! только чтобы не мнѣ, сказала Юля у меня нѣтъ столько смѣлости“, Хорошо, отвѣчала мать Девисъ, братъ швой (), покажетъ тебѣ, какъ надобно преодолевать эту робость, которая не всегда происходитъ отъ скромности — И подлинно, сказала шихонько Юля Королевской Адвокатъ говоритъ, когда ему угодно и какъ ему угодно Что принадлежишь до меня, но я не хожу за дѣлами, и не сочиняла нико-
гда

(*) Только не родной.

гда сказокъ Къ тому же Господину Девису минуло уже двадцать три года, а мнѣ еще нѣтъ и осмнадцати: розница не малая!

Между тѣмъ Девисъ собрался съ мыслями, и началъ говорить.

Естьли бапюшка, сказалъ онъ, позволитъ мнѣ говорить о себѣ, то я расскажу вамъ, что было для меня всего пріятнѣе въ жизни моеи, и что болѣе всего меня пронуло. — Послушаемъ, сказалъ благоразумной Ормесанъ. объ оцѣ своемъ говорить можно, только чтобы не бранить и не слишкомъ хвалить его — Девисъ продолжалъ.

Покойная мапушка, сказалъ онъ съ чувствительностью, была такъ добра, что всѣ знакомые наши говорили, будто она баловала дѣтси своихъ. Правда, что она болѣе нашего огорчалась, когда бапюшка на насъ гнѣвался. Естьли можно было извинить проступки наши, то она извиняла ихъ еще прежде нашего; а естьли не лзя, то она — и шутъ еще извиняла ихъ.

Ино-

Иногда она бранила насъ, но въ самомъ сердцѣ голосъ у нее былъ такъ пріятенъ, что всякой почелъ бы его голосомъ любви — и когда, нѣхмура прекрасныя брови свои, кошѣла она грозить намъ, то подъ бровями были у нее такіе нѣжные глаза, что самая угроза изъясляла намъ прощенье. Вообразите же послѣ этого, какова была радость ея, когда мы хорошо всли себя! Она сияла во всѣхъ чертахъ ея лица, и когда говорили ей о здоровьѣ, молодости и красотѣ ея, которая (тутъ Девисъ вздохнулъ) казалась безсмертною, то она всегда отвѣчала: Дѣши мои не дають мнѣ старѣться.

Девисъ замолчалъ, чтобы перевести духъ; и опирая двѣ слезы, капавшіяся изъ глазъ ея, сказалъ Прощайте — я говорю о своей матери. Между тѣмъ Юлія обнимала свою мать, и въ прекрасныхъ глазахъ ея, на Гжу Верваль устремленныхъ, видна была нѣжная томность.

Мнѣ надобно было, продолжалъ Девисъ, описать вамъ эту чрезмѣрную любовь, чтобы послѣ извинить несправедливостъ мою. Бапюшка мой — не осмѣлюсь при немъ описывать вамъ души и характера его — бапюшка мой думалъ, что одна только холодная и жестокая строгостъ со стороны его могла поправить то зло, которое дѣлала намъ излишняя лѣнностъ со стороны мапушкиной. Онъ наложилъ на себя мучительную обязанностъ держать насъ всегда въ страхѣ. За малѣйше проступки насъ брали, а за важные наказывали. Онъ все примѣчалъ за нами, и ничего намъ не спускалъ. Что было въ насъ похвально, то, казалось, почиталъ онъ въ нашей сторонѣ одною только залапою за лѣ спаранія, которыя прилагали о просвѣщеніи разума и образованіи сердца нашего. Развѣ они не дѣши мои? говаривалъ онъ развѣ ихъ даромъ воспитываю? И когда насъ хвалили ему, онъ не показывалъ ни малѣйшаго знака радости. „Говорятъ, у „ что

„ что вами довольны продолжайте, и старайтесь быть еще лучшими, чтобы я не имѣлъ причины краснѣться, когда васъ хвалятъ „

Всѣ мы были увѣрены въ добродѣтели и правдивости родителя своего, но никто изъ насъ не зналъ ни чувствительности, ни доброты его. Я не зналъ этого до пятнадцати лѣтъ, и только два чувства были побудительными причинами всѣхъ дѣлъ моихъ: страхъ прогнѣвить его, и боязнь огорчить мамушку. Признаюсь, что это послѣднее чувство было нѣжнѣе, однако жъ не слабѣе перваго, и когда бабюшка укорялъ мамушку моими пороками, приписывая ихъ излишней ея снисходительности, то огорчение ея перзамо мое сердце. Я вмѣстѣ съ нею плакалъ, и бабюшка меня обыкновенно тѣмъ наказывалъ. Мы лишились ее — и я могу сказать, что съ ея смертію кончилась моя молодость. Горесть привела вдругъ въ зрѣлость чувства и мысли мои. Голубшраура былъ для меня возрастомъ

Дол

Должности мои стали важнѣе Когда я снова могъ приняться за ученье, оно было уже для меня не трудомъ, а утѣшеніемъ Я сталъ уединенъ среди множества соучениковъ моихъ; игры ихъ сдѣлались для меня случны. Гумашъ о покойной матери моей и плакашъ, или искашъ отплады въ ученѣ, подобно какъ бы въ обьяшяхъ друга — вопъ въ чемъ проводилъ я дни и ночи въ то время, какъ учился Репорикъ Иногда во время самаго ученья казалось мнѣ, что я вижу мать мою, слышу ее говорящую „Старайся образовашъ разумъ и сердце свое; будь сыномъ достойнымъ отца своего, будь его утѣшеніемъ, да будешъ онъ щасливъ, ешъли онъ безъ меня можетъ быть щасливымъ, да будешъ онъ щасливъ дѣшми своими!“, Эша мечша усугубляи силы мои Поверхность, какой не имѣлъ я никогда въ нижшихъ классахъ, была плодомъ моей меланхолической ридѣжности; и когда пришлось разавашъ награжденя, я былъ предпо чтенъ

У 2 чтенъ

чшенъ всѣмъ моимъ соученикамъ, отъ того, что несчастіе было моимъ учителемъ.

Имѣя одно намѣреніе дѣлать добро, ни мало не думалъ я о своихъ успѣхахъ, и даже не зналъ ихъ. Профессоръ мой хаживалъ къ бапюшкѣ, и говаривалъ съ нимъ обо мнѣ, но ни когда не примѣчалъ въ немъ знаковъ той радости, которую оказываютъ родители, слыша о дѣтяхъ своихъ хо эшее. Конечно боялся онъ открытъ свою тайну.

Ректоръ приписывалъ эту холодность чрезмѣрной важности его характера; и чтобы наконецъ побѣдиль ее, вздумалъ онъ прибѣгнуть къ сильному дѣйствию внезапности. Какъ будто бы изъ учтивости, пригласилъ онъ его въ торжественное собраніе училища, въ которомъ надлежало раздавать награжденія. Развѣ по какой нибудь особенной причинѣ должно мнѣ тамъ быть? съ равнодушнымъ спросилъ отецъ мой. Эта тайна у нашихъ судей,

судей, опвѣчалъ ему Профессоръ, и намъ никогда о томъ напередъ не ска- зываютъ. — „Что же мнѣ тамъ дѣ- „лашь?“, — Вы увидите источникъ соревнования — „И суешности?“, — Нѣтъ, государь мой суешность мо- жетъ быть только въ вещахъ бездѣль- ныхъ, а наши торжества бывають для молодыхъ людей не пустою честью. Во всѣхъ возрастахъ жизни прилѣжность и любовь къ ученью есть добро, а усилѣхъ въ ученѣе всегда похваленъ. Хорошо подавашъ въ томъ примѣрѣ, и хорошо видѣшь его — Вы паче ду- говорите, сказалъ батюшка я радъ буду видѣть зависѣть въ сыцѣ моемъ, когда увѣнчаютъ его поварихей.

И такъ батюшка согласился быть къ намъ. Что принадлежишь до меня, то не могу описать вамъ моего спра- ха, когда издали увидѣлъ я его вмѣ- стѣ съ другими посѣпителами. Куда скрыться, думалъ я, естли не полу- чу никакого награжденія! Однако жъ за чѣмъ бы звать батюшку, естли бы мнѣ ничего назначено не было?

Будемъ надѣяться. — Между тѣмъ я дрожалъ, чувствуя въ первой разѣ желаніе славы, со всѣми его страхами къ счастью, классу моему надлежало первому явиться. Я получаю первое, второе, прѣше награжденіе. Батюшка при раза слышитъ мое имя, при раза видитъ меня увѣнчанаго — и съ книгами и въ лаврахъ, при плескахъ и гласѣ трубъ, схожу я съ театра, бросаюсь въ кучу зрителей — меня хватаютъ на руки — и я лежу у ногъ моего родителя. Онъ беретъ меня въ свои объятія, и съ движеніемъ, которое открыло наконецъ всю тайну его, прижимаетъ меня къ своему сердцу, и я чувствую на лицѣ своемъ слезы его. *А, батюшка! если бы она жива была!* сказалъ я съ рыданіемъ. Сердца наши спали такъ полны, что намъ надлежало выйти изъ залы. Поѣдемъ, другъ мой! сказалъ мнѣ батюшка. садись со мной въ карету, я чувствую, что ты мнѣ нуженъ, намъ впередъ нельзя будетъ разстаться.

Когда

Когда мы сѣли вѣ карету, онѣ снова меня обнялъ, и сказалъ мнѣ Видишь теперь, что отецъ твой чувствителенъ, видишь, что онѣ любитъ дѣтей своихъ Теперь знаешь мою слабость: не открывай ее, а особливо меньшимъ братьямъ твоимъ; для нихъ еще надобна строгость Братья мои были вѣ Жюли Билюшка! сказалъ я вспомнишь, что у дѣтей вашихъ нѣтъ уже матери; что лѣта ихъ имѣютъ свои печали, и что для юныхъ сердецъ ихъ нѣтъ уже того утѣшенія, которое прежде ослаждало ихъ горесть Уже къ несчастію не можете вы бояться тѣхъ нѣжныхъ слабостей, которыя мы часто во зло употребляли Будьте всегда отцемъ, и воля ваша будетъ для насъ закономъ; но будьте иногда и матерью. Буду, сказалъ онѣ, и не стану болѣе принуждать сердца своего; но впредь буду еще и другомъ твоимъ. Поклянемся бытъ одною душою, и ничего не скрывать другъ отъ друга — Для чего не могу выразить

вамъ того восторга, въ которомъ я клялся и слышалъ клятву моего любезнаго родителя! Эта минута была щасливѣйшею минушою прошедшей жизни моей, и неисчислимымъ источникомъ пріятностей для дней будущихъ.

(Продолженіе будетъ впереди)

СЕЛЬСКОЙ ПРАЗДНИКЪ

и

С В А Д Ъ Б А.

Письмо къ . . .

Село. . . ское, 3 Окт.

1790.

Я давно уже зналъ, что пріѣзель мой * * *, которой обыкновенно проводитъ лѣто и начало осени въ . . . ской своей деревнѣ, по уборкѣ хлѣба даетъ пиръ своимъ крестьянамъ и дворовымъ людямъ; а нынѣ удалось мнѣ быть самому на семъ праздникѣ

Когда насталъ день праздника, все поселеніе, числомъ до четырехъ сотъ, собрались къ обѣднѣ Церковь

у

у моего прятеля для деревни прекрасная, образа написаны хорошо; впрочемъ нѣтъ ничего ни раскрашеннаго, ни раззолоченнаго; вездѣ дерево въ натуральномъ своемъ цвѣтѣ, выдѣланное чисто и гладко. Четыре столпа Дорического Ордеча возвышаются подлѣ Царскихъ дверей; болѣе нѣтъ никакихъ украшеніи Сей сельской храмъ простъ какъ наша святая Религія, какъ сердце невинности — Всѣ мужчины и женщины были по своему наряжены, послѣднія въ золотыхъ вѣщахъ, въ высокихъ своихъ кичкахъ, въ шафшяныхъ или кумачныхъ рукавахъ У дѣвушекъ были на головахъ шоль перевязки, по большой части изъ лентъ, полученныхъ ими въ подарокъ отъ своей Госпожи; волосы заплетены были въ косу. Попъ въ бархатныхъ своихъ ризахъ отправлялъ службу съ ошмѣнною важною, а мы съ Хозяиномъ тянули на крилосѣ отъ всего сердца Многие крестьянки причащали въ сей день дѣшею своихъ. Послѣ обѣдни былъ

благодарственной молебень за хороший урожай и за благополучную уборку хлеба.

Возвращаясь изъ церкви, видѣлъ я въ сторонѣ за деревьями кипящие кошлы и жаримыхъ быковъ, а на дворѣ спояли длинные сполы въ нѣскольکو рядовъ.

Все поселяне прямо изъ церкви пришли въ домъ къ Господину, и заняли всю залу Тутъ любезной мои прятшель говорилъ съ ними около часа какъ отецъ съ дѣтьми, простымъ сердечнымъ языкомъ, преподавая имъ нѣкоторыя удобопонятныя и нужныя для нихъ моральныя истины, и увѣщевая ихъ бытъ прудолюбивыми и жишь между собою въ братскомъ мирѣ Все слушали его съ великимъ вниманьемъ, иные были до слезъ тронушы.

По томъ спросилъ онъ, не имѣютъ ли они до него прозьбы? Мы всемъ довольны, опвѣчали они въ одинъ голосъ. Только позвольте намъ же-нитъ сыновей своихъ, сказали нѣко-
то-

торые Чшобы не было никакого принужденія со стороны невѣстѣ, прятель мой спрашивалъ у нихъ самихъ, хотятъ ли онѣ итти за тѣхъ, которые за нихъ сватаются? Всѣ, хотя иныя не скоро, объявили свое согласіе — всѣ, кромѣ одной, которая между тѣмъ, какъ другихъ спрашивали, со слезами бросилась Госпожѣ въ ноги. Что такое? спросила Госпожа, поднимая ее о чемъ ты плачешь? Ахъ! какъ мнѣ не плакать! опивчала она бапюшка опдаетъ меня за того, за кого мнѣ итти не хочется, Не бойся, сказала шронушая Госпожа, не бойся; тебя никто не опдадушъ. — Лучъ радости блеснулъ въ глазахъ ея. Она взглянула на свою ушѣшельницу, и бросилась цѣловать ея ноги, Ты пойдешь, за кого хочешь, продолжала Госпожа скажи только, за кого? Нѣтъ ли у тебя кого на примѣшъ?, По краснѣвъ и попуя глаза въ землю, опивчала она, За меня сватался старостинъ сынъ изъ другой вашей деревни,

ревни, да бапюшка не хопѣлъ меня за него выдашь, А ты бы за него пошла? спросила Госпожа. Пошла бы, сказала она, и болѣе покраснѣлась. Староста съ сыномъ былъ недалеко. Последняго привели и поставили подлѣ дѣвушки. Прекрасная пара! сказали мы всѣ. Они были равныхъ лѣтъ и равной пріятности въ лицѣ. Староста началъ кланяться и просить дѣвушку за своего сына. Мы ее давно знаемъ, говорилъ онъ. она такъ добра, что ее всѣ любяшъ. Госпожа сама сложила ихъ руки. Шарикъ отъ радости почти заплакалъ. Женихъ и невѣста взглянули другъ на друга, и снова пошупили глаза. Только рука женихова не такъ дрожала, какъ невѣстина; но сердце у него вѣрно такъ же билось. Они стояли какъ передъ олшаремъ; а мы смотрѣли на нихъ, и радовались. О! какъ пріятно видѣшь соединеніе тѣхъ, которые любяшъ другъ друга! -- Завтра можетъ быть и свадьба, сказалъ Господинъ. Я готовъ, бапюшка! ошвѣчалъ староста.

Спро-

Спросили у невесты „Я не гошова, сказала она у меня нѣшѢ приданаго, а пуще всего нѣшѢ рубашки для жениха. „ У тебя все будетѢ, сказала Госпожа. Невѣста скромнымѢ поклономѢ изъявила свою благодарность и согласіе. ТупѢ явился отецѢ ея, и началѢ находить затрудненія; но его уговорили, и дѣло было съ концемѢ НевѣстѢ дали шонкой холстѢ, изѢ котораго надлежало ей сшить жениху рубашку, и тотчасѢ послали человека въ городѢ купить нужное для ея наряда.

Между шѢмѢ поселане, выпивѢ порюмкѢ вина, сѣдѣли за столы. Для ребяшишекѢ посланы были скаперши на правѢ. КѢ щасию день былѢ прекрасной. ОдинѢ мужикѢ сказалѢ мнѢ. „БогѢ любилѢ нашѢ праздникѢ, и даетѢ намѢ всегда красной денекѢ. „ ВсѢ лакеи и дворовые люди служили имѢ, и наполняли чаши добрыми, жирными щами съ мясомѢ. ГосподинѢ, Госпожа и милья дѣши ихѢ ходили и смотрѣли, всѢ ли довольны. Забавно было видѣшь,
какѢ

какъ ребяшишки повелѣвали своими молодыми господами „Вели намъ подать квасу, пива!“, кричали они — и по и другое имъ подавали Больше также ни мало себя не принуждали; ѣли такъ, что съ нихъ потъ текъ ручьями, и по своему обыкновенію разговаривали съ крикомъ „Дай Богъ здоровья нашимъ Господамъ!“ говорили или кричали они. Это еще ничего, что они насъ нынѣ подчиваютъ, а по вѣкъ помните, брашцы, что и въ голодной годъ былъ намъ такой же праздникъ *Такъ и быть, ребята!* сказалъ тогда баринъ: *хоть на одинъ день забудемъ все горе, и повеселимся.* Ужь намъ ли не житье! Иные такъ не смѣютъ взглянуть на барина; а мы кричимъ: *баринъ! вели намъ пожаловать пива!* Иныхъ заря вгонитъ, а другая выгонитъ, и все на барщину; а у насъ такъ, слава Богу! день на барина, да день на себя Придетъ праздникъ, лежимъ на печи., —

Послѣ щей подавали имъ пироги, жареное, шварогъ и яблоки. Когда
обѣдъ

обѣдѣ кончился, они раздѣлились на разныя партіи: одни пошли качаться на качели, другіе расположились на травѣ пить пиво, иныя въ кругахъ начали пѣть пѣсни въ честь своимъ Господамъ, гудки загудѣли, дудки задудѣли, а молодые пошли пряспись и вершѣшья, или плясать, не такъ прятно какъ Весприсъ, когда онъ *будто бы* пляшетъ по-Руски, но за то оригинальнѣе его. Я не намѣренъ писать праша о пляскѣ; но могу сообщить любезному Л^н нѣкоторыя идеи касательно сего предмета, въ надеждѣ, что онъ употребитъ ихъ въ сочиняемой имъ глубокомысленной *истории кривлянии рода теловѣскаго* — а сими идеями обязанъ я плясунамъ села *скаго* — Наконецъ, часовъ въ семь, пѣсни умолкли, пляска, катанье кончилось, и всѣ, закричавъ въ одинъ голосъ *благодаримъ васъ, батюшка и матушка!* пошли по домамъ, взявъ еще на ужинъ по чашкѣ оснавшихся щей и по куску мяса

На другой день былъ праздникъ для дворовыхъ людей. Послѣ нашего сѣда, которой кончился ранѣе обыкновеннаго, накрыли два стола въ двухъ комнатахъ: одинъ для оффиціантовъ и слугъ, а другой для нижнихъ людей, то есть, для ящичковъ, для скопниковъ, для коюховъ и проч. Первыхъ было съ женщинами человекъ двадцать пять. Они сами поставили кушанье, и сѣли за столъ; а намъ надлежало переменять имъ шарелки и подавать блюда. У нихъ были уже супы, соусы, хлѣбное, виноградное вино. Съ кушаньями управлялись они такъ скоро, что мы измучились подавая шарелки. Я слыхалъ отъ своей няньки, что на помѣ свѣтѣ слуги будутъ господами, а господа слугами, но мнѣ случилось и на семъ свѣтѣ видѣть такое чудо. Въ половинѣ обѣда начали они пить здоровье Господѣ своихъ и гостей, а по помѣ свои здоровья, величая другъ друга по именамъ и опчествая. Они прекрасно играли ролью господѣ, говорили

бон-

Бонмо, смѣялись и смѣшили; важничали и проч и проч, какъ у насъ водится Петербургской жительство, думалъ я, живешъ по-Французски или по-Англійски; Московскою перенимаешъ у Петербургскаго, и служишъ въ свою очередь образцемъ для Провинціаловъ, наконецъ слуга перенимаешъ у господина, и такъ далѣе --- сколько копій! Съ сею мыслию заглянулъ я въ шу горницу, гдѣ обѣдали нижнія люди, но тамъ не примѣшилъ ни *галлицизмовъ*, ни *англицизмовъ* --- ѣли Рускія щи въ деревянныхъ чашкахъ деревянными ложками, и въ потѣ лица своего --- крошили мясо, и служили другъ другу

Обѣдъ кончился --- заиграла музыка, и кавалеры, шаркнувъ передъ дамами, пошли танцовать минуешъ, или расхаживать какъ Индѣйскіе пѣтухи. Посмотря, ушли мы въ другія горницы, чтобы дать имъ полную свободу

Между пѣмъ невѣстинъ нарядъ былъ гошовъ. Послали за нею Бѣдную

Ф

прн-

привели босикомъ, однако жъ въ бѣлой рубашкѣ и въ нарядномъ сарафанѣ Тупъ надѣли на нее большой серебряной крестъ, розовые тафтяные рукава, золотой вѣнецъ, и коротенькие сапожки, голову покрыли кисейною шапою, и по помѣ опирали ее домой принимать жениха. Я имѣлъ любопытство видѣть свадебную церемонію, и пошелъ къ невѣстѣ. Лишь только успѣлъ дойти, услышалъ пѣсни, и увидѣлъ жениха скачущаго верхомъ съ дружкой и съ двумя изъ своихъ родственниковъ, а за ними двѣ шельги парама, гдѣ сидѣла сваха съ прочею жениховою роднею. Въмѣсто того, чтобы опворить ворота, ихъ заперли. Приѣхали и остановились. На плечахъ у жениха приколотъ былъ красной плапокъ. Хозяинъ изъ за воротъ спросилъ, что за люди приѣхали? *Мы олотники, отвѣчалъ дружка ъздиш по долинамъ и лѣсамъ, и приѣхали спросить, не заблудилъ ли тебѣ вамъ красной звѣрь*. „Нѣтъ у насъ звѣря краснаго, отвѣчалъ

чалъ хозяинъ поѣзжайте спрашиватьъ въ другое мѣсто, женихъ съ дружкой поскакали прочь и опять назадъ, остановились, сказали по же, и опять были прочь отпосланы. Телѣги и другіе два вершишка стояли все у воротъ, сваха шланула свадебныя пѣсни. Между пѣмъ невѣста, сидя за накрытымъ столомъ, гдѣ стоялъ хлѣбъ съ солью, обливалась горькими слезами, а родня ея выла, приговаривая, *покидаешь ты насъ, покидаешь*, и проч. Наконецъ впустили весь поѣздъ. Тотъ, кто ошворилъ ворота, пребывалъ осьмуху вина, и получивъ, сказалъ *Для коней вашихъ есть у насъ овесъ и сѣно, а для васъ хлѣбъ-соль и теплая квартира*. Вошли въ избу, помолились, и на всѣ чешыре стороны поклонились. Мальчикъ лѣтъ четырнадцати, родственникъ невѣстинъ, спалъ прошивъ жениха съ большимъ желѣзнымъ половникомъ, и сказалъ *Купите у насъ косу! купите у насъ косу!* „Поди прочь, мальчишка!“, закричалъ дружка, и взялся за кушъ,

которой висѣлъ у него за поясомъ
А у меня есть половникъ! отвѣчалъ
мальчикъ *купите косу!* *купите косу!*
Дружка бросилъ въ половникъ пять ко-
пѣекъ, и подвелъ жениха къ невѣстѣ,
которая сидѣла за хлѣбомъ накрывая
фатою Тупъ подали на столъ чашку
щей и часть мяса, поѣздные спали
ѣсть, но женихъ ни за что не при-
нимался Оспавя ихъ, пошелъ я въ
церковь, гдѣ нашелъ хозяина, хозяи-
ку и гостей въ ожиданіи свадьбы
Мы имѣли еще время освѣпить всю
церковь, хотя изъяснить пѣмъ радость
свою о соединеніи сельскихъ любовни-
ковъ Не повѣришь, какое участие всѣ
мы брали въ судьбѣ ихъ! Ты бы,
мой другъ, то же чувствовалъ, если-
ли бы увидѣлъ ихъ пріяпныя лица,
ихъ цвѣтущую юность -- Прытко
примчалась свадьба Женихъ съ прочи-
ми пріѣхалъ верхомъ же, а невѣста,
одѣтая сверхъ сарафана въ шубу,
сидѣла со свахою, съ ея стороны не
было никого, кромѣ одной женщины,
которая держала въ рукахъ кичку
ВЪ

Въ прѣпезѣ ихъ обручили Свѣча, которою Священникъ благословлялъ невѣсту, погасла въ самой топъ мигъ, какъ она хотѣла взять ее. Сваха ахнула, и я испугался, вообразя, что у нихъ почищается это за худую примѣшу, но меня успокоили, сказавъ, что тогда бы почлось это за несчастное предзнаменованіе, когда бы свѣча погасла въ рукахъ у невѣсты. Вънчальныя пѣсни иѣли мы хоромъ; я читалъ Апостолъ, и хотя покраснѣлся, однако жъ преизрядно возгласилъ . *и жена да боится своего мужа!* Обвѣнчавъ, опвели ихъ назадъ въ прѣпезу, гдѣ дружка расплелъ молодой косу, и вмѣсто одной заплелъ двѣ. Сваха надѣла на нее кичку, повязала, покрыла ее кисеею Шубу съ нее сняли, и она въ золотомъ своемъ вънцѣ и въ розовыхъ рукавахъ — подъцвѣпъ ея щекъ, покраснѣвшихся опъ сильнаго внушренняго движенія — казалась красавицею. „Какъ ты щаспливъ! казали молодому . живи, люби и нѣжь е!“, Онъ доклонился, и на глазахъ

у него навернулись радостныя слезы. „Мы на все никогда не наглядимся, опвѣчалъ за него опецъ она будетъ въ нашей семьѣ члышкомъ, мы не дадимъ на нее въпру дунуть, будемъ беречь ее какъ очи свои. „ На шопъ годъ — сказала Госпожа молодой — на шопъ годъ, когда мы придемъ въ деревню, приди ко мнѣ съ ягодами, и расскажи, какъ вы съ мужемъ жить будете. --- Живите щаспливо! закричали мы всѣ живите щаспливо! -- Я очень жалѣю, что не могъ видѣть конца церемонии, по есъ, какъ молодой съ молодою приѣхалъ къ себѣ домой; пошому что онъ живетъ въ другой деревнѣ, верстахъ въ десяти отсюда. Мнѣ сказывали, что передъ воротами зажигается связка соломы, черезъ которую всему поѣзду надлежитъ проскакать, что молодыхъ встрѣчаетъ ближняя родственница съ образомъ и въ вывороченной шубѣ; а другой кто никуда держитъ хлѣбъ и соль, и что ихъ осыпаютъ хмѣлемъ

Вышедши изъ церкви, увидѣли мы передъ господскимъ домомъ иллюминацію, фонари, разспавленные въ нѣкоторомъ порядкѣ, производили прекрасное дѣйствие. Въ залѣ все ликовало и шумѣло. Дѣвки, перерядясь въ крестьянское платье, плясали по-Руски Кички, которыя казались ми всегда самымъ не красивымъ головнымъ уборомъ, нѣкоторымъ изъ нихъ придавали удивительную пріятность. Хозяйка хотѣла видѣть въ этомъ нарядѣ своихъ малютокъ не можешь представить себѣ, какъ онѣ хороши казались! Мы ихъ расцѣловали -- Одинъ изъ плотниковъ съ рыжею козлиною бородою, которой мастеръ былъ играть на дудкѣ, явился въ Англійскомъ фракѣ и въ шапкѣ конфедераткѣ, началъ дудѣть и пришапывать ногою, и пришапывать головою, такъ, что не лзя было удержаться отъ смѣху. Полюбовавшись веселою компаніею, мы ушли. Шумъ продолжался до одиннадцати часовъ. Тутъ сцена перемѣнилась -- все замолкло -- слуги спали.

опять слугами, и должны были накрывать для насъ столъ

Такимъ образомъ все у насъ веселилось, и мужики и дворовыя люди и мы.

Прости, мой другъ! и проч.

ПИСЬМА РУСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

(Продолженіе.)

Первая станція отъ Данцига

Въ Данцигѣ присоединились къ намъ Офицеръ, молодой Французской купецъ и Магистеръ Намъ дали еще открытую фуру, гдѣ сѣлъ Ширмейстеръ съ Калишанскимъ слугою. Офицеръ сѣлъ къ намъ въ коляску, гдѣ оставалось еще одно мѣсто Магистеръ хотѣлъ занять его; но Французъ поднялъ крикъ, доказывая свое старшинство. Ширмейстеръ рѣшилъ процесъ въ пользу послѣдняго, которой въ самомъ дѣлѣ записался на почтѣ прежде. Магистеръ крайне упрашивалъ насъ, чтобы мы какъ нибудь пошѣснились и дали ему мѣсто

сто въ коляскѣ, представляя ученымъ образомъ, что ему съ Ширмейстеромъ и слугою будетъ скучно; но онъ *проповѣдывалъ глухимъ ушамъ*, какъ говорятъ Нѣмцы Французъ, по дорожному весьма хорошо одѣшой, въ торжествѣ сѣлъ на лавкѣ между двухъ Офицеровъ, съ насмѣшкою жалѣя, что бѣднаго Магистера вымочилъ дождь, которой спалъ накрапашъ. Новой нашъ товарищъ, Офицеръ, желая сидѣть проспориѣе, поглядывалъ на него очень косо, и началъ его жать Французъ весьма учтиво объявилъ, что ему спановишся *тѣсно вато* Тѣмъ хуже для васъ, отвѣчалъ ему Офицеръ съ сердцемъ, закурилъ прубку и началъ пускать ему въ носъ и въ ротъ дымныя облака Французъ чихалъ, кашлялъ, и наконецъ спросилъ, *что бы это знаило?* --- „То, чтобы вы убрались въ фуру къ Магистеру „ --- Государь мой! сказалъ Французъ съ гордымъ видомъ — Государь мой! отвѣчалъ Офицеръ съ досадою вамъ говорятъ, чтобы вы убрались отъ насъ

— Французъ съ важностію увѣрялъ; что имѣетъ равное съ нимъ право сидѣть въ коляскѣ, но Офицеръ, худой Юристъ, началъ сыпать на него пелелъ съ огнемъ, говоря, что Везувій за дымомъ выбрасываетъ пламя Французъ только что опряхивался. По томъ Офицеръ ушкнулъ ему въ бокъ ефесъ своей сабли Французъ говорилъ, что онъ ни за что не выйдетъ изъ коляски Приспуги продолжались Наконецъ Французъ, видя, что терпѣніемъ не отдѣлаться, сквозь слезы просилъ Офицера, чтобы онъ оставилъ его въ покоѣ до первой перемѣны, гдѣ онъ обѣщался пересѣсть въ фуру, не смотря на дождь Старые мои товарищи, насмѣявшись досыта, сжалились надъ мученикомъ, и уговорили своего собрата, чтобы онъ удовольствовался его обѣщаніемъ И я смѣялся, однако жь искренно жалѣлъ о Французѣ, хотя онъ тотчасъ забылъ все, и спалъ веселъ

Теперь перемѣняютъ лошадей, и готовятъ намъ легкой ужинъ.

Вы.

Выѣхавъ изъ Данцига , смотрѣлъ я на море , которое было у насъ на правой рукѣ . Болѣе не попадалось въ глаза ничего занимательнаго , кромѣ пространнаго Данцигскаго гульбища , гдѣ было мало людей , для того , что накрапалъ дождь . Въ серединѣ идетъ большая дорога , а по сторонамъ ^{по} въ аллеяхъ прогуливаются

Офицеры сговорились было атаковать Магистера ; но онъ довольно искусно отбилъ первые приступы , такъ что они наконецъ оставили его . Онъ ѣдетъ въ Италию разсматривать древности . Многие восточные языки , по его словамъ , ему извѣсны . Онъ показывалъ мнѣ письмо Графа *** , при которомъ онъ , по его просьбѣ , прислалъ ему экземпляръ Алкорана , напечатаннаго въ Петербургѣ . Мы другъ съ другомъ гармонируемъ болѣе , нежели съ Офицерами (*)

Шпол-

(*) После читая я о Магистрѣ Рингѣ въ прибавленіи къ Енскимъ литературнымъ Вѣдомостямъ . Циншутъ , что онъ очень ученъ , и что

Штолпе, $\frac{1}{2}$ ¼ Июня

О грубости Прусскихъ поспиллоновъ путешественники говоряшѣ всегда съ великимъ неудовольствиемъ. Нынѣшній Король издалъ указъ, въ которомъ рекоммендуется всѣмъ Почтмейстерамъ имѣть болѣе уваженія къ проѣзжимъ, и не задерживать никого болѣе часа на перемѣнахъ, а поспиллонамъ запрещаются всѣ самовольныя остановки между перемѣнъ. Нахальствосихъ послѣднихъ было несносно. У всякой корчмы они останавливались лишь пиво, и несчастные путешественники должны были по цѣлымъ часамъ ихъ дожидаться, или выманивать ихъ деньгами. Указъ имѣлъ добрыя слѣдствія; однако жъ онъ не во всей точности исполняется. Поспиллонамъ, ѣдущимъ съ ординарною почтою, не вѣлно останавливаться дорогою болѣе одного раза, и то проѣхавъ половину, но случилось, что наши останавливались раза по три

Не

въ путешествіи своемъ безъ сомнѣнія обогащаясь еще большими знаніями.

Не доѣзжая за полмилю до Штолпе, мы принуждены были съ часъ дожидаться поштилмоновъ, которые весьма спокойно пили и ѣли въ корчмѣ, не смотря на позывы съ нашей стороны. Наконецъ Офицеры вышли изъ терпѣнія, и Капитанъ велѣлъ слугѣ своему сѣсть на козлы и ѣхать. Тутъ негодяи выбѣжали, и сперва было ни мало не думали извиняться, но Офицеры такъ на нихъ напустили, что они очень присмирѣли. Приѣхавъ, всѣ мои товарищи грудью приступили къ Почтмейстеру, и требовали, чтобы онъ наказалъ поштилмоновъ — *выговоромъ*? спросилъ Почтмейстеръ — *на кою*, отвечали Офицеры. Я не имѣю права бить ихъ, сказалъ Почтмейстеръ. „Вздоръ! вздоръ! закричалъ Капитанъ или я самъ со всѣми управляюсь!“, --- Тутъ онъ страшнымъ образомъ стукнулъ въ полъ своею простью. „Насиліе! насиліе! завопилъ Почтмейстеръ хотяшъ драться, бить меня!“, --- Капитанъ вдругъ перемѣнилъ тонъ, и сказалъ тихо. „Я не хочу

хочу драться, а въ Берлинѣ погово-
рю о васъ съ Министромъ, Сказалъ
и вышелъ вонъ, а за нимъ и всѣ.
Я эшова шабъ не оставлю, ворчалъ
сквозь зубы Капитанъ Какъ это оспи-
вить! кричали Офицеры Поспал-
оны, какъ будто бы ничего не зная,
пришли къ намъ просить на вино.
Вонъ себаки! закричалъ молодой По-
поручикъ, и бросился къ нимъ съ
кулакомъ, но Капитанъ удержалъ его,
и равнодушно сказалъ „не буде въ
же виноваты!“, Поспалоны выцли-
--- дверь затворилась, и опять поти-
хоньку стала опворяться — всѣ шу-
да оборотили глаза, и увидѣли Почт-
мейстерову голову Что вамъ угодно?
спросилъ Капитанъ суровымъ голо-
сомъ Тупъ Почтменстеръ всунулъ къ
намъ въ горницу все свое шуловище,
началъ шаркать и кланяться Капита-
ну, и называть его Господиномъ
Капитаномъ, и опять Господиномъ
Капитаномъ, и увѣрялъ его, что онъ
имѣетъ къ нему почтение, и знаетъ
Маюра его полку, и знаетъ его фа-
ми-

вилю, и знаетъ, что онъ правъ, и отдааетъ ему въ полную власть шѣхъ постиллюоновъ, которые повезутъ насъ изъ Штолпе, и проч и проч. — Капитанъ смягчился, улыбался и ошвѣчалъ на все „хорошо, хорошо, Господинъ Почтмейстеръ!“, — Мы съ Магистеромъ также улыбались, а Офицеры говорили тихонько „дуракъ! прусъ!“, —

Теперь не могу вамъ сказать ничего примѣчания достойнаго, кромѣ того, что въ мѣстечкѣ Луповѣ бѣли мы прекрасныя форели и пили прекрасной бишофъ. И такъ ешьте вы, друзья мои, когда нибудь будете въ Луповѣ, то вспомните, что другъ вашъ бѣлъ шамъ прекрасныя форели, и пилъ прекрасной бишофъ — вспомните, и велите подать себѣ и того и другаго

Здѣсь остается тотъ Офицеръ, которой мучилъ Француза, и такъ сей послѣдній сядетъ съ нами — Adieu!

Штаргардъ, $\frac{x}{3}$ $\frac{y}{6}$ Іюня

О Штаргардъ, куда мы приѣхали
ужинашь, не могу вамъ сказать ниче-
го, кромѣ того, что онъ есть из-
рядной городъ, и что зѣшняя цер-
ковь Маріи почитается высочайшею
въ Германіи

Мы проѣхали черезъ Кеслинъ и
Керлинъ, два маленькіе городка Въ
первочь бросается въ глаза большое
четвероугольное мѣсто со спашуею
Фридриха Вильгельма Ты достоинъ
сей почести! думалъ я, читая на-
пись Не знаю, кого справедливѣе можно
назвать *великимъ*, отца или сына, хо-
тя послѣдняго всѣ безъ разбора *велика-
ютъ* Зѣсь должно смотрѣть только на
дѣла ихъ, полезныя для государства —
не на ученость, не на острые слова,
не на авторство Кто привлекъ въ
свое государство множество чуже-
странцевъ? Кто обогатилъ его мани-
фактурами, фабриками, искусствами?
Кто населилъ Пруссію? Кто всегда от-
ходилъ отъ войны? Кто отказывался отъ
всѣхъ излишностей, для того, чтобы
его

его подданные не перѣли недо-
спашка въ нужномъ? Кто? — Фрид-
рихъ Вильгельмъ, котораго спашую
видѣлъ я въ томъ городкѣ, гдѣ мило-
видная пракширщица угостила насъ
хорошимъ обѣдомъ. Неблагодаренъ
топъ путешественникъ, которой за-
бываетъ подобныя угощения! Что
принадлежитъ до меня, то всегда бу-
ду помнить, что въ топъ день, въ
которой носились въ головѣ моей дѣ-
ла Фридриха Вильгельма, обѣдалъ я
у миловидной пракширщицы, и былъ
доволенъ.

„Что, будетъ ли у насъ война,
Господа Офицеры?“, спросилъ у мо-
ихъ товарищей старикъ, пракширщикъ
въ Керлинѣ. Не думаю, опивчалъ Ка-
питанъ „Дай Богъ, чтобы и не было!“
сказалъ пракширщикъ я боюсь не
Австрийскихъ гусаровъ, а Русскихъ
козаковъ. О! что это за люди!, —
А по чему ты ихъ знаешь? спросилъ
Капитанъ — „По чему? Развѣ они
не были въ Керлинѣ? Ни что не
уйдетъ отъ ихъ пики. Къ тому же
X у

у нихъ такая страшная лица, что меня по кожѣ подираетъ, когда вообразу ихъ! „Да вотъ Руской козакъ! сказалъ Капитанъ, указавъ на меня Руской козакъ! закричалъ прахширщикъ, и ударился запылкомъ въ стѣну Мы всѣ засмѣялись, а прахширщикъ захохоталъ. „За эту шушку вы заплашите мнѣ дороже, госнода!“, сказалъ онъ, взявъ кофейникъ изъ рукъ у служанки

Я видѣлъ одинъ изъ древнихъ разбойничьихъ замковъ Онъ лежитъ на возвышеніи, и оведеся со всѣхъ сторонъ широкими рвами, которые прежде были наполнены водою Тупъ, въ высокомъ теремѣ, сидѣли мать и дочь за пальцами, и поглядывали въ окно, когда мужъ и отецъ какъ голодной левъ рыскалъ по полямъ и лѣсамъ, ища добычи „Ѣдетъ! Ѣдетъ!“, кричали онъ, и мосты гремѣли и опускались — гремѣли и оцѣшь подымались — и грабитель былъ безонасенъ въ объятіяхъ своей жены и дочери. Тупъ раскладывались похищеннымъ
богаш

богатства, и женщины отъ радости ахали. Тутъ несчастные путешественники, которые въ тотъ день попались въ руки злодѣю, заключались въ подземельную темницу, въ двадцать семь сажень глубиною, гдѣ густой мракъ смирался и тягопилъ дыханіе, и гдѣ громъ цѣпей былъ имъ первымъ привѣтствіемъ. Иногда бѣдной опецъ прибѣгалъ къ симъ широкимъ рвамъ, и смотря на сіи острья башни, восклицалъ: „Опдайте мнѣ сына, и возьмите все, что имѣю! Несчастливая мать день и ночь крушится, печальная невѣста всякой часъ слезами обливается. Опдайте матери сына, и невѣстѣ жениха!“,

Стой воображеніе! сказалъ я самъ себѣ, и — заглашилъ два гроша сухой спарухѣ и уродливому мальчику, которые показывали мнѣ замокъ. Онъ издавна спойтъ пустой, и начинаетъ уже разваливаться.

Теперь накрываютъ намъ столъ. Ужинъ будетъ прощальной. Всѣ мои товарищи, кромѣ Капитана, поѣдутъ

отсюда въ Штеттинъ, куда мнѣ не дорога Вѣроятно, что намъ уже никогда не видашь другъ друга Правда, что эта мысль для меня не очень горестна Я бы не назвалъ Судьбы маперью, естли бы она велѣла мнѣ всегда жить съ такими людьми. Съ ними можно говорить только о спрѣяхъ и тому подобномъ И языкъ ихъ страненъ Не зная по Французски, употребляютъ они въ разговорѣ множество Французскихъ словъ, произнося ихъ по своему На прим Да was eine Prescripce — ich habe eine schöne Tine gemacht — ich wolite es schanschen, и проч

Къ намъ приспалъ еще молодой человекъ, Почтмейстерской сынъ, которой ѣдетъ учиться въ Университетъ Услышавъ, что Офицеры вшущку называютъ меня Докторомъ, вздумалъ онъ показать мнѣ свою ученость, и спросилъ у меня, какъ, *по моему мнѣнню*, можно перевести на Нѣмецкой Латинское слово ratio² Потомъ началъ говорить о *духѣ языковѣ*, и проч Надобно знать, что

Ма-

Магистеръ уже отъ насъ отсталъ; а то бы онъ не далъ ему много говорить. Офицеры не полюбили сего ученаго Почтмейстерскаго сына, и старались его дурачить. Прихавъ сюда, вынулъ онъ изъ кармана превеликя шпоры, и положилъ на столъ. Офицеры, находя страннымъ, что человекъ, бдущій учиться въ Уиверситетъ, везетъ въ карманъ не книгу, а ужасныя шпоры, смали смѣяться. Французъ подскочилъ съ лорнешомъ, и началъ разсматривать шпоры съ великимъ вниманемъ. Смѣхъ умножился. Что вы находите въ нихъ? спросилъ Капитанъ. „Знакомыя черты, съ важностію отвѣчалъ Французъ, кажется, какъ будто бы я ихъ прежде видѣлъ; однако жь нѣтъ — я видѣлъ только ихъ изображеніе на эстачнахъ въ Донъ Кишотъ“. Тутъ Офицеры во все горло захохотали, а Студентъ осердился. Насмѣявшись до сыща, Капитанъ сказалъ мнѣ, „Еслили когда нибудь издадите въ урнахъ своего вояжа, то прошу васъ е забыть шпоръ“. Не забудыте шпоры!

шпоръ¹ закричали все Офицеры Ваше желаніе исполню, отвѣчалъ я —

Надобно сказать нѣчто о Прусскихъ допросахъ Во всякомъ городкѣ и мѣстечкѣ, гдѣ стоятъ полки, останавливаютъ всехъ проѣзжихъ при вѣздѣ и выѣздѣ, и спрашиваютъ, кто, откуда и куда ѣдетъ? Иные вшутку сказываются странными и разными именами, ш е при вѣздѣ однимъ, а при выѣздѣ другимъ, изъ чего выходятъ чудныя доисенія начальникамъ Иной называется Луциферомъ, другой Мамономъ; трети въ городъ вѣдетъ Авраамомъ, а выѣдетъ Исаакомъ Я не хопѣлъ шутить, и для того Офицеры просили меня въ такихъ случаяхъ притворяться спящимъ, чтобы имъ за меня отвѣчать Иногда былъ я какойнибудь Баракоменеврусъ, и ѣхалъ отъ горы Араратской; иногда Аристидъ, выгнанный изъ Аѳинъ, иногда Альцибиадъ, ѣдущій въ Персію, иногда Докпоръ Пангосъ, и проч и проч

Кушанье поставили. Простите!

Берлинъ, 12 Юня

1789

Вчера пріѣхалъ я въ Берлинъ, друзья мои; а нынѣ, къ великому своему удовольствію, получилъ отъ васъ письмо, котораго жалъ съ такимъ непереносимымъ. Извѣстіе, что вы остались здоровы, меня утѣшило, успокоило. Но на что вы иногда грустите? Этова не было въ уговорѣ. А естли вы и впрредь будете такъ немилостивы къ себѣ и къ другу своему, которой за нѣсколько тысячъ верстъ беретъ участие даже въ минутной вашей неприятности то онъ, въ отмщеніе вамъ, самъ будетъ грустить отъ утра до вечера.

Последнее письмо отправилъ я къ вамъ изъ Штаргарда. Мы выѣхали оттуда въ полночь. Кромѣ Капитана, было у меня двое новыхъ товарищей. Офицеръ, вѣдущій въ Имперію для набора рекрутъ, и купецъ Штаргардской. Я сѣлъ въ коляскѣ назадъ, на своемъ чемоданѣ; мои промянуть ноги, могъ прилечь, положивъ себя

себѣ подѣ голову подушки, спина моя распрямилась, и движеніе крови моей спало ровнѣе, тряская коляска казалась мнѣ усыпительною колыбелью — и я, почитая себя блаженнѣйшимъ человекомъ въ свѣтѣ, заснулъ крѣпкимъ сномъ, и спалъ до первой перемены, гдѣ разбудили меня пить кофе.

Не доѣзжая за десять миль до Берлина, Капитанъ насъ оставилъ. Мы прощались другъ съ другомъ какъ пріятели, и я далъ ему слово сыскать его въ Кенигсбергѣ, когда поѣду обратно черезъ сей городъ. „Вѣдь намъ еще надобно хоть одинъ разъ въ жизни увидѣться!“ сказалъ онъ, пожимая руку мою заѣзжайте ко мнѣ, и расскажите, что вы увидите хорошаго въ свѣтѣ. „— Хорошо, хорошо, Г Капитанъ! Будьте между тѣмъ здоровы!“ — И такъ мы расщались.

Въ послѣднюю ночь нашего путешествія, приближаясь къ Берлину, начиналъ я думать, что тамъ дѣлать буду, и кого увижу. Ночью всякія

мечшы воображенія бывающѣ живѣе, и я такъ ясно представилъ себѣ любезнаго А* идущаго ко мнѣ на встрѣчу съ трубкою и кричащаго Was seh' ich? Bist du es, Bruder Hansen? Willkommen in Berlin! что руки мои прощанулись было обнять его, но вмѣсто моего дражайшаго пріятеля, которой въ сію минуту былъ отъ меня такъ далеко, чуть не обнялъ я докрой женщины, сидѣвшей съ нами въ коляскѣ „ Но какъ зашла къ вамъ мокрая женщина? „ Вотъ какъ Солнце сѣло, пошелъ дождь, и вечеръ спалъ глубокою ночью. Вдругъ коляска наша остановилась. Ширмейстеръ, сидѣвшій съ нами, выглянулъ и началъ съ кѣмъ-то бормотать, по томъ, обернувшись къ намъ, сказалъ „Господа! позволите ли сѣсть въ коляску одной честной женщины и доѣхать съ нами до перваго мѣстечка, куда она идетъ съ своимъ мужемъ? Дождь промочилъ ее насквозь, и она боится занемочь „ А хороша ли она? спросилъ Офицеръ, вдуци въ Имперію. Теперь

темно, отвѣчалъ Ширмейстеръ Пускай ея садится, сказалъ Офицеръ Я то же сказалъ, и купецъ то же Женщина взяла къ намъ въ коляску, и была подлинно очель мокра, такъ что мы пилились отъ нее какъ можно далѣе, боясь воды, текшей съ нее ручьями. Офицеръ вступилъ съ нею въ разговоръ, и узналъ отъ нее, что она жена портнаго маспера, пять лѣтъ за мужемъ, имѣетъ троихъ дѣшей, очень любитъ своего мужа, и съ нимъ никогда не расплелся, что они ужинали въ гостяхъ у своего дяди, заипочнаго купца, которои португелъ заморскими поварами, и пошли домой пѣшкомъ для того, чтообы насладатся прятностями вечера, никакъ не ожидавъ дожда, что она взяла у дяди книжку, *жизнь Бирона Тренка*, въ которой описываются самыя чудныя приключенія, и все справедливья; что дочь дяди ихъ, которой минуло уже девятнадцать лѣтъ, однажды не снала цѣлую ночь, читая эту книгу, а на другую ночь увидѣла

во снѣ Тренка въ цѣпяхъ, и такъ закричала, что отецъ пришелъ къ ней съ свѣчею посмотрѣть, что съ нею случилось, — и проч и проч. Вотъ все дѣло

Но еслили я не найду его въ Берлинѣ! пришло мнѣ вдругъ на мысль — и въ самую ту мину вспрѣпидась намъ коляска. Насилу могъ я удержаться, чтобы не закричать *стои!* Это вѣрно онъ, думалъ я, это вѣрно онъ! Прости! Приѣзжай благополучно въ наше отечество, къ своимъ друзьямъ! Ты увидишь тѣхъ, кого я споль люблю, увидишь, и не скажешь имъ ничего обо мнѣ! — Между тѣмъ мы приѣхали на перемѣну. Я тотчасъ пошелъ къ Почтмейстеру спросить, кто проѣхалъ въ коляскѣ „Руской — купецъ изъ Риги, „ отвѣчалъ онъ: Тутъ я готовъ былъ вспрыгнуть отъ радости, что это былъ не нашъ А*.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Берлина начинается прекрасная аллея изъ каштановыхъ деревьевъ, и дорога становится лучше и веселѣе. О видѣ Бер-

Берлина не лзя было мнѣ судить по
тому, что безпрестанной дождь мѣ-
шалъ видѣть далеко впередъ. У во-
рошѣ мы останоились. Сержантъ
вышелъ изъ караулни насъ допраши-
вать *Кто вы? Откуда ѣдете? За-
чѣмъ приѣхали въ Берлинъ? Гдѣ бу-
дете жить? Долго ли здѣсь пробудете?
Куда поѣдете изъ Берлина?* Вотъ
вопросы, на которые надлежало мнѣ
отвѣчать — Прекрасной городъ! ду-
малъ я, ѣхавъ по прямымъ улицамъ
Коляска наша останоилась у почтова-
го дома. Тамъ прежде всего спросилъ я
у Секретаря Почты, гдѣ живетъ А? —
И что же? Съ хладнокровиемъ, со-
всѣмъ пропивнымъ моему неперпѣнню,
отвѣчалъ онъ „Его уже здѣсь нѣтъ“,
— Его здѣсь нѣтъ? — Нѣтъ, су-
дарь, повторилъ онъ, и началъ пере-
бирать письма — Гдѣ же онъ? —
„Поѣхалъ во Франкфуртъ на Май-
нъ. Подите къ своему Священнику;
онъ вамъ можетъ сказать о немъ бо-
лѣе, нежели я, *Св ist hart!*“ сказалъ-
я, сѣвъ на стулъ и приложивъ руку ко
лбу

лбу Секретарь взглянул на меня съ улыбкою. Вы думали его навѣрное здѣсь найти? спросилъ онъ. Думалъ, государь мой, опшвѣчалъ я, — думалъ, и обманулся. Съ сими словами вско-чилъ я со стула, и хотѣлъ ийти вонъ. „Постойте, сказалъ Секретарь: надобно осмотрѣть вашъ чемоданъ. „ Чемоданъ мой принесли, заглянули въ него, и я всунулъ осмотрицику въ руку восемь грошей, и велѣлъ веси себя въ Roi d'Angleterre. Солдатъ взвалилъ себѣ на плеча мои скаробъ, а я пошелъ за нимъ, думая „Надобно было ему уѣхать тогда, когда я пріѣхалъ! И такъ я мечталъ, воображая, какъ съ нимъ здѣсь увижусь, и что скажу ему! Больно такъ обманывался! „

„Жаль, жаль, государь мой — сказалъ мнѣ Г. Блумъ, прапирцикъ *Англискаго Короля* въ братской уи-цѣ — жаль, что у меня нѣтъ те-перь для васъ мѣста. Въ домѣ моемъ заняты всѣ комнаты. Вы, думаю, знае-те, что къ нашему Королю пріѣхала го-

го-

госпья , его сестрица. Въ Берлинѣ будущѣ праздники , и многіе господа пріѣхали сюда на это время. Повѣрите ли , что я нынѣ отказалъ уже десяти человѣкамъ ?,, — И такъ , Г Блумъ — — „Вы изъ Россіи пріѣхали ?,, — Изъ Россіи. И такъ — „У васъ все войною занимаются ?,, — Да, Г Блумъ , у насъ война И такъ мнѣ остается — — „Послушайте : теперь только опросталась у меня одна комната , и вы можете занять ее Что же у васъ съ Турками дѣлается ?,, — Прикажите мнѣ указать комнату , а послѣ , естли угодно — — „Очень хорошо ! очень хорошо ! Придемте , пойдёмте !,, Онъ привелъ меня въ маленькую горенку съ однимъ окномъ „Не правда ли , что она очень хороша и очень уютна ?,, Я доволенъ , Г. Блумъ — Тутъ пришелъ ко мнѣ фельдшеръ , парикмахеръ Г Блумъ отъ меня не выходилъ , безпрестанно говорилъ , и наконецъ мнѣ же вздумалъ рассказывать , что у насъ въ Россіи дѣлается. Послушайте , Г. Блумъ ,

сказалъ я . это все писано къ вамъ
онѣ первого числа Апрѣля по ста-
рому или по новому стилю. —
„Какъ, государь мой !, — Какъ вамъ
угодно , отвѣчалъ я , — взялъ прощъ
и пошелъ со двора , пожавъ руку у
Г Блума

Человѣкъ рожденъ къ общежитію
и дружбѣ — сію истину живо чувство-
вало мое сердце , когда я шелъ къ Д^к.
Какъ желалъ я найти въ немъ хотя
часть любезныхъ свойствъ нашего А^к!
Какъ желалъ я полюбить его , и по-
томъ говоритъ съ нимъ со всею дру-
жескою искренностію , свойственною
моему сердцу ! — Благодарю Судьбу !
Я нашелъ , чего желалъ — нашелъ въ
Д^к любезнаго , добродушнаго , искрен-
няго человѣка Онѣ любитъ свое опе-
чество , и я люблю его , онѣ любитъ
А^к , и я люблю его ; онѣ сроденъ къ
откровенности , и я тоже . и такъ
долго ли было намъ познакомиться ?
Мы проговорили съ нимъ до вечера ,
и онѣ пошелъ меня провожать

Лишь

Лишь только вышли мы на улицу, я долженъ былъ захватить себѣ носъ отъ дурнаго запаха, кошорой происходитъ отъ всякой нечистоты, сливающейся въ каналы. Для чего бы ихъ не чистить? Не уже ли нѣтъ у Берлинцевъ обонянія? — Мы пошли черезъ славную липовую улицу (*die Straße unter Linden*), кошорая въ самомъ дѣлѣ прекрасна. Въ срединѣ посажены липовыя аллеи для идущихъ, а по сторонамъ мостовая. Чище ли здѣсь живуть, или чаще каналы чистятся, или и паренія липъ истребляютъ нечистоту въ воздухъ — только въ сей улицѣ не чувствовалъ я никакого неприятнаго запаха. Дома не такъ высоки, какъ нѣкоторые въ Петербургѣ, но очень красивы. По аллеямъ, кошорыя простираются въ длину шаговъ на тысячу или болѣе, прогуливалось много людей. Мы раза два прошли по сей улицѣ, а по томъ землякъ проводилъ меня до дому.

Лишь только я въ своей комнатѣ расположился пить чай, пожаловалъ

ко мнѣ Г Блумъ съ бумажкою въ рукахъ. Вамъ надобно на это опшвѣчать, сказалъ онъ, подавая мнѣ сию бумажку. Я увидѣлъ шупъ всѣ шѣ вопросы, которые дѣлали мнѣ при въѣздѣ въ городъ, съ прибавленіемъ одного. *Въ какія ворота вы въѣхали?* Всѣ сии вопросы напечатаны, и мнѣ надлежало подѣ каждымъ подписывать опшвѣтъ. „Я долженъ это послать въ Полицію, сказалъ практирщикъ а шамъ посмотрятъ, по ли вы сказали о себѣ у городскихъ воротъ, что здѣсь напишете По помѣ публикуютъ о васъ въ Вѣдомостяхъ. „

Нынѣ поутру ходилъ я съ Д* осматривать городъ. Его по справедливости можно назвать прекраснымъ, по регулярности улицъ и по хорошимъ зданіямъ. Къ украшенію города служатъ также большія площади. *Вильгельмова, Жандармская, Денгофская* и проч. На первой стоятъ четыре большія мраморныя статуи лавныхъ Прусскихъ Генераловъ Шверина, Кеиша, Винтерфельда и Зейдлица.

лица Шверинъ и Кейшъ изображены въ Римскомъ плащѣ. Послѣднн держишъ въ рукѣ знамя, съ копорымъ онъ, въ жаркомъ сраженн подѣ Прагою, бросился на непрятеля, закричавъ своему полку: *дѣти! за мнѣ!* Тутъ учеръ онъ смертню Героя, и Король сожалѣлъ о потерѣ сего искуснаго и храбраго Генерала болѣе, нежели о потерѣ двѣдцати тысячъ воиновъ — Фридрихъ, принявъ Кейша въ свою службу, сказалъ я *много выигралъ*. Фридрихъ зналъ людеи, и Кейшъ оказалъ ему важныя услуги. — Говорятъ, что Графъ Пепръ Александровичъ Румянцовъ похожъ на Винперфельда. Я не имѣлъ щастнѣ видѣть нашего Задунайскаго Героя, и по тому не могъ искасть сего сходства въ хладномъ мраморѣ, изображающемъ Винперфельда — Зендлицъ былъ любимецъ Королевской, пылкой, отважной воинѣ. Отдавая справедливоспъ его достоинствамъ, порицаютъ въ немъ нѣкоторыя слабости, и говорятъ, что онъ были причиною прежде-

преждевременной смерти его. Онъ умеръ не на полѣ чести, а на одрѣ мучительной болѣзни Фридрихъ шутилъ о немъ, какъ о своемъ люицѣ. — Винперфельдъ и Зеидлицъ изображены въ своихъ мундирахъ — Такимъ образомъ Фридрихъ хотѣлъ во мраморѣ передать въ камнѣ память своихъ полководцевъ Юной войны, смотря на нихъ изъ рѣчья, чувствуетъ желание подражать Героямъ, и потомъ жить въ памяти у потомства Я самъ люблю разсматривать памятники славныхъ людей, и при семъ случаѣ представлять себѣ дѣла ихъ. — На такъ называемомъ *длинномъ мосту*, черезъ рѣку Шпре, стоитъ изъ мѣди вылитой монументъ Фридриха Вильгельма великаго Когда Русскія войска вошли въ Берлинъ, то нѣкоторые изъ солдатъ въ забаву гуляли его тесаками. Мнѣ показывали си оставшіеся знаки, которые возбуждаютъ въ Берлинцахъ неприянное воспоминаніе.

Потомъ пошли мы въ Королевскую Библиотеку. Она огромна —

и вотъ все, что я о ней сказать могу. Преимущественно передъ прочимъ занимало меня богатое анатомическое сочинение со изображениями всѣхъ частей человеческого тѣла. Покойной Король заплашилъ за оное 700 талеровъ. Есть довольно восточныхъ рукописей, на которыя я только взглянулъ. Показывали мнѣ еще Люперовъ Нѣмецкой манускриптъ; но я почти совсѣмъ не могъ разобрать его, не читавъ никогда рукописей того вѣка. — Книжки давать на домъ запрещено; однако жъ извѣстной челоуѣкъ, давъ помощнику Библиотекарскому нѣсколько грошей, можетъ получить нѣкоторыя. Такимъ образомъ Д* взялъ для меня Николаево описание Берлина, которое хотѣлось мнѣ просмотрѣть. Библиотекою управляетъ нынѣ Г. Докторъ Бистеръ, которой и живетъ въ семъ большомъ домѣ.

За столомъ у Господина Блума сидѣло челоуѣкъ тридцать. Офицеровъ, купцовъ путешенихъ и иностранныхъ, и важныхъ Саксонскихъ Баро-

Бароновъ, прїѣхавшихъ въ Берлинъ на праздники. Теперь все приготавливается ко встрѣчѣ Шпашгальшерши, которая послѣ завтра будетъ сюда изъ Пошедама вмѣстѣ съ Королемъ. Объ этомъ только и говорятъ; да о разбойникахъ, которые близъ Ораненбурга разбили почту. — Послѣ обѣда принесъ мнѣ Д* письмо отъ васъ, друзей моихъ, и по томъ пошли мы въ звѣринецъ Онъ простирается отъ Берлина до Шарлотенбурга, и состоитъ изъ разныхъ алей, изъ которыхъ однѣ идутъ во всю длину его, другія поперекъ, иныя вкось и перепутываются. прекрасное гульбище! Долго искалъ я той алей, о которой нѣкогда нашъ А* писалъ ко мнѣ слѣдующее „Я нашелъ въ звѣринцѣ длинную алею, состоящую изъ древнихъ соснъ, мрачность и непремѣняющаяся зелень деревьевъ производитъ въ душѣ нѣкоторое священное благоговѣніе. Не забуду я одного утра, когда, прогуливаясь въ звѣринцѣ одинъ, и предавшись стремленію своего вообра-

женія, кошорое, какъ извѣстно тебѣ, склончо къ пасмурнымъ представлєніямъ, вступиль я нечаянно въ сїю алею. До сего мѣсца освѣщало меня лучезарное солнце; но туть вдругъ исчезъ весь свѣтъ. Я подняль глаза, и увидѣль передъ собою сєи путь мрачности. Только вдали при выходѣ виденъ былъ свѣтъ. Я остановился и долго глядѣль. Наконецъ одна мысль пробудила меня, произведя во мнѣ нѣкое ужаса исполненное содроганіе. Не естѣ ли — думаль я — не естѣ ли тѣма сїя изображеніе твоего состоянїя, когда ты, разлучившись съ тѣломъ, вступишь въ неизвѣстной тебѣ путь? Мысль сїя такъ во мнѣ усилилась, что я уже представиль себя облегченнаго опѣ земнаго бремени, идущаго къ оному вдали свѣщающему свѣту, и — — Съ того времени всякой разъ, когда бываю въ звѣринцѣ, захожу въ сїю алею, и часто поминаю тебѣ., Любезной меланхоликъ¹, я самъ думаль о тебѣ, вступаая въ сїю алею, и сподѣль можеть

желѣ бытъ почто на томѣ мѣстѣ, гдѣ ты ооо мнѣ думалѣ. Можешѣ бы пы ты оиашѣ зѣсь сшоашѣ будешѣ, но я буу далеко, далеко отѣ теѣя. — Вѣ звѣринцѣ много кофейныхѣ домовѣ Мы заходили вѣ одинѣ изѣ нихѣ, чшобы утолишѣ жажду ѡблымѣ пивомѣ, которое мнѣ очень не полюбилось — Саѣ Принца Фердинанда, вѣ копорой мы прошли изѣ звѣринца, отворенѣ для всѣхѣ порядочно одѣшыхѣ людеи Я не взялѣ бы тысяча такихѣ садовѣ за звѣринецѣ. Тутѣ вѣ шѣтился намѣ самѣ Принцѣ, и сѣ угрюмою мною оплашилѣ намѣ поклонѣ. — Бѣешѣ часѣ.

Юля 1.

Нынѣ поутру, поывавѣ у Господина М **, кѣ которому было у меня письмо изѣ Москвы, поѣхалѣ я кѣ извѣстному Николаю, Автору и книгопродавцу, живущему вѣ той же улицѣ, гдѣ я живу, ш е. вѣ *Widerstraße*. Онѣ встрѣшилѣ меня сѣ такою лѣвѣосшю, сѣ такою учпивошю,

какой бы не лзя было ожидать отъ Нѣмецкаго Ученаго и книгопродавца „Васѣ знаюшѣ и въ Россіи, сказалъ я ему. знаюшѣ, что Нѣмецкая Липшерапура вамѣ во многомѣ обязана Приѣхавъ въ Берлинѣ, спѣшилъ я прежде всѣхѣ видѣть друга Лессингова и Мендельсона, Вы мнѣ много чести дѣлаете, отвѣчалъ онѣ съ улыбкою, и посадилъ меня на софѣ. Съ путешественникомѣ всего ближе говоришь о путешествіяхѣ; и такѣ, услышавъ, что я ѣду въ Швейцарію, началъ онѣ говорить со мною о тѣхѣ удовольствіяхѣ, которыя можно имѣть въ сей примѣчанія достоѣной землѣ, идѣ онѣ самѣ былъ за нѣсколько лѣтъ передѣ симѣ. По томѣ обратилъ я разговорѣ на Берлинской Іезуитизмѣ. Надоно знать, что съ нѣкотораго времени начали писать въ Германіи — или, лучше сказать, въ Берлинѣ, и Николай первой подалъ къ тому мысль — будто есть тайные Іезуиты, которые всѣми силами стараются снова подчинить себѣ Европу, будто

будто Каммоетро и подобные суиц ихъ миссионеры, посланные въ миръ съ тѣмъ, чтобы, обольщая легковѣрныхъ людей пышными обѣщаніями, порабощать ихъ власти тайныхъ Іезуитскихъ начальниковъ, и проч и проч. Съ сего времени стали вездѣ искать скрытыхъ Іезуитовъ: между Учеными и неучеными, между Пасторами и солдатами. Въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ Писателей нашли что то Іезуитское. Началась ужасная война, и Берлинскон Журналъ, издаваемой Вистеромъ и Гедике, избранъ былъ театромъ сей войны съ Іезуитизмомъ слили въ одно Каплицизмъ; доказывали, что *тотъ* и *тотъ* изъ извѣстныхъ Протестантскихъ Ученыхъ тайно приняли Каполическую Религію, что они опасныя люди, и проч Тѣ, которыхъ наименовали, разсердились и начали браниться или отбраниваться, доказывая, что Берлинцы бредятъ. Все это еще и понынѣ продолжается — Вотъ что сказалъ мнѣ Николай

„Извѣстно, что Іезуиты имѣли вездѣ связи, что у нихъ были свои банки, свои банкиры Орденъ ихъ хотѣ и находился подѣ покровительствомъ Папы, но цѣль его была тайная, и сокрывалась во внутренности онаго Папы, лишивъ Орденъ своего покровительства, могъ ли уничтожить существо его? Могъ ли заспавить внутреннихъ на гальчиковъ, или храчителей тайны, опказаться отъ своей цѣли? Уле ли закрылись всѣ тайные каналы, черезъ которые они дѣйствовали? Уле ли исчезли всѣ банки ихъ? — Я предложилъ свои чаянія, и хотѣлъ только возбудить вниманіе къ сему предмету. Гишопеза моя, казалось, могла изъяснить нѣкоторыя явленія нашихъ временъ — Что принадлежитъ до Капюлицизма, то всякой Протестантъ имѣетъ причину не желать его распространения Мы, слава Богу! можемъ обо всемъ разсуждать, можемъ пользоваться своимъ разумомъ; но духъ Капюлицизма не терпитъ никакой свободы въ умество-

ва-

ваніяхъ , и налагаетъ цѣпи на разумъ. Если вы читаете книги, выходящія въ Германіи, то конечно замѣтили великую разность между тѣми, которыя печатаются въ Протестантскихъ земляхъ, и между тѣми, которыя въ Католическихъ выходятъ: гдѣ болѣе поосвѣщенія, — Все это очень хорошо, сказалъ я; но за чѣмъ бы съ такою жестокостію писать прошивъ нѣкоторыхъ почтеннѣйшихъ мужей Германіи, для того только, что они сомнѣваются въ существованіи тайныхъ Іезуитовъ, и въ томъ, чтобы Католики могли нынѣ быть опасны Протестантамъ? Признаться вамъ, я не могъ безъ досады читать колкаго отвѣща Доктора Вистера Господину Гарве, одному изъ первыхъ вашихъ Философовъ которой съ такою скромностію предложилъ свои сомнѣнія. — Однако жь Гарве, отвѣчалъ Николай, перемѣнилъ нѣ опоры свои мысли о семъ предметѣ, мы съ нимъ нарочно для этого видѣлись. Точно не надобно думать, чтобы Католики нынѣ совсѣмъ

всѣмъ перестали стараться обращать Протестантовъ въ свое исповѣданіе. Извѣстно ученіе ихъ церкви, что внѣ ея нѣтъ спасенія; и такъ они, по нѣкоторому челоуѣколюбію, хотѣли распространить ея область. Однимъ словомъ, осторожность была нужна — Впрочемъ всякой отвѣчаетъ только за себя. Если нѣкоторые зашли слишкомъ далеко, я не виноватъ. Только во многомъ насъ хотѣли криво полковать, къ чему Шпаркъ (*) и подобные имѣютъ свои причины. Правда, что дѣло, дѣлаемое съ добрымъ намѣреніемъ, можетъ имѣть нѣкоторыя худыя слѣдствія, но еслили оно имѣетъ несравненно болѣе добрыхъ, то не вѣзъ не называть его добрымъ дѣломъ, — Завтра ѣдетъ Николай къ водамъ Пупешескыя ещѣ для

(*) Придворной Дармштатской Проповѣдникъ, котораго Берлинцы провозгласили тайнымъ Капониномъ, Іезуктомъ, мечтателемъ; коюрой судился съ Издашелями Берлинскаго Журнала гражданскимъ судомъ, но процесъ свой проигралъ, и по томъ писалъ цѣлыя книги прошивъ своихъ обвинителей.

для меня лекарство, сказалъ онъ На карточкѣ записалъ я ему свое имя, и пожелалъ ему щасливаго пути. По томъ онъ такъ же учтиво проводилъ меня, какъ встрѣшилъ — Жаль, что онъ ѣдетъ. Я хотѣлъ бы больше поговорить съ нимъ о нѣкоторыхъ вещахъ въ досужные для него часы. Признаться, сердце мое не можетъ одобрить тона, въ которомъ Господа Берлинцы пишутъ Гдѣ искать терпимости, естли самые Философы, самые просвѣщеннели — а они такъ себя называютъ — оказываютъ сколько ненависти къ тѣмъ, которые думаютъ не такъ, какъ они? Тотъ есть для меня истинной Философъ, кто со всѣми можетъ ужиться въ мирѣ, кто любитъ и тѣхъ, которые съ нимъ разнo думаютъ. Должно показывать заблужденія разума человеческого, съ благороднымъ жаромъ, но безъ злобы. Скажи человеку, что онъ ошибается, и по чему; но не поноси сердца его, и не называй его безумцемъ. Люди, люди!
подъ

подъ какимъ предлогомъ вы себя не
мунише! — Лафатеръ есть одинъ
изъ шѣлъ, кошорыхъ Берлинцы бра-
нятъ при всякомъ случаѣ; и естли
онъ у нихъ не совершенной Іезуитъ,
то по крайней мѣрѣ великой мечпа-
шель. Я къ Лафатеру не пристра-
стенъ, и обо многомъ думаю совсѣмъ
не такъ, какъ онъ думаетъ; одна-
ко жь увѣренъ, что его Физиономиче-
скіе Фрагменты будутъ читаны и
тогда, когда забудутъ, что жилъ
на свѣтѣ почтенной Докторъ Бл-
сперъ. Но оставимъ ихъ — Что
принадлежитъ до Николаевой наруж-
ности, то въ ней хотя и нѣтъ ни-
чего особенно привлекательнаго, одна-
ко жь есть что-то почтенное. Онъ
высокъ, худощавъ, смуглъ. Лафа-
теръ въ Физиономикѣ своей гово-
ришь, что высокой лобъ его показы-
ваетъ весьма разсудительнаго чело-
вѣка.

У Г. Блума живетъ одинъ мо-
лодой Шведской купецъ. Нынѣ, ко-
гда мы сидѣли за столомъ, пришелъ
къ

къ нему Секретарь ихъ Посольства, и вызвалъ его Министръ черезъ пять возвратился нашъ Шведъ съ веселою улыбкою, и объявилъ всему сполу, что Шведы въ одноу дѣлѣ одержали верхъ надъ Рускими Секретарь Датскаго Посольства, которой шутъ же объявилъ, началъ съѣяться надъ его патриотическою ревностію Прусские Офицеры хотѣли знать подробности дѣла, но Шведъ самъ не зналъ ихъ. Да еще въ самомъ ли дѣлѣ одержали вы верхъ! сказалъ Датчанинъ (*) мы подождемъ подтвержденія. Какъова подтвержденія! закричалъ Шведъ: я вамъ ручаюсь. Датчанинъ смѣялся, а Шведъ горячился. Между тѣмъ Г Блумъ, сидѣвши подлѣ меня, крайне меня упрашивалъ не входить въ разговоръ. „За чѣмъ вамъ шутъ мѣшаться? Вы видите, что Шведъ очень горячъ. Сохрани Боже, естъли бы что нибудь вышло у васъ съ нимъ въ моемъ домѣ!“,

(*) Чѣло егѣ въ самомъ дѣлѣ вышло, что слухъ сей былъ несправедливъ.

домъ! „ Я увѣрялъ его , что сестры у насъ не будутъ ; но послѣ стола не могъ утерять , чтобы не подойти къ Шведу и не вступить съ нимъ въ разговоръ Г. Блумъ потчасъ подлетѣлъ къ намъ , и поглядывалъ на насъ попеременно , будучи готовъ запустить огонь при первомъ вспыланіи онаго . Однако жъ мы довольно спокойно разговаривали . Шведъ былъ въ Россіи , и по мундиру моему потчасъ узналъ , что я Руской . Я долженъ былъ при началъ войны выѣхать изъ Петербурга , сказалъ онъ , хотя мнѣ очень хотѣлось пожить тамъ подолье . Жалуйтесь на своего Короля , отвѣчалъ я , которой объявилъ намъ войну безъ всякой справедливой причины . Тутъ Блумъ дернулъ меня за полу , боясь , чтобы Шведъ не рассердился ; но онъ съ улыбкою сказалъ : Короли поступающъ не по тѣмъ правиламъ , по которымъ мы , частныя люди , поступать должны . „ Это говоритъ Фридрихъ „ проворчалъ сквозь зубы Прусской Магоръ , сидѣвши за-

сто-

споломъ. Тутъ пришелъ ко мнѣ Д*, и Г Блумъ былъ очень радъ, что я убрался въ свою комнату. Онъ боялся поединка.

(Продолженіе будетъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.)

ЛИЛІА и РОЗА (*).

Скажите мнѣ, дочери грубой, черной земли, кто вамъ далъ красоту вашу? ибо вѣрно образованы вы пѣжными мальцами. Какіе маленькіе Геніи вылепаютъ изъ чашечекъ вашихъ? И какое удовольствіе вы чувствовали, когда богини на листочкахъ вашихъ качались? Скажите мнѣ, мирные цвѣточки, какъ онѣ дѣлили между собою веселую свою работу, и, украшая ткань свою столь многообразно, улыбкою хвалили другъ друга?

Но вы молчите, милые цвѣточки, и наслаждаетесь бытіемъ своимъ Пусть

Ч ле

(*) Счиненіе Гердера, славнаго Нѣмецкаго Теолога, Философа и Поэта. Издатель благодаритъ Особу, благоволившую сообщить ему сей переводъ. — К.

же поучительная баснь расскажетъ мнѣ то, чего вы сказать не хотите.

Когда явился шаръ земной въ видѣ голаго еще камня, толпа дружныхъ Нимфъ наносила на него дѣвственную землю, и услужливые Гении готовы были покрыть голый камень цвѣтами. Ихъ было много, и всякой взялъ на себя особое дѣло. Подъ снѣгомъ еще и въ холодной низкой травѣ, скромное *Смирение* начало свое дѣло, и сошкало прячущуюся фіалку. За нимъ последовала *Надежда*, и наполнила прохладными парами маленькія чашечки освѣжающаго глицына. Видя успѣхъ поль щастливый, выступилъ весь гордый, пышный хоръ красотъ многоцвѣтныхъ. Тюльпанъ поднялъ свою головку; нарциссъ смотрѣлъ вокругъ себя тщетно-помящимся окомъ

Множество иныхъ богинь и Нимфъ старались многообразными образами украшать землю, и радовались, любясь прекраснымъ своимъ дѣломъ.

Но какъ сіи цвѣтки по большой части уже отцвѣли, а съ ними отцвѣла

и слава ихъ и радость богинь: тогда Венера сказала своимъ Грациямъ: „Что вы медлите, сестры приятности? Сопките и вы изъ своихъ прелестей какой нибудь смертный, видимый цвѣтокъ. „ Онѣ сошли на землю. Аглая, Грация невинности, образовала лилю; Талия и Евфрозина вмѣстѣ сопкали цвѣтокъ радости и любви, дѣвственную розу.

Многіе цвѣтки, полевые и садовые, завидовали другъ другу; лилия и роза не завидовали никому, но имъ всѣ завидовали. Какъ сестры, распушъ онѣ вмѣстѣ на одномъ лугу богини Горы, и другъ друга украшаютъ. Цвѣтокъ невинности возвышаетъ красоту невѣсты любви и радости; ибо Грации, родныя сестры, сопкали ихъ вмѣстѣ.

Дѣвушки! и на вашихъ лицахъ цвѣтутъ лилии и розы. Да обитаютъ на нихъ и Грации, невинность, радость и любовь, также вкупѣ и неразлучно!

НОЧЬ и ДЕНЬ.

Ночь и День спорили между собою о преимуществѣ День, пылкой, блестящій отрокъ, началъ споръ.

Бѣдная, темная ночь! говорилъ онъ: есть ли у тебя что такое, какъ мое солнце, какъ мое небо, какъ мои луга, какъ моя дѣятельная жизнь, незнающая отдохновения? Я возбуждаю то, что ты умеряешь, къ чувствованію новаго бытія; что ты расслабляешь, тому я живость сообщаю. —

Но всегда ли благодарятъ тебя за то? сказала скромная покровенная Ночь Не я ли освѣжаю то, что ты утомляешь? и не должно ли мнѣ для сего по большой части приводить тебя въ забвеніе? — Но я, мать боговъ и чловѣковъ, приемлю все рожденное мною, къ удовольствію его, на лоно мое; все, какъ скоро коснется края одежды моеи, забываетъ всѣ свои призраки, и съ прищипкою главу свою сълоняетъ Я возвышаю успокоившуюся душу,
и

и питаю ее небесною росой. Сама я покровенна, но оку, никогда не дерзавшему при своихъ солнечныхъ лучахъ смолпрѣшь на небо, открываю безчисленные строи солнцъ, безчисленные образы, новыя надежды и новыя звѣзды.

Говорливый День коснулся края одежды ея, умолкъ, и палъ самъ на всеобъемлющее лоно Но она, въ манши усѣянной звѣздами, въ звѣздномъ вѣнцѣ, сидѣла; вѣчное спокойствіе на лицѣ ея.

МОСКОВСКОЙ ТЕАТРЪ.

Графъ Ольсбахъ, Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненная Нѣмецкииъ Актеромъ Брандесомъ. — Вотъ содержаніе пьесы.

Графъ Ольсбахъ, Генералъ, во время войны тайно женился на Эмили, дочери одного Польовника, служащаго въ непріятельской армии Въ самую первую ночь послѣ ихъ брака нападають на городъ непріатели. Графъ, оставляя супругу свою, спѣшишь отразить ихъ, но онъ долженъ

уступить силѣ и спастись еѣ своими солдатами, которые, боясь, чтобы побѣдители не погнались за ними, зажгли городѣ. Скоро заключають мирѣ. Графѣ освѣдомляется о своей супругѣ, и узнаетѣ, что домѣ, въ которомѣ она осталась, превратился въ пепелѣ, и что по всей вѣроятности и она сгорѣла. Тутѣ начинается Драма. Графѣ въ отчаяннн идетѣ въ отставку У него есть сестра, есть другѣ; онѣ хочетѣ соединить ихѣ, но томѣ удалиться отѣ свѣта, и въ уединеннн проливать слезы о своей любезной, погибшей Эмили. Но Эмилия жива. Она спасена отѣ пламени отцемѣ своимѣ, которой съ своею командою взялѣ шомѣ городѣ, гдѣ Ольсбахѣ ее оставилѣ. Между тѣмѣ описываютѣ храбраго Полковника безѣ жалованья. Эмилия оплакиваетѣ своего супруга, котораго она считаетѣ убитымѣ въ сраженнн, и призжаетѣ съ отцемѣ своимѣ въ самой шомѣ городѣ, гдѣ живетѣ Ольсбахѣ. Но она не знаетѣ его подѣ симѣ именемѣ

немъ; потому что онъ уже по раз-
лукъ съ нею получилъ титулъ Гра-
фа и принялъ фамилю Ольсбаха. Пол-
ковникъ, отецъ Эмилинь, сказывается
въ семъ городѣ не своимъ именемъ,
и живетъ съ дочерью въ крайней бѣд-
ности. Графиня, мать Ольсбахова,
слыша о несчастномъ ихъ положеніи,
хочетъ помочь Эмили, призываетъ
ее къ себѣ, и узнаетъ, что она су-
пруга ея сына, о которой онъ столь-
ко слезъ проливаетъ. Тутъ конецъ
всѣмъ горестямъ; супруги соединя-
ются, и едва вѣрятъ своему щастію.
Другъ Графской женится на сестрѣ
его. —

Мудрено было изъ сей матеріи
сочинить Драму въ пять дѣйствій.
Авторъ, чтобы умножить число сценъ
въ пьесѣ, вводитъ нѣсколько дѣйстви-
ющихъ лицъ, которыя въ самомъ дѣ-
лѣ не нужны. На прим. на что моло-
дой Баронъ, воспитанникъ Графской?
На что управитель Кульпель? — Прав-
ду сказать, пьеса вообще слаба и не
очень связна. Въ ней нѣтъ никакой

завязки, а по тому и порядка въ дѣйствіи. Въ характерахъ не найдешь ни одной сильной черты. Печальной Ольсохъ мало прогааетъ зрителя; для того что онъ печалится слишкомъ обыкновеннымъ образомъ, и не сказываетъ намъ ничего такого, что бы почерпнуто было изъ глубины сердца человеческого. Что принадлежишь до Польовника, то не въ одной уже пьесѣ изображался намъ старой, заслуженной Офицеръ, которой почищаетъ честь выше всего на свѣтѣ. Здѣсь новое только то, что Брандесовъ Полковникъ раза при принимаешь плакать; чего бы не лзя было ожидать отъ такого твердаго, мужественнаго характера. — Авторъ хотѣлъ предсавить добродѣтель Эмили въ искушении; но еслили хотѣлъ онъ пронуть зрителя, и возбудить въ немъ почтение къ своей Героинѣ, то бы не Кульнелю, бывшему Графскому управителю (котораго лице, по словамъ Полковника, было вывѣскою безчестной души) надлежало

иску-

искушашь ея добродѣтель. — Заклю-
ченіе претяно акта, гдѣ Полковникъ
со шпагою бросается за Кульпелемъ,
живо и достойно похвалы. Всего же
непріятелие та сцена, гдѣ сестра
Графская, оставя Эмилию въ другой
комнатѣ, приходитъ сама не кста-
ти издѣваться надъ горестію своего
брата.

Г. Лапинъ представлялъ Ольсба-
ха, Г. Померанцевъ Полковника, Гж.
Марья Синявская Эмилию, а Гж. Уль-
яна Синявская сестру Графскую. Всѣ
они были аплодированы.

Переводъ достоинъ похвалы. Толь-
ко жаль, что Г. Переводчикъ упо-
требляетъ слова *сге* и *оное*, что на
Театрѣ бываетъ всегда прошивно слу-
ху. Употребляемъ ли мы сги слова
въ разговорахъ? Естьли нѣтъ, то и
въ Комедіи, которая есть предста-
вленіе общежитія, употреблять ихъ
не должно. Чѣмъ слогъ театальной
піесы натуральнѣе и простѣе, тѣмъ
лучше.

О КНИГАХЪ.

Философа Рафаила Титлоде странствованге въ новомъ свѣтѣ и описанге любопытства достойныхъ примѣтангй (!!) и благоразумныхъ установленгй жизни миролюбиваго народа острова Утопги. Переводъ съ Англійскаго языка. Сочиненге Томаса Моруса (Моруса). Въ Санктпетербургѣ у Шнора 1790 года.

Томасъ Морусъ, великой Канцлеръ Англии во время правленгя Генриха VIII, былъ одинъ изъ величайшихъ Полишиковъ и ученѣйшихъ людей своего вѣка, правда, не науками, не просвѣщенемъ славнаго. Извѣстенъ трагической конецъ сего мула. Когда Король отспалъ отъ Римской церкви, и требовалъ, чтобы подданные кляшвенно признали его главою Англиканскаго исповѣдангя, то Морусъ ни за что не хотѣлъ дать сей кляшвы; прозьбы друзей и супруги не могли

поколебать его, и онъ лучше хотѣлъ умереть на эшафотѣ, нежели измѣнить Папѣ. *Утопия* есть одно изъ его сочиненій, опубликованныхъ въ шестомъ и седьмомъ - надешать вѣкѣ на Латинскомъ языкѣ. Сія книга содержитъ описание идеальной или мысленной республики, подобной республикѣ Платоновой; но только слогъ Англичанина не есть слогъ Греческаго Философа. Сверхъ того многія идеи его одна другой противорѣчатъ, и вообще никогда не могутъ быть произведены въ дѣйство. Краткое извлечение изъ книги можетъ быть не противно Чипашелю.

Морусъ, бывъ въ Анверсѣ, познакомился съ однимъ Философомъ, который проѣхалъ весь свѣтъ изъ конца въ конецъ, и вездѣ наблюдалъ нравы, обычаи и политическя учрежденія народовъ. Морусъ, удивляясь его опытной мудрости, желаетъ, чтобы Философъ взялъ на себя какую нибудь гражданскую должность, и черезъ то былъ бы полезенъ обществу

не

не только своими разсужденіями, но и дѣлами. Философъ не хочеть о томъ и слышать „ Я буду совершенно бесполезенъ, говоритъ онъ. я могу только совѣтовать, но конечно никто не приметъ моихъ совѣтовъ, потому что люди уже привыкли къ старому, и боятся всякой новизны „ Тутъ рассказываетъ онъ, какимъ образомъ въ домъ Архiepископа Мортона въ Англии хотѣлъ онъ доказать одному законнику, что за воровство надобно людей не вѣшать, а отдавать въ работу, черезъ которую могутъ они еще быть полезны государству. Онъ изслѣдуетъ причины воровства, и утверждаетъ, что пока не истребятся сіи причины, до того и воровство не истребится, не смотря на всю жестокость наказанія По томъ говоритъ онъ съ Морусомъ о ложной солищкѣ Министровъ и пр и пр., что все въ шестомъ надесяти вѣкѣ могло быть ново. Тутъ доходитъ дѣло до Платона и до общественности гражданскаго имѣнія, которои воз-

мож-

возможность и полезность старается онъ доказывать всѣми силами „ Я видѣлъ такую землю, говоритъ онъ, гдѣ люди живутъ, какъ имъ жить должно. „ Сія земля есть островъ Утопія въ новомъ свѣтѣ Морусъ просилъ его описать ему с.ю землю. Философъ охотно исполняетъ его прозь у. Сія Республика состоитъ изъ 54 городовъ, изъ которыхъ одинъ есть главный, и лежитъ въ равномъ разстояніи отъ всѣхъ прочихъ Города управляются судьями, избираемыми всѣми гражданами, они имѣютъ попечение о потребностяхъ общества. Въ главной городѣ ежегодно свѣзжаются деиутаты, изъ каждаго города по три человека, и разсуждаютъ о дѣлахъ Республики Нѣкоторые изъ гражданъ живутъ въ деревняхъ, обрабатываютъ землю и снабжаютъ города хлѣбомъ; однако жь они перемѣняются, и другіе изъ города на мѣсто ихъ привзываютъ. Каждое семейство имѣетъ свой домъ, но черезъ десять лѣтъ всѣ граждане мѣняются

до-

домами по жеребью У нихъ есть общія залы, въ которыхъ они обѣдаютъ и ужинаютъ вмѣстѣ, и за обѣдомъ обыкновенно ѣдятъ мало, чтобы послѣ быть способными ко всякимъ упражненіямъ. Всегда, когда они ѣдятъ, гремитъ восхитительная музыка и курятся благовонія. За столомъ старые говорятъ, а молодые слушаютъ. Есть у нихъ игры въ часы отдохновенія, игры полезныя для души или плѣла Женатые и замужнія ходятъ въ плащѣ опличномъ опъ плащя холоспыхъ и дѣвушекъ Любовь есть душа браковъ ихъ. Нѣтъ тамъ ни замковъ ни ключей, для того что нѣтъ воровъ Бываютъ судныя дѣла, которыя рѣшаются всегда справедливо. Судьи, рассуждая о дѣлѣ, по закону должны всегда откладывать рѣшеніе до другаго дня, чтобы имѣть время подумать. У нихъ есть прекрасныя больницы, въ которыхъ наилучшимъ образомъ ходятъ за больными Докторовъ много, м Доктора всѣ искусные. Кромѣ Медицины, знаютъ они и другія науки, пре-

преимущественно полезныя человеку. Физику, Астрономию и пр; но въ Метафизикѣ не сильны. Религія ихъ состоитъ въ поклоненіи Творцу всяческихъ, подъ именемъ Мисры, и въ надеждѣ на жизнь вѣчную, блаженную для добрыхъ. Самоубійство у нихъ позволено въ случаѣ нестерпимой и неизлечимой болѣзни; и естли спраждающій не можетъ самъ на себя поднать руки, то другъ его оказываетъ ему сію услугу. Они смѣются надъ Европейскою пышностію, надъ дворянскими генеалогіями, надъ азардными играми, надъ собачьею охотою, и проч. Лишніи хлѣбъ и скотъ продаютъ они сосѣдямъ, и часто весьма долго не требуютъ съ нихъ плашежа, однако жъ у нихъ много денегъ въ общественной казнохранищельницѣ. Естли какой нибудь народъ вздумаетъ напасть на нихъ, они наймутъ многочисленную армию для отраженія онаго; или подкупаютъ непріятельскихъ полководцевъ на собственное ихъ истребленіе. Всякія тяжелыя работы отпра-

правляютъ у нихъ рабы, купленные ими у сосѣдственныхъ народовъ; иные же добровольно приходятъ къ нимъ работать. Философъ нашъ, долгое время жившій на семъ островѣ, началъ проповѣдывать жителямъ Христіанской законъ, которой многие и приняли. Впрочемъ они не спорятъ о Религии, и всякой можетъ думать, какъ хочетъ, сообразно съ своею совѣстью.

Вотъ что можно было извлечь изъ сего полипического романа, весьма темнаго въ Рускомъ переводѣ. Читатель можетъ судить о семъ по слѣдующимъ мѣстамъ. „Всѣ предме-
„ты, встрѣчающіеся глазамъ сихъ ра-
„бовъ, *одумавшихъ самихъ себя*, имѣ-
„ютъ такое *надъ ними угасие*, что
„отвращаютъ ихъ отъ вины, и пр. —
„Боже насъ сохрани! вскричалъ закон-
„никъ, кусая пальцы *и дѣлая какой-*
„*то необытаинои видѣ* видѣть когда
„нибудь *входяща и истоняющася* въ
„Англи сеи странной обычай. —
„Совокупившися его гнѣвъ изъявляет-
„ся

„ся нечаяннымъ прерваніемъ. — Увы!
 „если бы Государь споль отчудилъ
 „сердца своихъ подданныхъ! — И
 „такъ грезмѣрныя крайности не-
 „имущества, жестокія уничтоженія,
 „испытываемыя человекомъ и проч., И
 на всякой почти страницѣ можно най-
 ти нѣчто подобное. Многие галли-
 цизмы въ слогѣ доказываютъ, что
 книга сія переведена не съ Англий-
 скаго, а съ Французскаго языка *Ма-*
гистраты идущъ у Г Переводчика
 вмѣсто *судей*, *слуганья* игры вмѣ-
 сто азардныхъ и пр и пр. Видно,
 что онъ еще во Французскомъ язы-
 кѣ не очень силенъ; да и въ Рус-
 скомъ тоже.

О ИНОСТРАННЫХЪ КНИГАХЪ.

1. Arthur, or the Northern En-
 chantment A Poetical Romance. In se-
 ven books. London 1790. То есть:
Артуръ, или сѣверное отарованіе.
Питтиская повѣсть. Въ семи кни-
 III *гахъ.*

gazet — Новая Эпическая Поэма, которая должна быть приятна для всѣхъ любителей Поэзии. Содержаніе самое романическое и занимательное, приключенія всѣ интересны, образа живы и плѣнительны, слогъ чистъ и приятенъ — Изъ Critical Review.

2 An Account of the principal Lazaretto's in Europe; with various Papers, relative to the Plague, together with farther Observations on some Foreign Prisons and Hospitals, and additional Remarks on the present State of those in Great Britain and Ireland. By John Howard. London. То есть Описание главныхъ лазаретовъ въ Европѣ, съ разными примѣчаніями на язвы, и дальнѣйшія извѣстія о нѣкоторыхъ иностранныхъ тюрьмахъ и госпиталяхъ, съ прибавленіемъ замѣчаній на нынѣшнее состояніе оныхъ въ Великобритани и Ирланди. Сочиненіе Иоанна Говарда. — Сія книга служитъ продолженіемъ тѣхъ наблюдений, которыя Говардъ публиковалъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ — Говардъ.

вардъ, добродѣтельной мужъ, любившій бѣдное человѣчество страстною любовью. Онъ объѣхалъ всю Европу — не для того, чтобы видѣть великолѣпныя земли, пышность и роскошь — но для того, чтобы видѣть мѣста спаданія, мѣста ужаса и плача щемницы и лазареты — и по томъ предложить средства къ облегченію тягостной судьбы несчастныхъ. Попомство не забудетъ своего имени, Герой добродѣтели! Пока не истребитъся въ человѣкѣ чувство добра, Говарда будетъ именоваться благодѣтелемъ человѣчества. Не посвящаютъ тебѣ олтарей, но всегда со вздохомъ говорятъ будуще. *Остальн бы болѣе было Говардовъ!*

ИЗВѢСТІЕ

Имена Особъ, благоволившихъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ подписаться на Московскій Журналъ, будутъ припечатаны въ первой книжкѣ слѣдующей Части.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ода на смерть Графини Румянцовой	-	-	-	270
Письмо къ Прелестѣ	-	-	-	274
Я	-	-	-	280
Эпиграммы	-	-	-	—
Мармонтелевы вечера	-	-	-	281
Сельской праздникъ и свадьба	-	-	-	292
Письма Руск. Путешественника	-	-	-	308
Лилія и Роза	-	-	-	349
День и Ночь	-	-	-	352
О Московскомъ Театрѣ	-	-	-	353
О книгахъ	-	-	-	358
О иностранныхъ книгахъ	-	-	-	365

ОШИБКИ ВЪ ПЕЧАТИ.

Стран.	Стр.	Напечат.	Чит.
277	8	они	онѣ
280	8	не ишо	но ишо
